

A photograph of a mountain landscape. In the foreground, a large eagle is in flight, its wings spread wide, flying towards the left. The eagle is dark with a lighter patch on its head. Below the eagle, a thick layer of white clouds fills the valley. In the background, rugged, rocky mountain peaks rise above the clouds. The sky is a pale blue. The overall mood is majestic and serene.

Александр Костюнин

Ингушетия

Дневник поездки



Ингушетия

(Дневник поездки)

г. Москва, 2016 год



Посвящается
Лейле Якубовне Арапхановой,
истой ингушке, патриоту своей Родины.

Фото на обложке Евгения Шивцова



Содержание

1. От редактора
2. Плацкарта (Хабар)
3. Первое слово на ингушском (Хабар)
4. Махмуд (Хабар)
5. Свадьба сына Солнца (Хабар)
6. Ингушетия — фотовзгляд
7. Письмо (Хабарик)
8. MMS из прошлого (Малумат)
9. «И дики тех ущелий племена...» (Хабар)
10. Народные промыслы (Хабарик)
11. Птицы небесные (Ахи)
12. Философия ингушского языка (Хабар)
13. 23 февраля (Хабар)
14. Великая Отечественная (Хабар)
15. Исход первый (Малумат)
16. Исход второй (Малумат)
17. Исход несбывшийся (Малумат)
18. Обратный отсчёт (Малумат)
19. Ингушетия — фотовзгляд
20. Советская власть (Хабарик)
21. Художественная школа (Ахи)
22. Родина Камасутры (Ахи)
23. Право служить (Хабар)
24. Ослушник (Хабар)
25. Ингушетия — фотовзгляд
26. Махмуд зажигает
27. Исса (Хабар)
28. Ингушский язык (Малумат)
29. Я верю в человека! (Ахи)
30. Государство Эздел (Хабар)
31. Мама (Хабарик)
32. Мат в несколько ходов (Малумат)
33. Антихиджаб №1 (Хабарик)
34. Мудрость, возведённая в ранг (Хабар)
35. Абреки (Малумат)
36. Вор (Хабарик)
37. Ингушетия — фотовзгляд
38. Махмуд зажигает
39. Поправка к «сухому закону» (Хабар)
40. Проспект отца (Хабар)
41. Махмуд зажигает
42. Муж учительницы (Хабар)
43. Корреспондент «Интерфакса» (Хабар)
44. Ужас-Бек (Малумат)
45. Умористы (Хабарик)
46. Свадьба (Малумат)
47. Сваха (Хабар)
48. Устаз вольной борьбы (Хабар)
49. Два клика (Ахи)
50. Войны Империй (Хабар)
51. О, спорт, ты — мир! (Хабарик)
52. Россия (Малумат)
53. Вера (Малумат)
54. Ингушетия — фотовзгляд
55. Сплав «МЫ» (Хабарик)
56. Символы Ингушетии (Малумат)
57. Матрица (Ахи)
58. Заключение
59. Словарь

*



От редактора

Кавказ Северный, Южный... — самобытный седой мудрый край.

Свою многоцветную трилогию «Кавказ», под магическое обаяние которой попали как маститые критики, писатели, так и неискушённые в новациях литературы рядовые читатели, писатель Александр Костюнин завершает повествованием — «Ингушетия (Дневник поездки)».

Моя неприлично долгая жизнь в поэзии и литературоведении сложилась так, что довелось сотрудничать, дружить со многими видными, знаковыми поэтами и писателями современности: в должности советника и редактора печатных органов Международного Сообщества Писательских Союзов МСПС я занимался организационно-творческими вопросами укрепления традиционных гуманитарных связей между народами Южного и Северного Кавказа на обширном постсоветском культурном пространстве. С Ингушетией меня породнили и родственные отношения: моя покойная горячо любимая жена появилась на свет в грозном 1937 году не где-нибудь, а в столице Чечено-Ингушской Республики городе Грозном... Будучи рождённым в легендарном интернациональном городе Тифлисе (ныне столица Грузии Тбилиси), я переводил на русский язык и редактировал книги стихов не только с грузинского, но и с армянского, курдского, осетинского, лакского, табасаранского, кумыкского, аварского, даргинского, азербайджанского, абхазского, ингушского, чеченского, кабардинского, балкарского и с других языков Закавказья и Северного Кавказа, где, как говорится, в каждом ущелье свой язык.

Особенно доверительные отношения сложились у меня с Расулом Гамзатовым и Саидом Чахкиевым, последнюю прижизненную книгу которого «Суть» я перевёл и редактировал в 2008 году. Позволю себе привести здесь дарственную надпись автора на книге: «Глану Онаняну — моему старшему брату, добрейшей светлой души человеку, выдающемуся поэту современности и несравненному переводчику — с пожеланием здоровья, вдохновения и счастья! 19.04.2008г, Саид Чахкиев».

Я с энтузиазмом воспринял известие о том, что мой давний друг и ученик, выдающийся писатель, фотохудожник и заядлый путешественник Александр Костюнин написал новую книгу. Обладая незаурядным личным мужеством и ненасытной любознательностью, этот автор всеми правдами и неправдами проникает в самые «горячие точки» нашей вздыбленной планеты, обогатив духовный мир читателя энциклопедически насыщенными и эмоционально заразительными книгами о Дагестане и Абхазии. Я рад и горд тем, что имел самое непосредственное отношение к знаковым творениям Александра Костюнина, выступая в них как редактор и автор предисловий. А вот теперь — повествование о Стране Башен — Ингушетии.

Меня особенно порадовало и воодушевило то обстоятельство, что книга моего друга посвящена именно вайнахам, вокруг самобытной горской культуры которых, в общественном сознании, сложилось столько пугающих обывателя мифов и легенд... Как раз такие книги, как «Ингушетия», и призваны с гуманистических позиций толерантности развеять пропагандистский туман инвектив, выявить и выдвинуть на передний план общечеловеческие ценности, не разъединяющие, а сближающие людей разного исторического опыта, общественного уклада, образовательного ценза и конфессиональной принадлежности!

Будь на то моя воля, я бы давно *Honoris causa* присвоил Костюнину учёную степень доктора географических наук по совокупности его великолепных книг. И повторяюсь... Опираясь на свой более чем полувековой профессиональный опыт литературного критика и редактора, я готов здесь и сейчас ответственно заявить во всеуслышание: в лице Костюнина русская литература обрела ныне новое измерение, новое дыхание, новую ипостась!

Глан Онанян

Заслуженный работник культуры России,
Кавалер орденов Почёта и Чести,
Доктор философских наук



На страницах нет сцен с табакокурением, распитием спиртных напитков. При написании книги ни одно животное не пострадало. (Можете смело предлагать чтиво детям!) Гибнут только люди... гибнут кроваво, массово от голода, в межнациональных конфликтах, в пытках. Теперь, когда все формальности, предусмотренные законодательством, соблюдены, «тронем коня»...



*Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой...*

Михаил Лермонтов

Мой дневник поездки — не жидкий ручеёк воспоминаний, не слащавый привет с телевизионного ток-шоу жителям родной деревни, не усыпляющее лёгкое чтиво. Это — бурный поток с искорёженными обломками XX века, фрагментами людских судеб, обрывками фото, слезами, «человеческими черепами, застывшими в широкой добродушной улыбке...» Я, большей частью, слушаю и подмечаю. На страницах предоставлено слово самому ингушскому народу. По жанру текст ближе к стенограмме встреч, бытописанию, путевым заметкам.

А по существу — боль.

По существу — сель.

Сель...

Прислушайтесь к грохоту его.

Сель — как литературный жанр.



Фото Али Оздоева



Плацкарта

Хабар [1]

*Впереди идущий — мост для идущего следом.
Хьалхаводар тӀехъавоагӀачун тӀий да.*

Ингушская пословица

«Седина в бороду — бес в ребро!» — гласит русская поговорка.

Правы мудрецы...

Только старческие симптомы проявляются по-разному. Вашего покорного слугу на старости лет охватила тяга к бродяжничеству. Мне, как и Владимиру Маяковскому «необходимо ездить». Что-то внутри не даёт покоя, не позволяет вести степенный, оседлый образ жизни, гонит в путь... Будто спешу напиться жизнью на излёте. Словно кто-то, помимо воли, грубо выпихивает меня за дверь, следом выставя нехитрые пожитки. Дверь захлопнулась, ключ в замке провернулся...

Стоишь спиной к родному порогу и остро понимаешь: предстоит тяжёлый маршрут.

Сосед Вася, как пограничный столб, всегда на посту.

Всегда последним провожает меня в дальний путь, первым встречает. И всякий раз перед трудной, долгой дорогой находит он слова ободрения:

От этого Терека
в поэтах
истерика.
Я Терек не видел.
Большая потеряйка.

— Ты что, Маяковского что ли... стихи знаешь?

Вася глумливо ощерился, не удостоив ответом:

— Опять на Кавказ, Александр?

— В Ингушетию.

— «Улетел на юг Пегас — неизвестно, на фи́га`с!» [2] Ну, правильно, поезжай хоть ты... кому-то ведь надо. Больше нема дураков.

Я занял своё место в вагоне третьего класса и уставился в окно...

В Ингушетию поезда не каждый день, наплыв желающих невелик (тут Вася прав!) Но для меня это скорее — «плюс»! Когда все уголки кавказской природы будут описаны, обписаны... какой интерес? Однако, как сложится поездка?... Каждому, со своей колокольни, ситуация видится по-своему, какой она выглядит с их минарета? Встретят как?.. Что за народ ингуши?.. Вопросы, вопросы, вопросы стучали в мозг в такт музыкальной композиции «Пи эр квадрат». Ответа на них не было и быть в тот момент не могло. Благословение в дорогу получил, а там... О погоде на завтра узнаем послезавтра.

Шумные торговцы беспрерывно снуют по вагону, носят товар: кто мёд, кто пуховые платки, журналы, варёную картошку, горячие пирожки... У одного — целая корзиница с копчёной колбасой.

— Выглядит аппетитно, красиво, — дородная соседка шумно втянула воздух и полезла за кошельком.

С верхней полки хриплый голос:



— Красиво? А из чего она? Може, зарезали кого...

«Слава тебе, Господи! Не ошибся поездом, на Кавказ еду», — облегчённо подумал я.

Женщина замерла на миг... затолкала кошелёк обратно в сумку.

Голос сверху принадлежал хмурому мужчине спортивного телосложения. Звали его Кужи. Кужи родом из Южной Осетии, участник четырёх войн, поэтому все его шутки чёрные: на срочной службе угодил в армяно-азербайджанский конфликт; потом вляпался в выяснение отношений Северной Осетии с Ингушетией (друг позвал); затем в разборку Абхазии с Грузией; ну а то, что в родной Южной Осетии делил власть с автоматом в руках, так сам Бог велел (я так бы сказал). Но Кужи в Бога не верит:

— Пусть Он сначала ответит мне: почему столько зла на земле. Пусть вера сама меня ищет.

А соседка из Кабардино-Балкарии, не купившая колбасу, вела беседы о хлебе насущном:

— Раньше в станицах многие держали скот, сейчас нет. У меня на подворье до двадцати свиней доходило да три коровы. Муж — водителем в совхозе. В кузове машины дырочку просверлил: на обед домой приедет, два ведра зерна ссыплет. Теперь совхозов нет, одни частники.

Жаловалась она на жизнь долго, занудно...

Её можно понять: на селе формируется, зарождается класс собственников, бузить, волынить, воровать у них несподручно. Как жить вольным людям — непонятно. Душно!.. Дальше так продолжаться не может.

На сей позитивной ноте, под квадрохрап соседей, я задремал...

Вагон плацкартный — передвижной российский базар с торговками, пересудами, спорами, храпом, ором, шуршаньем, чавканьем, детским плачем, позвякиванием стаканов, задушевыми беседами. Для писателя плацкарта — творческая лаборатория на колёсах, заповедник людских характеров, образов. Хотя, если разобраться, — вся наша жизнь «плацкарта». Катимся мы по жизни под стук колёс, созерцаем, глядя в окно, ахаем-охаем! А бывает, не вставая с места, сами становимся участниками событий: то сладкой задушевной беседы, то дрызг-склок... И уж, кому совсем не повезёт, крушения.

«Каждому — своё», — приговор Цицерона обжалованию не подлежит.

Да, каждому своё. Моё — писать.

Писать в пору, когда читают лишь интеллектуалы, как во времена Пушкина, Лермонтова.

И обижаться тут не на кого.

Как там у поэта [3]:

На лень мою я не в обиде,
Я не рождён иметь и властвовать,
Меня Господь назначил видеть,
А не кишеть и соучаствовать.

У Васи сформировалось против Кавказа устойчивое предубеждение, переспорить его трудно, скорее невозможно. Он такой не один. Однако из года в год я обхожу республики Северного Кавказа, Закавказья, встречаюсь с уникальными людьми, посещаю достопримечательности рукотворные, природные, привожу из этнографических экспедиций тысячи снимков и пишу книги для тех, кто хочет узнать и готов полюбить Кавказ. Моя цель — найти позитивный материал. Шесть лет тому назад, путешествуя по Дагестану, я сравнивал себя с пчелой, кропотливо собирающей нектар. Годы идут... На пчелу теперь явно не похож... По комплекции — скорее шмель, по трудолюбию — не трутень!

Из пыльцы, нектара шмель тоже вырабатывает мёд, но уже в меньшем объёме.

Мёд — полезный, вкусный, сладкий продукт, хотя чуть с горчинкой (без горчинки — эрзац, подделка). ГалГай [4] изумлялись, почему не собираюсь писать о вещах негативных, зачем, кому, мол, нужны «потёмкинские деревни», эти лубочно-пырьевские картинки, лакировка действительности, отчего категорически отказываюсь писать про политику? Объяснял им, повторю и читателям: политика, на мой взгляд, лишь ожесточает, озлобляет, ссорит людей. Когда мы говорим, думаем о позитиве, о духовном, нравственном, мы, словно аккумулятор, получаем зарядку, и наоборот, разряжаемся на брюзжании о несовершенстве мира...



Фото интернет



Негатива о Кавказе хватает без меня... Для того, чтобы написать «чернуху», нет нужды тащиться за тысячи километров киселя хлебать, знакомиться с краем подворно. Негатив можно состряпать, черпая из бездонного воображения, как Вася — мой сосед. Часто в разговоре с ингушами я выступал в качестве адвоката, яростного защитника местных адатов, нравов... Чудеса! Вроде должно быть наоборот. Очевидно, те плюсы в менталитете кавказских народов, ингушей в частности, которые идут из глубины веков — туда даже страшно заглядывать, какая глубина! — ввелись в пот, кровь местного населения... Этих явных преимуществ сами кавказцы порой не замечают, настолько свыклись со своими традициями. Благородные черты, кодекс чести Эздел для ингушей, как нечто само собой разумеющееся. Как воздух! Бесцветный, без запаха, невесомый, но жизненно необходимый... То, что он целебный, животворящий, становится понятно, лишь когда на шланг наступят и подачу кислорода перекроют. Приезжему эти плюсы хорошо заметны. Не со стороны, а именно изнутри, как мне... Однако написание путевых заметок сие не упрощает.

Работа на «четвёрку/хорошо» не нужна ни ингушскому народу, ни мне — никому.

Время такое... Космическое!

Самодетельность, «два прихлопа, три притопа», остались в прошлом. Книга будет называться «Ингушетия (Дневник поездки)». Она должна стать лучшей в мире!.. Тогда про уникальный народ узнают все, и судьба ингушей изменится к лучшему. Я буду стараться изо всех сил, но в одиночку такой вес не поднять. Поэтому всех мусульман при встрече призывал во время намаза не отвлекаться на второстепенные дела, не надоедать Аллаху житейскими просьбами, просить-умолять, чтобы книга эта ОБ ИНГУШЕТИИ стала ЛУЧШЕЙ В МИРЕ. Ведь если читать Аятуль-Курси, дуа не останется без ответа. А если ВСЕМ ИНГУШАМ просить об одном, дуа не останется... без ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ответа.

Что получилось в итоге, решать вам, дорогие читатели.



Фото автора: Дуа (молитва) с просьбой сделать книгу «Ингушетия» лучшей в мире;



Примечания:

- [1] Хабар — рассказ, молва, слух;
- [2] Степан Балакин.
- [3] Игорь Губерман, поэт;
- [4] ГалгIай (инг.) люди башен — самоназвание ингушей.

*



Первое слово на ингушском

Хабар

*Если ты знаешь ингушский язык, уживёшься
с любым народом.
Г'алг'ай мотт хьона хой, моллаг'ча наха
юкье товргва хьо.*

Ингушская пословица

Весной над Ингушетией висит аромат черемши...

Особенно в горах.

Оттуда, из села Мужичи, и начался мой тур по Ингушетии.

Несколько лет ученики и педагоги местной школы участвуют в конкурсе «Купель», давно приглашали в гости, и вот — решился. Первым делом, понятно! познакомился с руководителем образовательного учреждения (как говорится, дедовщину никто не отменял).

Директор ГКОУ «СОШ с.п. Мужичи», Т.С. Бесаева, — филолог по образованию. Как у всех горянок, рабочий день у директора сельской школы начинается задолго до школьного звонка. Каждое утро, изо дня в день, Тамара Суламбековна выполняет традиционную женскую работу хозяйки дома, хранительницы очага...

Фото автора



А после, сменив форму одежды на официальную, служит святому делу — делу Знаний.



Фото автора



Встреча мне понравилась, но логичнее дать слово принимающей стороне.

Отзывы участников:

Весть о том, что в школу приезжает настоящий писатель разлетелась моментально, повсеместно. К встрече, естественно, готовились, ребята выучили отрывки из произведений писателя, волновались... Но волнения вмиг улетучились, когда к детям вышел свой парень в привычной для кавказцев тюбетейке. И этот, казалось бы, незначительный штрих сделал его своим, родным, близким, дорогим. Встреча плавно перешла в доверительную беседу, которой сегодня, в этой суетной будничной жизни, не хватает всем: и детям, и взрослым.

- Ахмед Гандаров, 7 класс: «Беседовал, словно знал нас давно, видел каждый день, и мне показалось: он никогда не ругает детей».
- Марет Шафаудиновна Хамхоева, учитель английского языка: «Творчество А. Костюнина — как злоба дня. Сегодня, когда боль чужая как бы «вне контекста», его рассказы возвращают нас к человеку, к его боли, страданиям... Ну просто «своевременные мысли»».
- Айна Муссаевна Аушева, заместитель директора по ВР: «Александр Костюнин — Человек Мира. Для него не существует ни национальностей, ни возрастов, ничего лишнего, что не имеет отношения к Человеку, к его душе. У меня остались самые добрые воспоминания о встрече. Пусть их будет больше».
- Мовсар Гайтукиев, 11 класс: «Покорён тем, с какой любовью он пишет о Кавказе. Как только сказал: «Ассалам-алейкум», — сразу вспомнились слова Юлия Цезаря: «Пришёл, увидел, победил». Так и есть».

Живые глаза детей, вопросы с места, лезгинка, с блеском исполненная юными горянками и джигитами, общение в классе, уже в более тесном, уютном кругу (это фото я называю «Ленин и дети»).



Фото Айны Аушевой





Всё замечательно! Но ярче других запомнился такой эпизод...

После творческой встречи Тамара Суламбековна предложила:

— Александр Викторович, сейчас пообедаем. Видели, где наш буфет?

— Видел.

— Идите, я закрою кабинет и Вас догоню.

Общепит в отдельном здании, за школой. В состоянии эйфории, под ликующее пение жаворонков, купаясь в лучах славы и горного весеннего солнышка, я шествовал по утопанной дорожке. В буфете женщина уважительно поднялась и, добродушно улыбаясь, матерински участливо спросила:

— Чей, мандила?

— ?!. Да так... ничей... свой собственный.

«Бред какой-то... Получается, с “мандилой” уже согласен?! Вот оно хвалёное кавказское гостеприимство», — я силился улыбнуться... не получилось. Нервно взбрыкивая, возвращаюсь в кабинет. Настроение моё было непоправимо изгажено. Директор по лицу сразу догадалась: что-то стряслось. Секретарь перестала набирать текст на клавиатуре, завуч профессионально заглянула мне в самую-самую душу:

— Что с Вами?

А меня и не требовалось особо упрашивать, честно выложил:

— Захожу только, она: «Чей ты, — говорит, — МАНДИЛА?»

Директор от натуги согнулась пополам, учителей стало беззвучно трясти...

Нескоро допытался, что вопрос «Чей ман ди Ia?» означает по-ингушски: «Чай будете?»

Всего-навсего... В принципе, безобидный вопрос, хотя фонетика не сулит ничего хорошего.

На любителя...

Слово авторитетным ингушским учёным

Из рубрики «Азбука языкознания». «Одним из неоспоримых доказательств того, что именно ингушский является праотцом и праматерью всех языков мира, служит тот факт, что даже Нельсона, темнокожего Президента ЮАР, родители прозвали Манделой (хорош мальчик!). В русском языке заимствования из ингушского фиксируются лингвистами повсеместно. Например, в жанре эпической песни: «Не манди! Не манди! Неман — дивная река».

Коронная фраза стала моей первой, твёрдо усвоенной на ингушском. Произношу её без акцента, смакуя. На этот вопрос отвечу в любое время без запинки, хоть ночью поднимут. Хоть на



Страшном суде. Своих знакомых теперь спрашиваю напрямик: «Чей ты, мандила?» Я им всем ещё надоем!.. Ничего-ничего, пусть тоже учат ингушский. А чтоб сам не забыл, напоминанием — кружка с надписью, торжественно врученная в школе на память.

Печатаю очерк, а она, родимая, стоит себе на письменном столе.

Стоит и напоминает о сказочном радушии ингушей.

Фото автора



*



А знакомство с радушной горянкой, талантливым педагогом и директором школы Тamarой Суламбековной Бесaeвой — подтолкнуло на лирику!
Вот уж никак не ожидал от себя...

Б.Т.

Словно цепью скована орлица,
Ты тоскуешь на земле давно.
Ты — не беса — Бoгова крупица
И взлетать нам вместе суждено.
Для тебя мерцает гранью слово
Блеском ненавязчиво-бездонным
Рифма, вдруг пришедшая без зова —
Птицей быть уставшая бездомной.
И строка, как воздух невесомая
Как молитва, что не высказана вслух
Близкая и, вроде, незнакомая —
Как томимый упоеньем дух.

*



Махмуд

Хабар

Махмуд, зажигай!

«Белое солнце пустыни»

Признаюсь честно: если бы не такой провожатый, как Махмуд, никакой книги у меня не получилось бы вообще. Он знает Ингушетию досконально, и все знают его.

Это — сверхинтересный человек!

Мне кажется, если б его жизнедеятельность транслировать по TV в режиме on-lain, как стройку космодрома «Восточный», население переключится с других каналов на этот, прилипнет к экрану — не оторвёшь! Причём не нужны никакие комментарии: просто Махмуд сидит, Махмуд думает... спит, принимает пищу. Лично мне интересно абсолютно всё, чем он занимается. В царской России подобная рубрика в светской хронике была специально предусмотрена, отдельный раздел про монаршую семью извещал страждущих: «После обеда Николай II колол дрова». Что добавить к этой информации? Да нечего!.. Видя Махмуда на экране живым, здоровым, в реальном времени, лично я бы чувствовал бОльшую уверенность в завтрашнем дне. Мне особо импонировало то, что Махмуд — мой ровесник, человек семейный, набожный, сам из добропорядочной многодетной семьи — их девять братьев и три сестры! «Мы сварим с ним кашу...» — первое, о чём я подумал, когда мне представили невысокого, круглого, в тюбетейке, добродушно улыбающегося проводника. А если добавить к этому филологическое образование, наличие собственной «Приоры» и необузданное желание показать Ингушетию во всей красе — вот вам и будет полная характеристика моего толмача. Малейший пробел в информации, любые паузы он с готовностью заполнял своей широкой душой, стоило только дать команду: «Махмуд, зажигай!»

— Александр, всё славно! Не знаю только, как Вы будете спать?

— В смысле?!

— Ингушетия — республика крошечная, если вытянешься во весь рост — ноги окажутся у соседей. Мало-мало скандал будет, дихон [1].

— Территориальный?

— Какой же ещё?.. У нас на Кавказе все конфликты из-за того, что землю делят на ингушскую, чеченскую, дагестанскую, осетинскую — и не считают российской.

— Ладно, ноги подогну.

— О!.. Красавчик!

— Махмуд, зажигай!

— В Ингушетии не принято проводить время за бокалом вина, поэтому заздравных тостов не сочиняют. Устное народное творчество находит выход в ином жанре — «проклятья». И вот два миролюбивых ингуша обмениваются проклятьями. Один простирает руки в мольбе к небу: «Пусть у тебя в роду умрёт тысяча человек», второй парирует: «А в вашем тейпе пусть погибнет один, который кормит эту тысячу». Если правильно понимаю, тебе нужны не тысячи — «тысячники», кто духовно окормляет, просвещает ингушский народ.

— Да, Махмуд!

— Будем искать...

Повезло с провожатым! Теперь дело за мной...

Боян, автор «Слова о полку Игореве», призывал не «растѣкашется мыслию по древу». Важно, чтоб на страницах книги читателю было одновременно комфортно и парадоксально интересно, интимно-трогательно и трагично до остановки сердца... до слёз непрошенных, и вдруг радостно, лезгинисто... смешно-ухихикаться до недержания — как в советском общепите! Чтобы



чувства варьировали от эйфории до Судного дня. Вот тогда на белом листе бумаги и проступит через корявые чёрные буквы Литература. Вот и будет всем счастье!

Однако чудо возможно лишь на пике вдохновения при встрече с Богом... Идти навстречу Ему, помогут молитвы ингушей, но как... самому стать молитвой?

Как войти в восходящую волну?!

Разные существуют подходы...

Пробольшевистская богема Петрограда, например, по указанию Зиновьева снабжалась не только продуктами, но и кокаином, необходимым некоторым творческим персонам для вдохновения. В дореволюционных аптеках он продавался по рецепту как одно из лечебных снадобий. Под кокаином был написан роман Булгакова «Мастер и Маргарита»; под его воздействием рисовал Михаил Врубель [2]. А деятель большевистской партии Лазарь Каганович, полагал, что мемуарист-большевик не может и не должен просто рассказывать факты, он должен твёрдо стоять на генеральной линии партии.

О своей методике творческого уединения на необитаемом острове в Белом море без еды, с запасом пресной воды я писал ранее: «Пёрышки», «Вешки». Ещё один метод подсказал старец в Ингушетии: «В старину копали яму глубиной метра три, чтобы изолировать от посторонних шумов, но не «зиндан». Человеку опускали туда еду, питьё, и он безвылазно, не общаясь с людьми, находится там сорок суток. Говорят, после этой процедуры пробуждаются скрытые возможности, многие из этой практики выходили, зная язык трав, деревьев, насекомых. Существует знание, существует мудрость. Как гласит древняя формула: «Мудрость находится в головах, внимательных к своим мыслям; знание находится в головах, внимательных к чужим мыслям». Когда вы находитесь в обществе, вы нацелены вовне, даже если такого желания нет. Сосредоточиться на себе трудно. Одиночество, отшельничество мыслителям предписано. Ну и, конечно, сочинителям показан горный воздух...

Для меня этнографические поездки с элементами попрошайничества на Северный Кавказ — эффективное средство от писательского климакса и бесплодия. Как почва в засуху ждёт дождя, так писатель жаждет общения с интересным собеседником, с человеком-Судьбой.

— А кроме интересных людей Вам нужны...

— Махмуд, давай на «ты»!

— Давай! ...Нужны амплитудные, яркие события, происшествия.

— Опять в десятку!

— У ингушей есть формула «дик — мо» («хорошо — плохо»). Два полюса: свадьба, рождение детей — «хорошо»; смерть, похороны — «плохо». Однако что бы ни произошло, всегда в огромном котле варится мясо, а вокруг вращается вся остальная жизнь, люди, гортанный говор... Есть животные, о которых мы точно знаем: пришли к нам из глубин тысячелетий — черепахи, ящерицы, крокодилы... всякие панцирные... С тех пор живут, не видоизменяясь. Ингуши точно такие — они с момента мироздания тоже не изменились. Как камни, как горы... Котёл для нас не просто кухонная утварь, не столько ёмкость для варёва. Котёл с мясом — олицетворение союза четырёх стихий: металла, огня, воды и земли.

— Да, нужно искать символы...

— Будем искать! А сейчас едем размещаться...

На аншлаге, растянутом над воротами, висела угрожающая надпись: «ГБУ ЦВППМВС».

— Боюсь, мне ваш язык не осилить...

— Ты полагаешь, это на ингушском?

— А на каком?..

— На русском: «Центр военно-патриотического воспитания и подготовки молодёжи к военной службе». А вот что означают три первые буквы, не знаю даже я.

— Три буквы обычно не означают ничего хорошего.

— Вам, писателям, видней... Вот тут, в одном из домиков, и будешь жить.

Всюду благоухали груши, яблони в свадебно-белом цвету... Казалось, сами домики утопают в цветах и чарующе пахнут, настраивая совсем не на работу... Дурманящая красота.

И вдруг солнышко скрылось.



Одиночные капли.

Стал робко накрапывать дождик... смелее, смелее... Хлынул ливень, ветер стал порывистым, дерзким. Груши гудят, качаются, осыпая белый цвет. На улице сыро, зябко, и от того в тёплом домике ещё уютней и теплей. А спустя час — опять солнышко!

Вечером выбрался на лавочку в парк... Кругом, как в раю...

Прилетела ингушская ворона, думаю: «Она такая же ушлая, как наши, или нет?» Поклевала горбушку, закончив трапезу, сорвала листок одуванчика, укрыла кусок хлеба — заметно! — ещё листок, ещё, пока не спрятала надёжно. (Такая же!) На следующий день прилетела, достала свою добычу, попробовала клевать — хлеб засох, не отщипнуть. С сухарём в клюве перелетела к луже, опустила в воду отмокать. (Ингушская круче!!!) Дальше за птицей наблюдать возможности не было, попросил сторожа Абу.

Тот обещал.

Махмуд мне рассказывал, что старики отличали горных жителей Ингушетии от равнинных по походке: горцы ходили чуть-чуть впрыскаду. Я решил понаблюдать за прохожими, проверить... И точно! Смотрю мужичонка идёт именно так... Горец! Гляжу, он быстрее, быстрее-быстрее и... — нырк в сортир.

Примечания:

[1] Дихон (Дий хьона — инг.) понимаешь — присказка Махмуда;

[2] Анатолий Шуклецов «Допинг».

*



Свадьба сына Солнца

Хабар

*Люди рождаются разными, и
каждому под солнцем есть место.*

Махмуд захлопнул водительскую дверку:

— Сегодня у нас по плану свадьба в селе Мужичи!

— На свадьбе уже был, село знаю. Вычёркивай!

— ...У жениха синдром Дауна, — настойчиво продолжал Махмуд. — По российскому каналу недавно слышал: восемьдесят пять процентов родителей в России от детей с таким диагнозом отказываются. В Ингушетии своих не бросают, дихон. Синдром Дауна — диагноз серьёзный, а тут ещё свадьба... Это даёт надежду другим людям. Поступок ответственный для той и другой стороны. Переступить молву, осуждение, пересуды — непросто. Одно дело — видаться с таким человеком на улице, мимоходом, раз в неделю, другое дело — породниться. Называют таких «дети солнца».

— И?..

— Хорошо знаю семью жениха, отца. Магомед Бесаев — сам человек неординарный. Однажды он ехал в Назрань, два местных аксакала напросились к нему в попутчики; машина старая, и прямо на железнодорожном переезде — представь! — двигатель заглох. Тут поезд... Магомед выскочил из машины, орёт старикам:

— Выходите быстрее!..

А те: «На всё воля Аллаха», — не вышли. Он постоял и... обратно сел в машину, за руль.

Поезд на них летит, гудит... ближе, ближе, ближе... врзается. Машину всмятку, старики погибли, Магомеда врачи спасли.

— Махмуд, зажигай!

Повезло мне с проводником: у него буквально нюх на людей, на события «федерального масштаба» — так условно называю материал, который интересен всей стране от Мурманска до Камчатки.

— Жениха зовут Абдурахман, — вводил меня в курс дела провожатый. — Хоть считается больным, вреда от него нет. Соблюдает все наши обычаи, уважает старших, и его не обижают. Он может зайти в любой дом, покушать, чаю попить. Никто не брезгует им, никто не возноится, не пренебрегает, не смеётся. Жалеют. Каждый человек живёт своим умом. Если ты человек просвещённый, цивилизованный, то не станешь насмехаться над ближним, над его слабостями, странностями, болезнями. Такой даже над собакой не будет смеяться.

— Согласен.

— На селе прекрасно знают: с ранней юности Абдурахман молился, просил у Аллаха себе невесту. Все сопереживали, однако считали: не женится никогда. Диагноз такой!.. А недавно ему девушку сосватали. Договорились уже, калым заплатили, наметили дату свадьбы, и внезапно родители невесты потребовали сверх оговорённой суммы ещё триста тысяч. Откуда у родителей такие деньги? Свадьба разладилась. Думали, всё — ничего не выгорело... Через пару дней узнаём: нашли другую невесту.

Мы свернули в сторону гор.

— Сколько помню, Абдурахман мечтал: «Жениться бы! Жениться бы!» Мне самому радостно: нашлась для него пара, девушка дала согласие... одним счастливым человеком на Земле больше. Представь, дети народятся. И слава Богу! Человек хочет жить. Хоть больной — не больной. Каждый человек хочет жить. Собака и та хочет жить. Земля круглая, вертится, закручена



она не нами... Инвалиды, которые рядом, многим портят настроение. Их стараются избегать. Наивные, считают, их беда не коснётся. Нет. Никто не застрахован. В одном из хадисов сказано: «Никто не родился в рубашке чести, никто не уйдёт в рубашке чести». Все люди на Земле от Адама и Евы. У меня есть глаза, есть руки, есть ноги — мне проще, но я видел слепых, безруких, они находят мужество жить. У меня друг, бывший сотрудник ОМОНа, во время перестрелки получил тяжёлые ранения, стал инвалидом-колясочником. Жена, как беда случилась, наутро ушла. Но он не пал духом, нашёл девушку, которая согласилась за него выйти. Народили двух прекрасных детей. И никто — слышишь! — ни один человек в Ингушетии, не упрекнёт их за то, что они счастливы, дихон.

— Махмуд, дай его адрес и телефон.

— ...Познакомлю вас. Говорят, кавказцы «дикие», а нам кажется дикостью, когда в России самых близких людей, отца с матерью, сдают в дом престарелых. Будто немодную, ненужную вещь. Мать тебя носила под сердцем, произвела на свет, кормила, воспитывала, надеялась на тебя, верила, любила... А ты в ответ... И когда от родного ребёнка отказываются, оставляют его в больнице — обычное предательство, в какие бы красивые цивилизованные слова не упаковывали суть. И кто из нас дикий? Вопрос. Если такое сделает ингуш, его не будут считать за человека, общаться не будут, проклянут. Мы старость уважаем, молодых жалеем. Каждый человек имеет свой изъян. Каждый, по сути, — инвалид. Просто его ущербность не всегда заметна и не всем. У каждого, даже сильного, бывают минуты слабости, когда человек нуждается в помощи, хоть не просит, не молит о ней. Человека нужно в такой момент не гнობить, не добивать, наступив на больную мозоль, — поддержать. Не для него — для себя самого. Для спасения своей души. Такие у нас законы, традиции, адаты. Вы сами, наверно, чувствуете.

— Ещё как чувствую...

Мы въехали в село Мужичи. Опять Мужичи, куда ж без них? Все дороги ведут сюда.

Издалеко можно понять, где проходит горская свадьба: вдоль обочины выстроились вереницы машин, кучкуются горцы, на дворе в огромном чане ароматно побулькивает мясо, радостно снуют детишки.

Махмуд нырнул в гудящую толпу, вернулся не один:

— Вот, Александр, познакомьтесь: Бесаев Магомед — отец жениха.

— Салам алейкум, — я с интересом разглядывал своего ровесника-ингуша.

Мы уединились с Магомедом, и я включил диктофон.

— Вы, наверно, слышали, первый раз у нас сватовство разладилось. Ломал голову: как сообщить Абдурахману? Расстроится. Как сказать, чтоб не искал виноватых, кроме себя. Придумал! До этого велел ему сидеть дома: по нашим традициям жених до свадьбы на улицу носа не кажет — он всё одно укатил на попутке к племяннику в Сунжу.

Объясняю ему:

— Ты ослушался родительского слова, родители невесты узнали: не соблюдаешь адаты, разгуливаешь по району, вот и отказались от свадьбы. Зачем им такой жених!

Голову опустил, помрачнел:

— Теперь буду тебя слушаться.

— То-то.

А сам давай искать ему пару с удвоенной силой, везде искать. Сын так хочет, настроился... И повезло, подсказали добрые люди девочку, под стать ему. Что могу ещё про сына сказать?.. Читать не умеет... даун.

— Сейчас таких — большинство, — успокоил я. — Современный молодой человек!

— ...Так-то он работающий, помогает по хозяйству, что скажу, всё аккуратно исполнит: коровам сена поднесёт, ящики погрузит, навоз выкидает, в хлеву порядок наведёт... После него чисто-чисто; песок, гравий притащит, жерди из леса для изгороди. Бывает, сделаю замечание, поправлю — обидится. Напрямую не возразит, через мать: «Зачем он мне по два раза повторяет? Я сам знаю, как надо!»

Лезгинку станцует, ни у кого лучше не получится. Арабские нашивы под музыку напевает: слова не выговаривает, а мотив соблюдает. Молодые будут жить у нас дома, за ним ведь требуется постоянный присмотр, как за маленьким, до конца жизни. Бывает, у него спрашиваешь: «Почему так сделал? Я же тебе несколько раз объяснял, показывал». — «Не знаю... Так получилось». Что тут скажешь?.. Говорю: «Зачем туда поехал?» — «Ноги меня повели...»



— «Ноги повели!» Надо записать, — радостно встрепенулся я. — Думаю, ответ Абдурахмана и мне сослужит добрую службу, например, в беседах с женой. «Ноги повели!» — не придерёшься.

— Да, он мастер на всякие «отмазки», уловки. Курит, но никогда не попросит: «Дай денег на сигареты! Папа, купи!» Нет. Это ниже его достоинства. Он мне невзначай, как бы сетуя на несправедливое устройство жизни, проронит: «У твоего сына нет сигарет». И гордо покинет сцену. Согласитесь, картинка уже рисуется иная: не он привержен постыдной, пагубной привычке, не он, как маленький, «стреляет» чинарики, — нет! Я — невнимательный, никудышный отец. Чувствуете разницу?

— Как не чувствовать.

— Решил показать личный положительный пример и его увлечь: «Абдурахман, давай проверим, кто из нас настоящий мужчина, кьунах?! Давай бросим курить!» — «Забили», — тычет своим кулаком в мой кулак. (Откуда знает, как нужно пари держать, — понятия не имею.) Наутро смотрю, ходит по двору, дымит. «Абдурахман, ты чего? Мы же договорились бросить!» — «Так это было вчера...» Клянусь, рядом с ним почувствовал себя наивным ребёнком.

«Так это было вчера», — я записал в личную копилку и этот аргумент мудрого Абдурахмана, аргумент неубиенный.

— Бывает, у меня сигареты закончатся, ночь на дворе... Тихонько зайду к нему, чтоб не беспокоить, не будить, возьму у него из пачки пару штук — утром обязательно упрекнёт. Не зло, а так... снисходительно, сверху-вниз: «Ко мне забирались воришки». И опять скажет не напрямую — как бы... с небес... обезличенная реплика в зрительный зал: укор Человечеству за низменные слабости, пороки, бездушие.

Фото автора





Марьям, мать жениха, светилась от счастья:

— Я всегда старалась угодить его желаниям, что-то просит — покупала, спать не ложится — не заставляла. Жалко его, очень жалко. И тяжело... В то время ведь ни памперсов, ничего. Клянусь Вам, до утра не спала, лишь бы остался сухой.

Фото Али Оздоева



Искала для него спецшколу, но у нас не было тогда... Молилась Аллаху, просила, чтоб дал моему сыночку счастье, чтоб почувствовал он полноценную жизнь.

Он у нас очень ранимый, обидчивый. Отец только голос повысит, сразу идёт ко мне жалуется. Объясняю, ведь папа любит тебя, хочет, чтобы ты рос хорошим. Головой мотает:

— Знаю, ты меня успокаиваешь!..

Я старалась с самого детства, чтобы побольше бывал на людях: на похоронах, на свадьбах. Радовался за друзей, когда женились, и сам всегда хотел. Сильно-сильно хотел. Не разубеждала, а сама думала: ну куда ему? И решила женить младшего сына. Он как обиделся: «Я чем хуже?» Знает: по ингушским законам первым женится старший.

— Буду искать ему невесту, — решил муж.

Сперва полагала, шутит... Но, смотрю, на самом деле стал искать Абдурахману девочку соответствующую... Другую за него не дадут, у тех свой мир.

Год назад купили ему спальный гарнитур.



Как-то лежим с ним на кровати, и вдруг он спрашивает:

— Мам, ты меня правда женишь?

— Конечно, женю. Для чего же, по-твоему, покупали новую мебель?

— Мамочка — ты у меня самая хорошая! — и давай целовать меня с ног до головы.

Мне так стыдно стало, что лукавлю... что вера моя слаба. А всё же червь сомнений в душе покоя не даёт, гложет. Допытываюсь:

— Для чего тебе жениться-то? — сама уже всякого в голове напридумывала.

— Хочу, чтобы жена встала утром, кушать приготовила, позвала папу: «Папа, садись за стол!» Хочу, мамочка, чтобы тебя она пригласила: «Мама, иди, накрыла на стол!»

Я как разревусь...

Односельчане радовались за Абдурахмана так, будто разрешилась, устроилась судьба их сына — не постороннего человека. И самое главное, счастливы молодожёны.

Я бы никогда не поверил в это, ежели б не видел сам.

*



Ингушетия — фотовзгляд

Фото автора



Фото Амира Хакиева





Фото Амира Хакиева



Фото автора





Письмо

Хабарик [1]

*У каждого слова есть своё место.
ХIарача деша ший моттиг я.*

Ингушская пословица

Получил из Ингушетии весточку:
«Александр, ты спрашиваешь, где найти Юмор? Прислал нам стих Григорьева:

Старушка с пакетом мыла
Шла, ругаясь, кряхтя и хромая,
И вдруг на полном ходу вскочила
На задний буфер трамвая.

Нашид [2] этот обсуждали на Совете тейпа.

Главный старейшин Магомед гаварыл, все поддержали его, что Юмор — точно не ингуш, в нашем роду таких нет. Опиши, какой из себя! (Найдём его непременно, никуда от нас, собака, не денется.) Ещё Магомед спрашивал адрес той женщины. Сейчас собираем ей садака — продукты, одежду, тоже мало-мало деньги. Зачем её не пустили в трамвай? Негодяи!.. Если нет денег на билет, мы вышлем. А так ездить нельзя: ветер задерёт подол, оголит ступню — харам! Грех великий! Ещё хотим сказать Григорьеву и всем его родственникам: нельзя старого человека отправлять в магазин, — как только им не стыдно! — пусть сходит невестка или кто из внуков. Если возможности нет, Магомед отправит своего племянника, он, иншаалла, её наготово отвезёт-привезёт.

Писал, по поручению Совета тейпа, Магомед — другой Магомед, не в папахе.

Образование у меня тоже мало-нету...

Тебе нравытца мой жоп?

Я лишь недавно узнал, что «жоп» по-ингушски значит «ответ».
Вот и попробуй из этих кубиков выложить слово «счастье».



Фото интернет



Примечания:

[1] Хабар — рассказ, молва, слух; Хабарик (собств.) — маленький хабар (мне так кажется);

[2] Нашид — мусульманское песнопение, традиционно исполняемое мужским вокалом соло или в хоре без сопровождения музыкальных инструментов;

*



MMS из прошлого

Малумат [1]

— Они взяли лучшие экспонаты.
— Я же сказал барышням:
брать ковры похуже.
— Это же четырнадцатый век!

«Белое солнце пустыни»

Фото автора: Герихан Ахильгов



Махмуд посоветовал встретиться с Ахильговыми:

— Ингушский войлочный «ковер-истинг», слышал про такой?

— Нет.

— Вот и у нас почти никто не слышал. Возрождают древнее ремесло из небытия.

Я послушно созвонился, и мы встретились в Магасе, в кафе «Обанхо».

Седовласый интеллигентный мужчина представился:

— Ахильгов Герихан Мухарбекович, строитель по образованию, начальник проектного отдела дирекции Федеральной целевой программы социально-экономического развития



Республики Ингушетия: проектирование и контроль исполнения проектных решений строящихся объектов.

— Это сильно страшно...

Действительно, меня сперва кинуло в жар, затем в холод, затем опять в жар.

Ведь нужен-то позитив! С качеством строительных работ знаком не понаслышке! Бескрайни допуски и посадки в России, как сама Русь. А ежели помножить общероссийские традиции сдачи объектов на кавказские адаты... Блоки оконные и дверные, стены, перегородки, кровля подтанцовывают лезгинку в такт шагам. У-уу! Лучше этот 25-й кадр деликатно опустить.

— Герихан, извините, я, верно, ошибся... Мне рекомендовали с Вами встретиться по другому вопросу... творчество... возрождение войлочного дела.

— Ковры — наше семейное, с сестрой Райшат занимаемся.

— Сестра по образованию?..

— Швея-мотористка.

— Думал, опять скажите «проектировщик».

— Не бойтесь... А начало всему положил этот альбом.

Герихан возложил на стол пухлый фолиант ручной работы, с крышкой из дублёной бычьей кожи, с мощными медными замками.

— Сколько себя помню, равнодушен к истории своего народа. Свыше предопределено, что в Москве, на книжном развале, не смог пройти мимо, отложить в сторону этот потёртый альбом. Я тогда заканчивал учёбу в дипломатической академии...

«Не ошибся, туда попал, — облегчённо выдохнул я».

— У торговли ветхой утварью под кучей журналов случайно заметил край обложки с надписью на ингушском языке латиницей: «ГІалГІай...» Сдвинул в сторону пыльную стопку книг, освободил фолиант на свет. Не поверите, руки задрожали... На кожаной обложке тиснением надпись: «ГІалГІай гІарчІож» — «Ингушские орнаменты 1921 — 1924». Оказалось, женщина родом из Казахстана, там она и встретила ссыльных вайнахов: чечены-ингуши? — точно не знает:

— С нами под одной крышей жили, питались из одной посуды...

— И что с ними потом? — спрашиваю её, у самого сердце замерло.

— ...Такие листы ещё дома остались, с узорами, — не слыша вопроса, продолжала она.

Отдал ей все деньги, что были с собой, посулил ещё, и на другой день она принесла недостающие страницы. Но о судьбе ссыльных так ничего и не сказала, как ни пытал её. Отводила взгляд, замолкала. Этот раздел советской истории — сплошное багровое пятно запёкшейся крови. Жизнь человека тогда ничего не стоила, за горстку зерна отдавали жизнь, не только вещи.

Находка альбома, реконструкция его, реставрация круто изменили всю мою жизнь. Я показывал рисунки учёным-этнографам, сам переводил авторские пометки, комментарии. Некоторые наброски датированы XVII веком. Это диво! Память о самобытной культуре нашего насильно депортированного народа тщательно стирали, архивы, библиотеки, научно-исследовательские институты советская власть уничтожала целенаправленно, документы, артефакты бесследно исчезали в годы войны в Грозном, Владикавказе. И потому такие манускрипты для ингушского народа — святыни. Извини, Александр, что хвастаюсь!.. Меня переполняет счастье.

— И есть чем гордиться заслуженно. Можно посмотреть?

Герихан бережно передал альбом.

— Тяжёлый, — навскидку оценил я, — тяжёлый от слёз...

— Постепенно понял: случай позволил мне стать обладателем не просто набора выкроек модниц минувшего века, на страницах изображён не произвольный набор роговидных элементов, солнца, звёзд и солярного знака. Нет, орнаменты эти — своего рода летопись, старинный формат передачи информации. Каждый из рисунков — повествование о религиозном, военном, семейном укладе родоплеменного языческого общества ингушей, увековеченная череда побед и скорбь поражений. У ингушей не было своей письменности — чего не было, того не было — но на войлочном носителе информация передавалась. Если создавали большой ковёр — выходило полотно эпическое, если салфетка — своего рода MMS. По ингушской легенде, девушка, которую умыкнули, смогла из неволи через аппликацию войлочного ковра, через зашифрованный рассказ о случившемся, языком орнамента передать на волю весточку о похитителях. Как правило, рисунок на ковре симметричен, линии непрерывны. Там, где симметрия нарушается, линии пересекаются — информация негативная: художник осуждает либо предупреждает об опасности.

Подтверждением моих догадок служат рукописные пометки автора-коллекционера: «В Буро [2] земля изобильная, благородная — баракат»; а этот орнамент повествует о том, что в «Ахки-юрт [3] процветает кровная месть, нет единства».

— «Шершавым языком плаката» художник осуждает односельчан.

— Да.

Фото автора



— Под рисунками ковров указаны названия населённых пунктов, где они созданы: «Насыркортский войлок», истинги из сёл Мочхи-юрт, Фалхан, Бейни. Глава республики Юнус-Бек Евкуров, с трепетом перелистывая страницы, нашёл орнамент своего родового села Ангушт [4].

В каталоге встречаются условные изображения животных, птиц: отчётливо обозначена голова барана, парящий орёл. Это характерная особенность! Выходит, народное искусство имело хождение в бытность язычества. После принятия ингушами ислама введён жёсткий ЗАПРЕТ НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛЮБЫХ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ.

Герихан подвёл меня к ковру на стене:

— Мы с сестрой в родовом горном селе стали возрождать утерянные традиции войлочного дела — это невероятно адский труд: сначала овец стригут, потом шерсть промывают, сушат, расчёсывают, вручную валяют. Затем полотна красят, сушат. В старину использовали натуральные красители из растений, цветов, корневищ кустарников, ягод, минералов, извести. На основе альбомных эскизов сделали выкройки-лекала, по ним наносим рисунок на фертаж, вырезаем, аппликации пришиваем, ковёр утюжим. У сестры с успехом прошли персональные выставки в Тбилиси и Москве, в Кремлёвском Дворце. Сейчас в коллекции Райшат больше двадцати ковров с различными орнаментами, цветовой гаммой и смысловым содержанием. Это реальные, воссозданные с научной точностью предметы материальной культуры. А ведь зачастую, прикрываясь патриотическими лозунгами, блефуют, торгуют воздухом... Шарлатанство!

Нужно опираться на подлинники! Мы стараемся собирать национальную ингушскую мозаику по кусочкам, пытаемся схватиться за соломинку, верим, что так спасём культуру, а значит, спасёмся сами.



После этих слов Герихана я вспомнил, как в каждом кавказском ауле мне доверительно показывали ветхозаветную лачугу Адама — своего односельчанина, — добавляя, что именно их диалект, их местное наречие, их родной язык и есть тот самый прапрапраязык всех времён и народов. Настойчиво выпытывали: согласен ли. Я, виновато потупившись, оправдывался: мол, точно не помню, много лет прошло, маленький был тогда. В общем, действовал строго по инструкции, услышанной в фильме «Джентльмены удачи»: «Основной упор делайте на частичную потерю памяти!»

В данном случае всё по-честному, по-взрослому, не понарошку.

К моменту разговора я чувствовал себя наполовину ингушом, потому прекрасно понимал: Герихан открыл не только ингушам — всему миру! — ещё одну страницу истории человечества.

Примечания:

[1] Малумат (араб.) — сообщение; сведение, заметка;

[2] Буро — древнее ингушское название Владикавказа;

[3] Ахки-юрт — село Сунжа — Сунжæ (осет.) — село в Пригородном районе Северной Осетии-Алании.

[4] Ангушт — село на юге Пригородного района, осетины называли его Тарским;

*



«И дики тех ущелий племени...»

Хабар

— Вот у меня есть друг, тоже учёный, у него три класса образования.

Фильм «Джентльмены удачи»

Махмуд меня наставлял:

— Ингушетия, как и российский парламент, — не место для дискуссии! Соглашайся, кивай, поддакивай... Ингуши не любят, когда им перечат и слышат только себя.

— Никому не нравится, когда глядят против шерсти. А если?..

— Без если. Ты же не хочешь резни, мордобоя? Каждый ингуш считает себя учёным и ждёт обращения почтительно-восторженного, наравне с Юрием Гагариным.

— С Валентиной Терешковой можно?

— С Валентиной можно.

Он задорно хлопнул меня по плечу:

— Вспомнил одну притчу о гостеприимстве.

Приехал как-то в ингушское село писатель и спрашивает у горцев:

— У кого я мог бы найти ночлег?

— Конечно, у Магомеда: он встретит, накормит, спать уложит, только...

— Что только.

— У него есть одна особенность.

— Какая?

— Он каждого гостя избивает.

Писака почесал затылок, но ситуация сложилась безвыходная, ночевать где-то нужно, и согласился он стерпеть всё, даже побои. Постучался в дом к Магомеду:

— Можно ли у вас переночевать?

— Да, можно!

Хозяин показал, где привязать коня, принёс в торбе овса, позвал путника в дом, накормил и уложил спать. А тот крутится, не может заснуть, всё гадает: «Когда придут лупить?» Однако ночь прошла спокойно. Утром хозяин накормил литератора, проводил до ворот и пожелал счастливой дороги. А тот всё не садится на коня, всё ждёт-ждёт подвоха, не дождался и спрашивает:

— Односельчане говорили, будто вы постояльцев избиваете?..

— До тебя приходили гости, которые забывали, что хозяин я. Ты же послушно делал то, что велят. Потому бить тебя — повода не было.

Не давай повода, турист: соглашайся, кивай, поддакивай. Побольше дифирамбов, любезней комплименты. Тогда не придётся выяснять: «Почему аборигены съели Кука?» И самое главное, Александр, давно собирался тебе сказать: «Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит».

Махмуд явно передёргивал, касаясь манеры кавказцев вести диалог.

В Ингушетии я беседовал с людьми исключительно высокообразованными, лучшими из лучших. Никто из них... ни разу!.. не пытался доказать свою учёность мордобоем.

И Макшарип Чапанов не из тех, кто поминутно выхватывает кинжал из ножен.

Макшарип верит в силу слова:

Слово побеждают словом, оружие побеждают оружием.



Дош дешо юхатох, гердз гердзо юхатох.

— Собрался однажды на поезде в Москву, затаскиваю вещи, в купе сидят муж с женой — в мою сторону даже не смотрят, точно я дикарь. Ингуштина!.. Пришло время обедать: кавказцы же народ гостеприимный, не могу кушать один, неудобно... не по-людски это. А те сидят надувшись, как клопы. Свёртки распаковываю, шуршу, придвигаю ближе к ним:

— Давайте знакомиться. Я ингуш, мы людей не кушаем, угощайтесь!

У мужчины в руках томик Лермонтова.

— Хотите, для знакомства почитаю что-нибудь из Михаила Юрьевича — это мой любимый поэт. Или из Пушкина, из Есенина — знаю все их произведения наизусть. Русские поэты, писатели стали великими только после путешествия на Кавказ.

И я стал цитировать любимого пиита:

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

Фото Умара Цуроева



Нижняя челюсть у мужика отвисла, жена разулыбалась.
Холод исчез...

— Лермонтова на Кавказе ценили даже больше, чем на родине. Чеченцы подарили Лермонтову белую бурку, чтобы случайная пуля не задела великого поэта в бою. Помните его



поэмы «Демон», «Валерик», «Измаил-Бей»? — собеседники, уже не скрывая изумления, таращились на меня:

И дики тех ущелий племена,
Им бог — свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных...

— Жёсткий портрет Кавказа, — не удержался мой попутчик, — далёкий от лести.

— Михаил Юрьевич описывает истинные свои чувства: он, молодой повеса, дворянин, приезжает в чужой, неродной край из блестящей столицы, приезжает с оружием в руках, порабощать — не в гости. Любой на его месте так бы мыслил. Я понимаю его лучше, чем кто-либо... Во время срочной службы в Чехословакии местный торговец мне заявил: «Оккупант! Иван, убирайся домой!» Тоже казалось диким слышать в свой адрес такие слова. Так и Лермонтову... У каждого народа свои представления о том, что правильно, что дико. Я служил в лётных войсках, замкомвзвода, старшим сержантом. Когда чех, на ломаном русском, упрёк бросил, я оторопел:

— Отец, — говорю, — ты вроде нормальный человек, на русском языке сносно изъясняешься. Не знаю, как ты, а я вашу историю изучал. Ты же славянин?

— А ты что, не русский что ли?

— Конечно, нет... Я — ингуш. Я — не Иван. Я — Макшарип. Мы входим в состав Советского Союза, так же, как вы входите в Варшавский договор. Мы сюда пришли не силой — вы нас позвали.

Мнётся, чешет затылок, куда только вся агрессивность делась...

А я спокойно продолжаю:

— Во время войны мы вас защитили от фашистов, а то бы никакой Чехословакии, никаких чехов в помине не было. И ты такие дерзкие слова мне бросаешь в лицо, негодяй! Если бы ты тогда воевал против Гитлера с нашими солдатами бок о бок, ты бы сейчас такие слова не произнёс. Ты, похоже, фашист!

Старик рассмеялся. Мы подружились и потом братались до конца службы.

И в поезде та семейная парочка расслабилась, лица порозовели, стали кушать со мной, беседовать, смеяться, как с человеком... как с равным. Мужик хлопает меня по плечу:

— Макар, — меня близкие зовут Макар, — клянусь, до встречи с тобой не думал, что кавказцы бывают такие, по телевизору другое показывают. Нам скоро сходить, не поверишь, не хочется расставаться — так бы говорить и говорить с тобой! Жена тоже улыбается, кивает.

Русским сюда нужно приехать, пообщаться. Пусть сами увидят, как здесь здорово!

А избранныкам Муз просто не обойтись без такого вояжа:

Издревле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам,
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом [2].

Я с Макаром согласен полностью.

Примечания:

[1] «Мертвые души», Н.В. Гоголь;

[2] Сергей Есенин.



Народные промыслы

Хабарик

Господь и намерение целует.

Николай Гоголь

Фото Али Оздоева





Махмуд пошуршал мятой исписанной бумажкой:

— Сегодня по плану «Народные промыслы».

— В Малгобеке?

— Да... Я бы рад, Александр, показать тебе ингушский Колизей, местную крепость Нарын-Кала, но у нас нет памятников ЮНЕСКО, нет ветхозаветных городов, нет грандиозных достижений в науке, технике, искусстве, литературе... Пустоту в интеллектуальных победах приходится заполнять дешёвыми понтами, воздухом. Ингушетия — красивый воздушный шар.

— А родовые башни?!

«Господи, до чего мы похожи! — невольно поразился я. — В России ведь тоже самая удачная продукция — дети, и беда тоже одна — маловато земли.

Мы делаем, что можем:
Воюем и поклоны бьём [1].

«Может, нас на уроке биологии обманули и мы действительно произошли от ингушей?» — я посмотрел на Махмуда теплее. Я уже давно пытаюсь разгадать нашу возвышенную неуловимо-загадочную русскую душу:

Мы

По собственному заверению — агнцы Божьи;
По планам — межпланетные;
По факту — недооценённые;
По укладу — общинные;
По собственности — крепостные;
Повседневно — хмурые;
Под настроение — работающие;
По-пьяне — угарно-лютые;
Поутру — жуликовато-набожные;
По показаниям соседей — шубутные;
По душе — сердобольно-желчные;
А по сути — сентиментальные романтики [2].

Фото автора





В мастерской по производству изделий из керамики, фарфора я не в силах был скрыть упоения: сувенирные башни и посуда, подарочные кубки и статуэтки... — продукция мастеров рассчитана на массового покупателя и на искушённую богатую публику из самых-самых верхних эшелонов власти. Чудо какое-то!..

Чудо, созданное неутомимыми золотыми руками.



Может, я своему народу враг?

Почему я с пеной у рта, набухшими на шее жилами, не пытаюсь перекричать собеседников, что именно МЫ — МЫ! — не ВЫ, не ОНИ! а МЫ — всё самое хорошее! ВЫ — грязь из-под ногтей!

Возможно, оттого, что я — верующий. Боюсь навлечь гнев Господа на свой народ!.. Мой Бог, настойчиво обращает внимание на историю: как только одни народы начинают говорить о своей «богоизбранности», о наличии «блата» на небесах (намекая тем самым, что Создатель у них на посылках!), так другие с Божьей помощью тут же растапливают крематорий, готовят составы с теплушками для высылки, иные козни...

— Апч-хи! Апч-хи!!

Косвенно Махмуд подтверждает мои догадки.

Примечания:

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);

[2] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник).

*



Птицы небесные

Ахи

Долг души — полёт.

Марина Цветаева

Фото автора



Школа-интернат для слабослышащих и глухонемых детей в городе Сунжа.
Асет Баркина.



Нет, она не глухонемая, нормальная. А вот я, увидев Асю, сперва, на какой-то момент, онемел... Когда сознание, речь, слух вернулись, включил диктофон.

Ася уже давно о чём-то увлечённо рассказывала.

— ...С 2012 года интернат находится под попечительством Российского Императорского дома Романовых. Я работаю здесь воспитателем, преподаю историю.

Дети при поступлении к нам не умеют ничего. С помощью фонетической зарядки учим их произносить звуки, учим ребят читать, писать, шить, вязать, петь, танцевать. Учим их адаптироваться в сложном мире: сделать покупку в магазине, приобрести билет на поезд, самолёт. Это сложная задача. Не всё получается сразу. Есть девочка... Когда только поступила... Попросишь её прочитать стихотворение, ответить на вопрос... расстроится, начинает плакать. Хорошая, умная девочка. Ей помогали все. Теперь слёзы — в прошлом.

Недавно завуч вспоминала эпизод из своей школьной жизни: «Учились в пятом классе. Прозвенел звонок, учителя нет. Вдруг заходит классная и объявляет: “Ребята, занятий не будет, у Галины Семёновны умерла мама” — “У-рра!” Мы ничего ещё не понимали», — призналась она. И наши ученики тоже рады, когда урок отменяют. Дети — всегда дети! Просто наши и горе-горькое, и радость выражают жестами. Педагоги, весь персонал тонко чувствует этих детей, понимает, как самих себя. Они нам, как родные. Здесь иначе нельзя... Мы хотим, чтоб ребята выросли, вышли в люди, стали полезными своей республике, стране. И успехи заметны: Адам Хакиев — наш выпускник — занял первое место на чемпионате мира по греко-римской и вольной борьбе. Прославил Ингушетию, всю страну. Привёз на родину золотую медаль и с ней пряником — к педагогу-тренеру... тренер тоже глухонемой. Говорить Адам не может, жестами показать — руки заняты. Повесил медаль на шею учителю и тогда объяснил на пальцах: «Это Ваша заслуга!» Эмоции всех переполняют, хочется петь, кричать от восторга... тренеру тоже, а он в ответ лишь благодарно замыкал.

Фото Асет Баркиной





— Ты сама-то знаешь язык жестов?

— Да, без этого никак.

— Покажи!

Ася и меня обучила главным жестам глухонемых, к тому же язык этот международный: оказывается, указательные пальцы, направленные на собеседника, означают вовсе не устрашающий хулиганский жест: «Моргала выколо!»; вполне себе миролюбивый вопрос: «Как дела?»; вместо «здравствуйте» здесь задорно чешут под мышками; «спасибо» — словно сидел на уроке, подперев кулаком щеку, закемарил и... кулак соскользнул вверх по лицу.

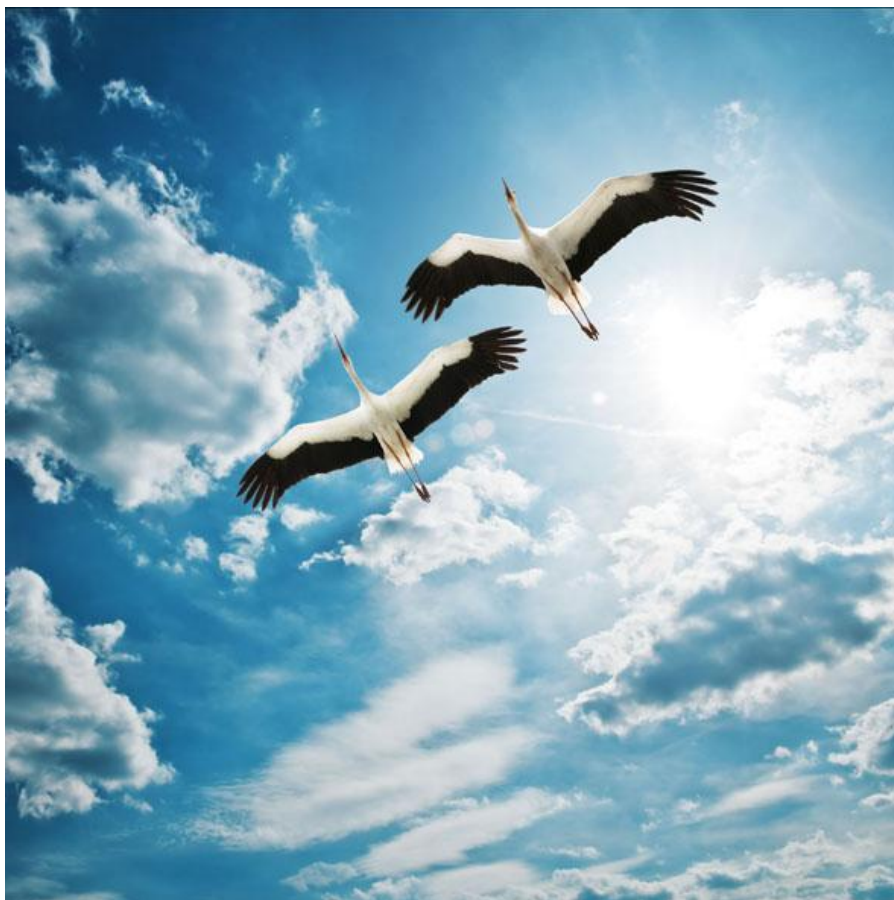
— Каждый человек — личность, каждый человек — необъятный мир. Глухонемой человек — мир особый. Уж на что у нас адаты строгие, и то в любом конфликте два глухонемых объединятся против своих родителей, против своей нации, против всех. Природа заложила в них такую особенность. Для них нет никого ближе, чем собрат по несчастью. Общий недуг связывает их сильнее традиций, кровности, гражданства вместе взятых. Для них не существует другого языка, другого цвета кожи, другой веры. Для них если хороший человек ещё и глухонемой — в два раза лучше. У них нет понятия «иностранец», для них не существует границ... Они как птицы.

— Не просто птицы. Курица тоже птица... А это — птицы небесные.

Интересно, наступит ли на Земле такое время, когда все хорошие люди, независимо от религии, цвета кожи, языка, национальности будут друг с другом так же солидарны, как глухонемые между собой.

Чтоб стать, как птицы небесные...

Фото интернет



*



Философия ингушского языка

Хабар

*Хорошо, уносясь в безбрежность,
За собою видеть себя.*

Валерий Брюсов

Фото интернет



Признаюсь честно: изучать «человеческий материал» интересно, но крайне трудно.

Что впереди: «одуванчик» или «святилище»? Угадать заранее по анкетным данным, рекомендациям — невозможно. Амплитуда доброжелательности, рода занятий, возраста, образования, вероисповедания, национальности, пола, личных пристрастий, интеллекта собеседников прыгает от встречи к встрече, словно кардиограмма испуганного кролика.

Беслан Кокархоев бегло оценил меня и доверительно, по-ленински, сообщил:

— В хадисах сказано: «В День воскресения Всемогущий и Великий Аллах свернёт небеса, потом схватит их правой рукой, потом скажет: “Я — Царь, а где же могущественные? Где высокомерные?” Потом Он свернёт земли левой рукой...»

Я, признаюсь, после этих слов на какой-то момент отключился, попытался представить себе то, о чём сказал Беслан, постарался увидеть эту картинку... Невольно мысли мои перескочили на теорему Пуанкаре.



Теорема Пуанкаре

$$\rho \left(\frac{\partial \mathbf{v}}{\partial t} + (\mathbf{v} \cdot \nabla) \mathbf{v} \right) = -\nabla p + \eta \Delta \mathbf{v} + \left(\zeta + \frac{\eta}{3} \right) \nabla \operatorname{div} \mathbf{v}$$

То, что написано мелким шрифтом, обычным, нормальным людям читать не советую.

Навеяло:

Григорий Перельман обронил загадочную фразу: «Я знаю, как управлять Вселенной!»

Но, обо всём по порядку.

Сферы бывают разные: одномерная сфера расположена в двухмерном пространстве в виде окружности на плоскости (пока, вроде бы, ничего страшного!); двухмерная сфера — поверхность шара; трёхмерная сфера — суть теоремы Пуанкаре — поверхность четырёхмерного шара. Говорят, мы — внутри такого геометрического тела. Математики (желая успокоить население, хотя этим пугают ещё больше) приводят своё описание трёхмерной сферы: «Наше привычное пространство, считаемое неограниченным, определяется тремя координатами (X, Y, Z). Однако если в любом из направлений — вверх, влево, вперед — начать двигаться по прямой, через какое-то время с противоположного направления мы вернемся в исходную точку, поскольку любая прямая в пространстве «трёхмерного тора» становится окружностью». Для понимания теоремы Пуанкаре это обстоятельство имеет принципиальное значение! Если объяснять на пальцах, то в общем виде этот постулат о гомеоморфности всякого многообразия размерности n и сферы размерности n как необходимым условием их гомотопической эквивалентности. Знаменитая теорема Пуанкаре относится к варианту, когда $n=3$.

Интересно, в сунженском интернате глухонемых какими пассажами стали бы показывать эту фразу?

Боюсь, одними пристойными жестами тут не обойтись...

В отличие от двухмерных сфер трёхмерные сферы недоступны непосредственному наблюдению, и представить их так же трудно, как Василию Ивановичу из известного анекдота квадратный трёхчлен.

Но как ни трудна задача, её нужно было решать...

Во времена, когда ученые совершали прорывы в новые миры космоса, в глубины атома, было не обойтись без единой основы общей теории мироздания. Пуанкаре искал новый взгляд на небесную механику, он создал качественную теорию дифференциальных уравнений, теорию автоморфных функций. Исследования ученого стали основой специальной теории относительности Эйнштейна. Теорема Пуанкаре о возвращении говорила среди прочего о том, что понять свойства глобальных объектов или явлений можно исследуя составляющие их частицы и элементы. Это дало мощный толчок научным поискам в физике, химии, астрономии... Геометрия — отрасль математики, где Пуанкаре стал признанным новатором и лидером мирового масштаба. Теория Лобачевского, открыв новые измерения и пространства, ещё нуждалась в ясной и логичной модели, и Пуанкаре придал идеям великого русского ученого прикладной характер. Развитием неевклидовой геометрии стало возникновение топологии — отрасли математики, которую называли геометрией размещения. Она изучает пространственные взаимоотношения точек, линий, плоскостей, тел и так далее без учёта их метрических свойств. Теорема Пуанкаре, ставшая символом самых трудноразрешимых задач в науке, возникла именно в недрах топологии. Решение этой теории было признано научным миром в качестве одной из семи задач тысячелетия, стоящей перед мировым научным сообществом.

Сложнейшую головоломку решали на протяжении ста лет все умники мира, ломали, в поисках ответа, голову себе и другим. И тут появляется на международной арене научных изысканий гражданин России — Григорий Яковлевич Перельман. Даже люди далекие от математики (такие, как я) прекрасно знают, кто такой Перельман. Это загадочный бородач-отшельник из Петербурга, он же самый гениальный человек на планете. Именно он решил сложнейшую математическую головоломку и всех умыл. Мало того, он ещё отказался от самой престижной в математическом мире премии и медали Филдса. Математическое сообщество — в шоке! Не было случая, чтобы кто-нибудь отверг материальное вознаграждение и медаль — символ избранности.

Однако мы идём дальше...

Идём, шаг за шагом, с перекурами, боями, приближаясь к самому главному.

«Задача тысячелетия», решенная российским математическим гением, имеет отношение к происхождению Вселенной. Дело всё в том, что, согласно гипотезе Пуанкаре, трёхмерная сфера — это единственная трехмерная модель Вселенной, поверхность которой может быть стянута в одну точку неким гипотетическим «гипершнуром».

Но если Вселенную можно стянуть в точку, то, наверное, можно и растянуть из точки, что служит косвенным подтверждением теории Большого взрыва, которая утверждает: как раз из точки Вселенная и произошла. И ещё, пожалуй, самое главное: если с помощью знаний можно свернуть Вселенную в точку, а потом её развернуть, то мы можем все разом погибнуть либо возродиться в ином качестве? И тогда мы ли это будем?

Перельман вместе с Пуанкаре порадовали физиков-материалистов, однако они льют воду и на мельницу так называемых креационистов — сторонников божественного начала мироздания [1]. А ещё Перельман обронил загадочную фразу: «Я знаю, как управлять Вселенной!»



Лично я сотворения мира не помню, много лет прошло, маленький был тогда, с автором хадисов встретиться проблематично, но Перельман-то — наш современник. Спрашивай-пытай!

Ингуш Беслан Кокархоев — тоже наш современник.
Более того — мой любезный, глубокий, интереснейший собеседник.
И как мухи вьются вокруг люстры, так и наша беседа вращалась вокруг возможности управления Вселенной.

По образованию Беслан...

Впрочем, образование тут ни при чём: университет таких знаний дать не в силах: родители, откровение, самообразование — вот, по-моему, триада роста.

— Родился в двуязычной среде. Покойная мать в совершенстве владела двумя языками, и я впитывал обе культуры. Когда спрашивают, кто я по национальности, всегда отвечаю: «Духом — русский, в душе — ингуш!» Разделить невозможно. Это сплав.

Русский язык — явление духа. Я до такой степени в детстве полюбил русский язык... Но если бы не знал свой родной, национальный и признавался в любви к русскому... — это предательство. Я говорю на ингушском так, как играют виртуозы на музыкальном инструменте. Я — билингв [2]. С помощью русского языка исследую ингушский. Как пламя и свет — суть две составляющих огня, так эти языки образуют во мне двуединство — один — лингвософский разум. Знать один язык — словно прыгать на одной ноге. Ни за что на свете я бы не отказался от своей двуязычной природы. Мне трудно представить свою душу, свой разум без сплава в сознании этих двух языков. Позже узнал, что и Лев Толстой — двуязычный, и Пушкин, и Лермонтов. Именно двуязычие позволило им достигнуть таких творческих масштабов, так развернуться. Писать, думать мне удобнее, легче на русском, вместе с тем я занимаюсь исследованием ингушского языка и культуры. Обладание русским помогает вести эти исследования, используя национальный язык, культуру как объект, а русский как инструмент исследования. Это удивительное сочетание двуязычия во мне помогло увидеть, что язык моих предков является не только средством коммуникации, но имеет сакральную, философскую природу. Другие языки сакральную природу своих языков по прошествии времени утратили — ингушский сохранил.

Философия языка — явление очень сложное. Философия языка ставит много разных вопросов: от отношения к сумме себя, собственному народу, до отношения к природе, космосу. Философия языка позволяет переформулировать себя, свой взгляд. Есть материалистическая трактовка бытия, есть идеалистическая. Разум неотделим от языка, язык — от разума. Есть язык-речь, есть язык-представление. Разум, как глас, проявляется в языке-речи — Я-душа. А разум-сознание проявляется в языке-представлении, Я-дух. И в словах каждого народа эти два языка слиты. Два полюса разума — глас разума и сознание разума, как активное и пассивное, сознательное и бессознательное. Разум двояк.

Твёрдое знание языка позволяет глубже понять человеческую сущность, по-другому посмотреть на истоки цивилизации, понять задачу, стоящую перед всем человечеством. Ограничен ли человек тем, что появился как скопление биологических клеток и завершит своё существование с их разрушением. Или всё-таки он не есть продукт лишь высокоорганизованной материи? Есть ли у него перспективы за пределами материи, есть ли перспективы как у сознательной, разумной сущности по ту сторону бытия?

Когда формулировали философию материализма, то подвели в качестве основы историческую базу: по мере развития экономики общество развивалось от родоплеменных отношений к рабовладельческому, далее через феодальный этап к капиталистическому; в процессе менялись религиозные представления, философские взгляды, мироощущения.

Такое представление не отражает истины!

Это красивая, но далёкая от действительности формула.

Разум был, постигая самого себя, даже во времена примитивной цивилизации. Человек каменного века в набедренной повязке из шкуры использовал каменный топор и уже обладал магией. А магия всегда связана с божеством разума. Невозможно шаманить, не разбираясь в природе психики. Шаманы, ворожеи, колдуны обязаны знать, какова структура сознания, какие существуют полюса. Познание разумом самого себя существовало даже на самых ранних этапах, самых примитивных уровнях развития человеческого общества. Уже существовало! Каменный век



— не исключает возможность существования философии. Да, своя философия, своё мировоззрение, мироощущение, миропонимание были на всех стадиях развития человечества. На всех стадиях! Пещерной, каменной, палеолита, мезолита, неолита... Всегда! И явление языка, — вдумайтесь! — не имеет стартового момента. Момент старта, начала человеческой речи установить невозможно. В мире не обнаружено ни одного немомого племени. Какие бы древние черепа ни находили, в каждом — элементы, позволяющие иметь язык, органы речи. Возведение истока человеческой речи к обезьяньим крикам-визгам несерьёзно. Представление о том, что человеческая речь появилась в процессе труда шимпанзе, в результате экономической, общественно-хозяйственной деятельности — утопия. Красивая, но утопия. Все эти факторы способствовали развитию речи, но потенция речи, внутренняя сущность разума существовала сразу, она лишь проявлялась в новых формах.

Открытие философии языка привело к принципиально иному взгляду на природу языка, на природу цивилизации. Социология — наука об общественных отношениях, их особенностях, закономерностях. Откуда берёт начало эта наука? Человеческая психика социальна сама по себе, бессознательная и сознательная сущность её структуры — модель общества. Структуры разума общаются между собой, взаимодействуют — по законам общества. Индивидуальная психика — уже социальна. По природе своей социальна. Дальше она разворачивается, обогащаясь опытом общества. Абсолютно невозможно индивидуальное и социальное противопоставлять. Общественные явления — есть проявление внутренней социальности индивидуальных истоков, проявление воли. Какую б мы ни взяли отрасль сознания, философия языка позволяет посмотреть на проблему по-другому, иначе сформулировать вопрос и начать процесс переосмысления постулатов, ставших прописными. А что это? Что это? Что это? С точки зрения философии языка — всё по-другому. Человек — другой, разум — другой, природа — другая, космос — другой, религия — другая. Абсолютно всё имело иное первоначальное значение, которое в процессе эволюции видоизменилось, затёрлось историей. Утрата содержания подтолкнула человечество к необходимости придумывать, фантазировать, заполнять пустоты в знаниях. Ограниченный опыт возвели в ранг высшей инстанции, критерия истины! — и... пошли неверным путём.

Философия языка вновь возвращает человека к изначальной свободе и предлагает: попробуй сам пройти весь путь разума, который прошло человечество, попробуй посмотреть на всё сам. Оценить, осмыслить. Всё сам. Авторитетов нет! Великие философы — это хорошо, признанные учёные — здорово. Но философия языка напрямую, лично тебе даёт набор инструментов познания, помогает понять, как устроен мир. Слушай своё сердце. Интуиция тебе подскажет, что это такое. Интуиция даст совет. Попробуй сказанное перевести в родной формат, в логическое понимание. Именно твоя интуиция может открыть новые грани мироздания, доселе невиданные. Закон всемирного тяготения: Ньютону открылся лишь один из аспектов этого постулата. Слушай своё сердце! Кроме тяготения, притяжения есть ещё отталкивание. Одно без другого не бывает. Притяжение лишь часть сложного процесса. Одно притяжение ничего не объясняет. Начинаешь углубляться в проблему и понимаешь, что существуют скрытые центры, нематериальные... притяжения, отталкивания. Философия языка позволяет делать ревизию, но не с целью опровергнуть, перечеркнуть всё открытое наукой ранее, а с тем, чтобы шагнуть дальше, выявить новые грани. Мы же рассматриваем брильянт, крутим... И каждый раз его грани выглядят по-другому, всякий раз можно увидеть новый отсвет.

Открытие философии языка ставит вопрос о человеке. Оказывается, человеческая сущность языка не может быть произведением даже космоса, она не может быть продуктом эволюции космоса, её невозможно поставить в начале материального старта космоса — её нужно ставить до космоса.

Вроде бы парадокс: человеческая сущность была до космоса!

Как такое возможно?

Философия языка не объясняет как, но однозначно свидетельствует, указывает на это. Человеческая сущность, сокрытая в нас, — старше космоса! Биологическая, сверхбиологическая, физическая, сверхфизическая, плазменная — да, появились потом. Но духовная, разумная сущность, способная вести отсчёт до бесконечности, к каждому последующему числу прибавляя единицу, — этот дар не мог являться производным материального космоса, его продуктом. Сущность вошла в него. Философия языка поднимает человека на новый уровень, отрывает от приземлённости и... ставит на ступеньку выше материального космоса! Она не знает, откуда



проложен путь изначально, хотя часть траектории маршрута, совершенно новый отрезок, открывает.

Человеческая сущность подобна искре, она крайне мала, но у неё потенция такая же, как у гигантского пламени. Человек мал как форма, как существо, но разум, заложенный в нём, искорка такая же, как у вселенского разума. Человек оказывается по своей внутренней сущности неизмеримо большей величиной. А раз человека мы ставим до начала космоса, земная иерархия не может довлеть над свободой человеческого разума. Никакие теории, учения не могут умалить масштаб человека, он оказывается бесконечно выше любых философских подходов... бесконечно выше. Поднять человека туда — на высоту, недостижимую для любых суждений, теорий — это как раз та задача, которую решает философия языка. Она рассматривает язык как проявление духа и души, через язык демонстрируя возможности разума, едва-едва приоткрывая возможности человека, обычно сокрытые драпировкой материальных слоёв энергии. Человек оказывается не дарвиновским потомком обезьяны. И нам уже не подsunут теории материализма-атеизма под видом научных истин. Эти теории, точно гнёт, подавляют нашу человеческую сущность, словно путы, треножат. Человек пытается под свой кругозор, уровень интеллекта подогнуть мироздание. Но образа, в абсолютной точности отвечающего человеческой сущности, найти невозможно. У образа есть непреодолимая граница... Полностью представление этого явления остаётся непостижимым, поскольку человеческое познание оперирует бытовыми, привычными терминами, натываясь, будто слепой котёнок, на то, что окружает повсеместно.

Религиозные писания свидетельствуют: Аллах свернёт небеса, а землю сожмёт в хлебец, который пойдёт на угощение обитателям рая. Всё указывает на то, что человеческая сущность была до космоса, она больше его. И по логике: космос, как материальная организация, не имеет перспективы вечности. Он ограничен, конечен. А человек, по религиозному учению — православному, иудейскому, исламскому, — войдёт в рай и будет вечен.

Но как попасть в рай? (Хотя, если там нет русского языка, я туда не пойду!)

Древние считали: только творческий дух может привести человека в рай, поскольку в момент творческого вдохновения душа соединяется с духом. Дух вечен, душа смертна, временна, но в соединении с духом вечна и она. Древние считались с поэтами, преклонялись перед ними и позволяли им несравнимо больше, чем простым смертным. В «Илиаде» Гомер критикует весь Олимп богов, начиная с Зевса. Поэтам предоставлялось право критиковать божественное начало, поскольку дух, который пребывал в поэте, — старше космоса. В клетке — творец задыхается. Из-под палки, по указке — откровением не делятся.

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать её рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: Пой, птичка, пой! [3]

— Так!

Если человек находит возможность для творческого процесса, для творческой самореализации — этому процессу должно быть подчинено всё остальное. Всё иное лишь содействует, сопутствует... — материальные условия, семья, жилище. Всё. Творческая самореализация — истинная. Можно слопать-сожрать стадо быков, миллион раз сходить в туалет — разве это самореализация? Можно построить пятьдесят небоскрёбов — кирпичи постареют, всё рухнет. Это тоже не то. Творческая самореализация — это ощущение себя, своей личности, осознание того, что внутри тебя есть нечто бессмертное. Душа — смерд, она знает, что умрёт. Я — умру. А что такое «Я»? Что умрёт? Печёнка, мозг, рука, нога? Есть сущность, подверженная смерти, есть, которая ей не подвержена. Творчество их соединяет, позволяя душе обрести надежду на бессмертие. Творчество есть величайшая тайна. Поэт — высшая организация материи, он слышит миры!..

— !

Поэт — он тот же акустик:
Когда скрежетнёт рядом,



Другие едва поморщатся,
У него — кровь кипит адом [4].

— Точно!..

Число и геометрия максимально приближают нас к максимуму познания истины, дальше за числом — зона тьмы. Но меня, как поэта, всё-таки интересует то, что находится там... за пределами... и проявляется, как ощущение в моей душе, независимо от числовых, геометрических, топологических параметров:

Не на земле начало знания.
Не на земле начало нас.
Есть, есть у космоса сознание.
Есть у него и тайный глас.
От звёзд до солнца свет единый,
Подобный душам, чую я.
И миф, умом непобедимый,
Объял все звёздные края. [5]

Да, меня интересует, что находится за пределами... Интересует сильно.
И теперь, похоже, я знаю.

Примечания:

[1] Книга признаков Судного Дня, рая и ада. Хадисы 2785 — 2821. 24 — (2788) Салим ибн ‘Абдуллах (ибн ‘Умар) передал, что Ибн ‘Умар сказал: «В День воскресения Всемогущий и Великий Аллах свернёт (все) небеса, потом схватит их правой рукой, а потом скажет: “Я — Царь, а где же могущественные? Где высокомерные?” Потом Он свернёт (все) земли левой рукой, а потом скажет: “Я — Царь, а где же могущественные? Где высокомерные??”» Этот хадис передали аль-Бухари 7412, Муслим 2788, Абу Дауд 4732, Ибн Маджах 198, Ибн Абу ‘Асым 547.;

[2] Билингвизм (от лат. двух и lingua язык) 1) — одинаково свободное владение двумя языками; 2) одновременное пользование двумя языками (напр., французско-английский билингвизм в Канаде); билингвистический двуязычный. Профессиональное образование. Словарь.;

[3] «На птичку» Державин Гавриил Романович, поэт;

[4] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);

[5] «Гимн мифу», Беслан Кокархоев.

*



23 февраля

Хабар

*Пусть на поле не вырастет цветок, если
он не в силах устоять против ветра.*

Ингушская пословица

Фото автора



День Советской Армии, без сомнения, самая известная дата в памяти ингушского народа. Трагически известная...



Слова «красный день календаря» в данном случае несут для ингушей прямой сатанинский-кровавый смысл. Реки крови безвинных стариков, беременных женщин, детей пролиты в то морозное февральское утро. Ингуши — суровые, жёсткие люди, выдавшие виды. Но когда речь заходит о ссылке, плачут все... все, как один. На людях — не на людях.

Именно 23 февраля 1944 года началась депортация чеченского и ингушского народов.

Справочная информация

Депортация народов — одна из форм политических репрессий в СССР [1]. Основными особенностями депортаций, как репрессий, были их внесудебный характер, контингентность и перемещение больших масс людей в географически отдалённую, непривычную для них и часто рискованную среду обитания.

По мнению историка Павла Поляна, в СССР тотальной депортации подверглись десять народов: корейцы, немцы, финны-ингерманландцы, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и турки-месхетинцы.

Советская депортационная политика началась с выселения белогвардейских казаков и крупных землевладельцев в 1918 — 1925 годах. Первыми жертвами стали казаки Терской области (казаки Сунженской казачьей линии), которые в 1920 году были выселены из своих домов и отправлены в другие местности Северного Кавказа, на Донбасс, на Крайний Север, а их землю передали чеченцам и ингушам. В 1921 году жертвами советской национальной политики стали русские из Семиречья, выселенные из Туркестанского края.

29 января 1944 года нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей», 31 января вышло постановление Государственного Комитета Оборона о депортации чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 20 февраля вместе с И. А. Серовым, Б. З. Кобуловым и С. С. Мамуловым Берия прибыл в Грозный и лично руководил операцией, в которой были задействованы до 19 тыс. оперативных работников НКВД, НКГБ и «СМЕРШ», около 100 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых со всей страны для участия в «учениях в горной местности». 21 февраля он издал приказ по НКВД о депортации чечено-ингушского населения. На следующий день Берия встретился с руководством республики и высшими духовными лидерами, предупредил их об операции и предложил провести необходимую работу среди населения, а уже утром следующего дня началась операция по выселению.

Операция по выселению вайнахов носила кодовое название «Чечевица» и началась она 23 февраля 1944 года в 02:00 по местному времени по кодовому слову «пантера», которое было передано по радио. Депортация сопровождалась многочисленными попытками бегства в горы или неподчинением со стороны местного населения.

По официальным данным в ходе операции убиты 780 человек, арестовано 2016 «антисоветских элементов», изъято более 20 тыс. единиц огнестрельного оружия, в том числе 4868 винтовок, 479 пулемётов и автоматов. Скрыться в горах сумели 6544 человека.

Очевидцы свидетельствуют:

Село Алкун Сунженского района.

Именно здесь живёт Алаудин Оздоев, который не по книжкам и букварю — на себе изучал историю Советского Союза и помнит депортацию, будто она проходила вчера...

— Я родился в родовой башне в Бешти, чуть пониже Вовнушек. В одной башне нас жило две семьи. Мне было шесть лет, когда нас выселили. За две недели до этого к нам прибыли солдаты. Разбили палатки и встали лагерем поблизости. В гости навевывались, мать хлопотала: гость для ингушей — святой человек! Угощала их лепёшками из кукурузной муки с молоком. Молоко очень любили! А они нас баловали кусковым сахаром: большие такие бесформенные куски с прилипшими ворсинками от мешка. Две недели жили, мы, говорят, будем охранять вашу скотину. Две недели так с ними, бок о бок, по-дружески. И вдруг вечером 26 февраля, смотрим: идут к дому с фонарями — фонари керосиновые «летучая мышь» покачиваются на весу... Мы испугались: что случилось? Солдаты зашли в дом, и старший объявил:

— Завтра вас всех выселяют. Если бы от меня зависело, я б оставил... Вижу, вы люди мирные, работающие — наблюдали за вами — к вам никто не приходит и вы никуда. Мне очень жалко, но ничего не могу поделать. Приказ.

Мать как стояла, так и сползла по стене на лавку:

— Только нас выселяют?

— Нет. Всех. Три дня отправляют, вчера грузили последние семьи. Вы одни остались. Вас в холодное место посылают, за ночь нужно подготовиться.

Он поднял с пола войлочную кошму, достал ножницы и сделал выкройку обуви — навроде шитых валенок:

Фото автора



— Вот такие нужны каждому, иначе помёрзнете.

Один солдат стал делать выкройки, мать принесла конопляные нитки, принялась шивать. Нас было четверо детей — каждому. Они ещё шили, когда я засыпал. С рассветом тронулись... Вся поклажа на себе, а много ли унесёшь на себе. Из личных вещей отец взял фамильный кинжал. (Кинжал этот побывал с ним в ссылке и вернулся назад — покажу потом). Нам Аллах помог. На высоте двух километров в горах было сухо, мы в чунях спокойно шли. (Если снег или грязь, далеко у нас не пройдёшь.) До Таргима добрались, сделали привал. В Таргиме башен десять, большой тейп, а тут смотрим, всё брошено, людей нет, гарью пахнет, куриные перья повсюду рассыпаны, маленький телёнок бродит по пустырю. Отец пошёл осмотреть, может, остался кто... Я увязался за ними. Скот, запертый в хлеву, стоит голодный, непоеный — отец стал выгонять на волю... В крайней башне — дверь снаружи припёрта. Отец отомкнул дверь и застыл на пороге... попятился... Я из-за спины выглядываю: горы тел! Женщины, дети, старики — обгорелые скрюченные трупы.

Алаудин поперхнулся слезами, надолго замолчал:

— Тяжело...

Наши солдаты из конвоя опомнились, закричали на нас, отогнали прикладами. И опять в путь. Шли-шли, до села Алкун всё далеко, я начал отставать, присаживаться... Командир подозревал бойца, посадил меня ему на спину. У солдата скатка шинели, я прижался к тёплому ворсистому сукну, ноги свесил и незаметно заснул. Проснулся уже на месте, слез со спины. До этого в Алкуне был лишь один раз, гляжу и не узнаю села: скотина — сотни голов — бродит по улицам не доенная, не кормленная, мычит, блеет, ревёт; брошенные лошади, коровы, овцы... И кругом солдаты, солдаты с автоматами, с овчарками. Две грузовые машины стоят — машину тогда увидел первый раз — огромные!!! Сюда в Алкун собирали ингушей, чеченцев с гор, многие пригнали скотину, надеялись взять с собой. Но здесь всех грузили на студебеккеры, увозили вниз на станцию. С собой разрешалось взять один узелок. (Людей много — места мало.) А мы последние, и с командиром повезло, добрый попался. Он отозвал отца в сторону, дал пустые мешки, разрешил набрать пропитания в дорогу, что найдём. И мы восемь мешков кукурузы... — восемь мешков! — взяли с собой. Один только мешок с кочанами, семь — чистые зёрна. Солдаты сами мешки таскали. Кукурузу загрузили, командир командует:

— Теперь баранов давай!



Мы девять баранов забили, освежевали. Девять баранов! Как нам помог командир...

Отвезли нас на станцию в Слепцовск и давай грузить по вагонам, людей набивали плотно. В теплушке стояла буржуйка, на сутки давали ведро угля, дрова — на растопку. Тогда мы углём не топили. Не ведали, что за чёрные камни, зачем?! Тоже солдаты учили, помогали, а ведь они сами терпели голод, нужду...

Старики роптали:

— Лишь бы Сталин узнал про это, нас сразу вернут. Сталин хороший!

Туалета в теплушках не было, прорубили в углу дыру, занавесили кошмой, но что кошма... Как горянкам справлять нужду в присутствии джигитов? Стыдно! Недопустимо! Невозможно! Ингуши народ гордый. Помню, красивая девушка в нашей теплушке менялась в лице, то краснела, то бледнела... Она приняла смерть, но не согласилась на бесчестие.

Разрыв мочевого пузыря...

Казалось, дорога не кончится никогда.

Нас везли и везли, везли и везли, неделю, две, три...

На восьмые-девятые сутки пошли вши. Мы завшивели окончательно. Снег шевелился, когда вшей стряхивали с себя. Только через три недели добрались до места: Казахстан, Павлодарский край. Добрались нормально. В дороге из нашей семьи умер лишь младший брат, ему годика не было. На каждой станции солдаты обыскивали вагоны: нет ли мёртвых. Его прятали всю дорогу, чтобы похоронить на месте по-людски... Но и там похоронить не довелось: зарыли, как стылое полено, в высоченный придорожный сугроб.

На станции нас стали выгружать, а местное население застыло в ужасе, жмутся от страха друг к дружке: им объявили «везут людоедов». Нас распределили по саням, так кучер даже не обернулся ни разу: думал небось, тут же сожрут. Привезли на место: казахов почти нет — поволжские ссыльные немцы да русские раскулаченные — считай, цвет страны: самые работающие, предприимчивые, рукастые мужики. С ними мы хорошо, дружно жили. Работающие, трудолюбивые люди между собой всегда найдут общий язык. Расселяли нас в конюшнях, клубах, землянках. Буржуйки ставили. Первые годы хватало всякого... Всего насмотрелся: люди, умирали от голода, ели дохлятину, трупы. На кладбище вырыли яму с краю, копали могилы... Страшно. Эти обглоданные человеческие черепа, застывшие в широкой улыбке!.. запомню на всю жизнь.

В сорок восьмом году вышел указ: ссыльным разрешили воссоединиться семьями — война многих раскидала... И люди после этого немножко вздохнули, зажили... Вернулись мы в пятьдесят шестом году — Хрущёв разрешил.

Да, «мало любить советскую власть — надо, чтобы она тебя полюбила» подумал я [2].

Мамилов Шамсудин Саварбекович.

Наш дед Ахмет Мамилов часто вспоминал:

— В Казахстане на станции семью погрузили на сани, повезли... Детей семь человек мал-мала меньше — сугробы выше человеческого роста. Внезапно сани на кочке как тряхнёт — младший Суламбек... вывалился в снег. А сани идут себе друг за другом и идут, останавливать караван никто не даст: автоматчики держат на мушке, остановлюсь — погублю всех. Я мысленно уже попрощался с Суламбеком и прикинул в уме: семь минус один — шестеро детей осталось: «Мне бы теперь хоть этих шестерых сохранить!» Доли секунды какие-то... не успел порадоваться, что шестеро живы, как Башир — скопой ныряет в сугроб следом за младшим... Без спросу нырнул... ему самому-то семи лет не исполнилось. Подсчитываю: «Семь минус два — пятеро осталось. Пять всё-таки ещё что-то...» Сижу, уставился в спину возницы, а сам жду чуда, жду, может, дети окликнут сзади. Оглядываюсь, ищу их глазами. И вдруг вижу: над снегом появляется голова Суламбека — Башир поднял его на руках над собой.

— Стой! — хлопаю казаху по спине.

Расстреляют так расстреляют: на всё воля Аллаха!

Думаю, раз Башир брата нашёл, то сам как-нибудь выберется, и правда... гляжу, Башир показался. Ползу по санному следу им навстречу.



У Шамсудина на глазах навернулись слёзы:

— Мой дядя Башир там погиб, а Суламбек, которого он спас, вернулся на родину, поступил на высшие режиссёрские курсы. На вступительном экзамене ему дали задание написать сочинение на тему: «Впечатления семилетнего мальчика». И мой дядя Суламбек описал день высылки ингушского народа из родных мест: «В три часа ночи солдаты стали ломиться к нам в дом, прикладами автоматов били по двери, кричали: “Вас выселяют! Вас выселяют! Вас выселяют!”» Дядя выучился, стал известным кинорежиссёром, работал на киностудии имени Горького, на «Мосфильме», снял культовый фильм по роману Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» и «Убийство на Ждановской». Может, для этого Аллах его и сохранил?

Писатель Иса Кодзоев.

— Считаю, моя биография началась с 23 февраля 1944 года. Я начал себя осознавать с того самого дня... До 23 февраля 1944 года помню отдельными стоп-кадрами... обрывочными кусочками, фрагментарно. А с того дня — всё в мельчайших подробностях.

Дед мой — герой гражданской войны, знаменосец полка, участвовал во всех сражениях на Северном Кавказе за Советскую власть. Большинство ингушей и сегодня вспоминают Советскую власть с любовью, как ласковую маму — не коварную мачеху. Это очень необычный, загадочный феномен...

— «Дитя неволи — для свободы слаб. / Кто в клетке зачат — тот по клетке плачет» [3].

— Наверно... Я помню, что сказали деду в вагоне, когда нас затолкали прикладами в теплушку, дверь за нами задвинули и поезд тронулся: «Ну, что, Ильбуско, добился своего?» Сказали исподтишка... Не в глаза. Дед мой — очень суровый, сам не шутил и другим не позволял. Взрывной человек! Дед никогда своей вины не признавал. Люди его побаивались...

Через день на станциях нам приносили бак с кашей и отпускали молодёжь за углем для буржуйки. (Набирали даже в карманы, чтобы принести побольше — стояли морозы!) Прошёл слух: в соседнем вагоне лежит старуха, умирает... Ничего не говорит, бормочет одно слово, просит: Шура! Шура! Шура! (инг. молоко!) На станции сын её выскочил с вагона, где-то раздобыл бидончик с молоком... Этот бидончик до смерти не забуду... Воздуха в теплушке не хватало, и тётя ставила меня возле двери, чтоб подышал хоть во время остановки: помню ноги солдата, и я стою



рядом. И бидончик тот часто во сне вижу: зелёный такой, чуть помятый. Сын бежит с ним к составу через пути, и тут поезд тронулся...

Все кричат ему:

— Султан, беги! Беги! Беги!..

Поезд обороты набирает, набирает... всё быстрее, быстрее...

Солдат понял, что уже не успеет запрыгнуть, поднял автомат и... дал очередь.

Во сне часто вижу падающего Руслана и белое расплёсканное молоко из бидончика, который он до последнего не выпускал из рук...

В нашем вагоне за время поездки одна женщина умерла — мать активиста, председателя комитета бедноты — «комбеды» были такие... Он ехал в нашем же вагоне, его так и называли «комбед». По-нашему «бед» — некрасивое слово, говно... А в итоге характеристика человека получалась точная. Мать его умерла сидя... ночью окоченела. На станции её так и вынесли из вагона сидячей, посадили в сарай, куда трупы друг на друга складывали, на ледяной пол, спиной прислонили к штабелю. Конвоир оставил пару затяжек и папироску — в уголок рта ей вставил: старуха будто бы смолит самокрутку. Солдат смеётся-заливается, довольный...

Через три недели нас доставили на место и выгрузили в белый снег.

Мы южане: когда минус двенадцать, считаем — «жуткий холод», а там мороз под сорок. В первую же ночь погибло много людей... замерзали. Утром наехали сани, со всех колхозов. Показывают ведь американские фильмы, как покупали рабов, — вот точно так. Председатель ходит, смотрит, хмурится, приценивается... Если у вас в семье, допустим, несколько мужчин, которые могут работать в колхозе, на плантации — забирали. А если в основном дети, старики — брать не хотели. Обуза!

Ваш покорный слуга видел кучи мёртвых людей... Труп на трупе... Труп на трупе.

Нас взяли.

Отвезли в Кустанайскую область, Северный Казахстан. Бескрайняя степь, на всю округу два дерева, они росли в нашем селе, — две вербы. Каждую зиму мы отрезали от них по одной ветке, украшали, чем могли, и отмечали Новый год. Удивляюсь тому, что из нас вообще кто-то выжил. Советская власть зачищала старательно и вроде бы сделала всё, всё продумала до мелочей, — ей не в чем себя упрекнуть! — чтоб мы все там сдохли. Все до одного. Ссылные называли нас «божьи львы». Ингушам неведом страх смерти, в сапоге у них нож, в ответ на любое обидное слово — кинжал идёт в ход, тормозов у них нет... Нас гнули, ломали, расстреливали, били, сажали, морили голодом, морозили, но на колени поставить так и не смогли.

В нашем селе была старая церковь, в ней размещался зерносклад, за ней летом росла роскошная, шелковистая трава... Когда голод миновал, наши мужики ходили туда... немножко... за воротничок принять. И вот однажды сидят пятеро наших джигитов, выпивают, меня отец взял подать-принести. Зияутдин поднял тост:

— Какой красивый мир создал Всевышний, как я люблю этот мир...

Идут мимо хмельные целинники, и вдруг из уст этих пьяных механизаторов в адрес Бога летят последние, самые грязные слова. А мусульманин не имеет право смотреть на это безучастно... (Хотя выпивать тоже грех!)

Зияутдин помрачнел:

— Небо опустилось на мою голову, — он поставил свой стакан на траву и уточнил у отца: — Может, я ослышался?

— Нет, Зияутдин, у тебя со слухом всё нормально.

— Ну, тогда этот поганый рот больше никогда не произнесёт ни одного плохого слова в адрес Бога...

Глаза у него налились кровью, вскочил... выхватил кинжал... троих зарезал, двенадцать человек поранил. Ему дали большой срок, хотя за год до этого он спас девочку из пожара. Очень добрый был человек. Говорят, «кровожадный ингуш» — это как «масло масляное».

Неправда!



Ингушских писателей гонения, ссылка вдохновили на создание романов, поэм...

Лейла Харсиева призналась:

— Первые стихи появились в ответ на обвинение, брошенное мне в лицо уличным торгашом-армянином во Владикавказе. Он понял, что я ингушка, по платку, укрывающему голову, и прошипел: «Недаром вас высылали!..» У меня комок — к горлу. Сказать ничего не могу... Выбежала из лавки, не помня себя, вернулась домой и написала первое стихотворение «Исповедь»:

...Народ вайнахов был приговорён...
Всех в Казахстан... На ссылку...
Всех в загон...
А дальше слёзы, горе матерей.
Испуг в глазах беспомощных детей.
Стонали горы, небо и земля
И потрясённая жестокостью луна,
О, мать-природа, где же ты была,
Как допустить могла ты столько зла?!
Но почему же в этот скорбный час,
Вы, горы, не обрушились на нас?!

Это был ответ ему.

Я от руки написала, наутро пришла в лавку и положила стихи на прилавок:

— Просто прочитайте!

Говорить не могла... душили слёзы.

Мы встретились спустя пару лет... Выхожу из маршрутки, чувствую, меня кто-то за руку тянет. Стало неловко... У нас не принято хватать женщину за руку, я не могу такое позволить. Одно дело дома, а на улице!.. Оборачиваюсь — незнакомый мужчина:

— Вы меня помните?

— Нет.

— Стихотворение!.. Вы принесли в мою лавку стихотворение.

— А!..

— С тех пор ищу вас... Как увижу платок в толпе... Всё хотел найти вас, попросить прощения. Извините меня за те слова!

А поэтесса Лейла Тамасханова, взволнованная чередой бед, свалившихся на долю матери, сочинила оду... моркови:

Я моркови оду посвящу,
Только бы не раскиснуть и не сбиться,
Непременно оду посвящу,
Я заставлю ваше сердце биться.

Это лакомство измученных детей,
Сладкие гостинцы Казахстана,
Говорят, морковь с тех пор красней,
Что так много горечи вобрала.

Не отмолчался и Махмуд.

— Горькая, но правда: выселение помогло ингушам оторваться от пуповины язычества. Ведь на горе Мят-лоам в трёх святилищах, посвящённых божествам Мятцели, Мятар-Дала, Сусан-Дала, совершали первобытные обряды вплоть до тридцатых годов. А в ссылку святилища не увезёшь, мы могли взять с собой только мусульманскую веру.

Старики в дороге подбадривали молодёжь, успокаивали: «Не в силах Советская власть выслать нас в такое место, где будет недоступна милость Всевышнего. Это испытание нужно пройти достойно». И повторяли из раза в раз пословицу: «Пусть на поле не вырастет цветок, если он не в силах устоять против ветра».

Махмуд поведал необычную легенду:

— Спецпереселенцы не могли свободно перемещаться не только внутри страны, но даже из села в село. Я мальчишкой был, но помню, ходили среди старших разговоры: «Жалко, нет среди нас Мусы, — сокрушались старики: — Был бы он — было бы легче».

— Почему легче? Где этот дядя Муса? — допытывался я у отца.

— Мусу надо видеть, так словами не объяснишь.

Дядя Муса появился через год после смерти Сталина.

Он приехал на новенькой «Победе», машине невероятно редкой по тем временам и роскошной для степей Казахстана. Сам при этом был в ватнике, галифе, тельняшке, в наколках, с полным ртом стальных зубов. Старейшины начали совещаться с ним, а наши отцы и матери разглядывали «Победу», было что-то в этой машине особенное. Как оказалось, — и старейшины его поддержали, — после смерти Сталина, пока в стране неразбериха, Муса предложил вернуться на родину, в Назрань. Старики приказали всем готовиться в дорогу, а дядя Муса раздобыл двухсотлитровую бочку, инструменты, окна «Победы» занавесил кошмой, чтоб снаружи не было видно тех, кто внутри. Он где-то достал крупномасштабную карту и часто просиживал над ней долгие вечера, тщательно изучая маршрут.

Фото автора





Фото Беслана Холухоева



Как только сошёл снег, он ушёл в первый рейс с ещё оставшимися в живых мужчинами. Потом он перевёз бездетных женщин — они должны были успеть засеять землю. Потом — подростков, потом — женщин с детьми постарше, потом — с грудными. Последними он перевёз стариков и старух. Днём он вёл машину по объездным просёлкам в обход городов и крупных населённых пунктов. Ночами же гнал по асфальту. Несколько раз он не сумел избежать встречи с милицией. Одному Всевышнему известно, как ему удалось уладить те встречи.

Раз в двое суток он останавливался подальше от людских глаз, чтобы поспать час-другой. Он был молчалив и сосредоточен. До снега он перевез всех людей своего тейпа на Родину.

Он сделал двадцать семь рейсов. То есть двадцать семь раз туда и двадцать шесть раз обратно. Больше трёх тысяч километров в один конец в набитой людьми и грузом «Победе». За семь месяцев он проехал более ста шестидесяти тысяч километров и перевез полторы сотни человек. Он спас наш род и вернул нам родину. Когда он сделал это, он заснул и больше не проснулся. «Победа» выдержала, а его сердце нет.

Я ваш товарищ, мы одной породы, —
Побоями нас нянчила страна! [4]

Я слушал Алаудина, Ису, Лейлу, Махмуда, слушал рассказы других ингушей-очевидцев о страданиях вайнахского народа, про голодных полураздетых солдат, вспоминал своего репрессированного деда, маму, пытался понять, кто выиграл от этих лишений, и... не понимал. Заходил с другого края: какую выгоду получило государство? Пытался найти хоть одного выгодоприобретателя [5], хоть малую зацепку и... не находил. Самые-самые везунчики — народы, которых расквартировали на место высланных. Но эти «везунчики» были силой, под дулами автоматов вырваны с корнем из родных аулов, от могил предков, как, например, в Цунтинском районе Дагестана: дома горцев сожгли, чтоб не было даже соблазна вернуться. (Сомнительное везение.) Кто ещё?

Я пытался мысленно примерить китель отца народов, влезть в его шкуру, душу, встать на его позицию и... не мог.



Фото Беслана Холухоева



Из всей мировой литературы мне помнится лишь один схожий с Отцом народов персонаж, близкий психологический портрет. Шарль де Костер в романе «Легенда о Тиле Уленшпигеле» описывает увлечение Филиппа — сына Императора: «...Вбитый в землю столб, на котором подвешена была маленькая обезьянка, как-то присланная из Индии в подарок его высочеству, дабы позабавить его ужимками зверька. Внизу дымились ещё тлеющие дрова, и в чулане стоял отвратительный запах жжёного волоса. Зверёк так страдал, издыхая на огне, что его маленькое тельце ничем не напоминало некогда живое существо, но скорее походило на какой-то искривлённый, шишковатый корешок. Рот, широко открытый, точно в последнем крике предсмертной агонии, был полон кровавой пены, и крупные слёзы заливали мордочку». Эти... как бы выразиться... увлечения приносили инфанту усладу. Когда Филипп вырос, он прославился пытками, садизмом и превзошёл отца. Вот Филипп, пожалуй, на нашего Кобу похож.

Только уса́тый осетин даже его переплюнул — глумился над целыми народами. И любил, когда народы тусуются.

До сих пор главной заслугой Сталина считают победу в Великой Отечественной войне, словно до него таких побед не одерживали. Но ведь это не так! В 1812 году всё было сопоставимо: и война Отечественная, и армия у врага самая сильная в мире — а не смогли войска грозного



Наполеона захватить столицу Российской империи и драпали от русских солдат тож до самого логова. Одна незадача: не состояли ни император Александр I, ни верховный главнокомандующий фельдмаршал Кутузов в партии большевиков — они были люди воцерковленные. А посему деяния их не идут ни в какое сравнение — Victoria душок имела непролетарский.

Сатрап Кутузов сдал Москву без боя.
А где блокада и десятки миллионов?
Драматургия где!?
Да на хрена победа нам такая.

*

Война двенадцатого года
Уж тем нам не по нраву,
Что ни про Сталина та ода,
Ни партии во славу.

*

Как учит нас партия:
«Член не сдаётся!»
А мне сдаётся,
Окучит нас партия... [6].

Примечания:

- [1] Материал из Википедии;
- [2] Ильф Илья и Петров Евгений (Илья Арнольдович Файнзильберг и Евгений Петрович Катаев), писатели.
- [3] Евгений Евтушенко.
- [4] Эдуард Багрицкий.
- [5] Выгодоприобретатель (также бенефициарий, бенефициар от фр. *benefice* — прибыль, польза) — физическое или юридическое лицо, которому предназначен денежный платёж; получатель денег, выгоды.
- [6] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник) «Вспоминая Отечественную войну 1812 года»

*



Великая Отечественная

Хабар

*У людей, войною опалённых,
Свой, особый взгляд на бытие*

Якуб Патиев

Фото автора



Всё честно рассказать?.. Ой, не!
Зачем нам эти беды?
Заместо правды о войне
Споём про День Победы! [1]

Всякий раз, как речь заходила о Великой Отечественной войне, Махмуд мрачнел:

— Слухи о том, что ингуши не воевали, — лживы!

Он показал фотокопию газеты «Грозненский рабочий» за 12 декабря 42-го года. Среди материалов статья писателя Петра Павленко «Газават» — рассказ о том, как на огромном митинге в селении Базоркино ингушский народ, по призыву Кази-муллы, объявил священную войну «газават» — фашистским захватчикам. Объявил гласно, всенародно, как общую волю всех достойных мужчин: «К оружию, ингуши!» — пронеслось от селения к селению, от дома к дому, от сердца к сердцу. И возникло движение, полное страсти и фанатизма...

— Но отец не ценил свои ордена, и я малой играл ими, точно погремушками: «Зачем такие награды, — негодовал он, — раз выслали меня и весь народ».



Историческая справка

Ингуши приняли участие в составе Красной Армии и Военно-Морского флота на всех полях сражений и морских театрах Второй мировой войны наряду с другими представителями народов, народностей и наций бывшего Советского Союза. Из 32-х тысяч воинов тогдашней Чечено-Ингушетии около семи тысяч составляли этнические ингуши [2]. Уже в самом начале войны в ЧИ АССР «были сформированы 242-я горнострелковая и 317-я стрелковая дивизии, в 1942 году — 255-й отдельный чечено-ингушский кавалерийский полк (сражался в составе 51-й армии) и чечено-ингушский кавалерийский дивизион, состоявший только из добровольцев»[3]. Кроме того, «на многих фронтах войны успешно громили врага 110-я, 114-я Чечено-Ингушские... кавалерийские дивизии...»[4]. Первой удар немецких полчищ приняла на себя Брестская крепость, в составе гарнизона которой находилось 40 ингушей.

С первого дня войны Красная Армия бесперебойно снабжалась горючим, военным снаряжением, боеприпасами и продовольствием из Грозного и всех сёл республики. Предприятия Грозного производили до 90 наименований военной продукции, ремонтировали военную технику. Население ЧИ АССР передавало в фонд фронта деньги, драгоценные украшения, лошадей, теплую одежду, продукты...

Малгобекская военная операция. В Большой Советской Энциклопедии 1954 года опубликована скромная справка об этом сражении, по сути определившем судьбу обороны Кавказа и Сталинграда: «В ходе Малгобекской операции войска Закавказского фронта активной и упорной обороной не только сорвали захватнические планы врага на Кавказе, но и не позволили ему осуществить переброску сил с Кавказа под Сталинград, что явилось одним из условий для последующего полного разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве»[5].

Из войны 1941-1945 гг. СССР вышел победителем. Более 2 тысяч сынов и дочерей Советской Ингушетии остались лежать на полях сражений. 46 человек было представлено к званию Героя Советского Союза [6]. Лишь трое из них получили это звание через 50 лет после войны: Мальсагов А.Т. (посмертно, в 1995 г.), Оздоев М.А. (в 1995 г.), Костоев Ш.У. (посмертно, в 1995 г.).

Ингуши воевали, воевали героически...

Однако лично меня больше всего поразила другой факт (никто и не сомневается в героизме ингушей!) Меня буквально ошпарила информация о том, что сталинская клика, задумав депортировать ингушский народ, отзывала горцев... с передовой! С фронтов! Боевых офицеров, солдат, в наградах и нашивках за ранения, — иными словами, настоящих героев. Я до последнего не мог поверить в эти «рассказни», пока лично не встретился в городе Магас с живым очевидцем тех абсурдных событий, ветераном Гайтукиевым Николаем Дмитриевичем. Он подлежал высылке с фронта, как и все остальные земляки, но при содействии командира роты совершил подлог документов! Оформил себе новую солдатскую книжку, куда вписали «неподсудную» национальность. Только ценой обмана он смог остаться в окопах и продолжать с оружием в руках защищать нашу сумасбродную Маму-Родину.



Фото автора: Гайтукиев Николай Дмитриевич



Историческая справка

Всего, по данным ОСП НКВД СССР, среди отозванных с фронта и подлежащих выселению было офицеров — 710, сержантов — 1696, рядовых — 6488. В целом в рядах поселенцев (с учётом представителей всех переселяемых народов) оказались 5943 офицера, 20209 сержантов и 130691 рядового состава. У всех бывших военнослужащих изымались военные билеты (их заменяли справки), им запрещалось ношение погон, холодного и огнестрельного оружия. По прибытии в места поселения они ставились на спецучёт в комендатуре [7].

В России 45 городов воинской славы. Малгобек — один из них.

Присвоение ингушскому городу высокого статуса — ещё один шаг по реабилитации народа. Поисковики Республики Ингушетия, участвуя в «Вахте памяти — 2016», организовали полевой лагерь СКФО. Я побывал на раскопках в районе сельского поселения Вежарий, на местах боёв, познакомился с ребятами, побеседовал с председателем Регионального отделения Бесланом Дзейтовым:

— Много бойцов — защитников Отечества — лежат в окопах, огневых точках присыпанные землёй, самим временем. Их имена неизвестны, но они герои. Предстоит огромная работа по поиску, поднятию останков, захоронению их со всеми почестями.

Не знаю, как это объяснить... В первую ночь, когда лагерь только начал свою работу, я видел жуткий сон: будто четыре бойца стоят рядом и смотрят на меня. Понять не могу: что хотят? Вроде ничего плохого не сделал. А за спиной у них знакомое место, узнал его. Проходное место, мы даже не собирались вести раскопки. Наутро в первую очередь там и начали копать... Что вы думаете? Подняли останки четырёх бойцов. Именно четыре бойца — ни больше, ни меньше, в одном окопе. И всё, сон прекратился. Как понимать?..

Я до последнего не верил... Думал, мало ли. Ну просто сон и сон.

Видно, есть что-то такое.

Дочь Асият и сын Юсуп помогают отцу, каждое утро отправляясь с ним на «передовую» — так поисковики называют район раскопок, где проходила линия фронта, где враг остановлен.



Отсюда началось его отступление, отсюда фашист пятился, пятился... пока не упёрся спиной в своё логово. Но война закончилась, а «передовая» осталась.

Передовая — нашей памяти.
Передовая — защиты Отечества.
Передовая — патриотизма.

Фото автора





Войны бывают разные...

Не только справедливые, но и захватнические.

Убеждён, если б великий гуманист, писатель Лев Николаевич Толстой был очевидцем войны Великой Отечественной, он бы свои взгляды скорректировал:

«Божьей милостью, мы, самодержавнейший, великий государь всея России, царь польский, великий князь финляндский и проч. и проч., объявляем всем нашим верным подданным, что для блага этих, вверенных нам Богом, любезных наших подданных, мы сочли своей обязанностью перед Богом послать их на убийство. С нами Бог» и т.п.

Зазвонят в колокола, оденутся в золотые мешки долговолосые люди и начнут молиться за убийство. И начнётся опять старое, давно известное, ужасное дело. Засуетятся разжигающие людей под видом патриотизма и ненависти к убийству газетчики, радуясь тому, что получают



двойной доход. Засуетятся радостно заводчики, купцы, поставщики военных припасов, ожидая двойных барышей. Засуетятся всякого рода чиновники, предвидя возможность украсть больше, чем они крадут обыкновенно. Засуетятся военные начальства, получающие двойное жалованье и рационы и надеющиеся получить за убийство людей различные высокоценные ими побрякушки — ленты, кресты, галуны, звёзды. Засуетятся праздные господа и дамы, вперёд записываясь в Красный Крест, готовясь перевязывать тех, которых будут убивать их же мужья и братья, и воображая, что они делают этим самое христианское дело.

И, заглушая в своей душе отчаяние песнями, развратом и водкой, побредут оторванные от мирного труда, от своих жён, матерей, детей — люди, сотни тысяч простых, добрых людей с орудиями убийства в руках туда, куда их погонят. Будут ходить, зябнуть, голодать, болеть, умирать от болезней, и, наконец, придут к тому месту, где их начнут убивать тысячами, и они будут убивать тысячами, сами на зная зачем убивать людей, которых они никогда не видали, которые им ничего не сделали и не могут сделать дурного.

И когда наберётся столько больных, раненых и убитых, что некому будет уже подбирать их, и когда воздух уже так заразится этим гниющим пушечным мясом, что неприятно делается даже и начальству, тогда остановятся на время, кое-как подберут раненых, свезут, свалят кучами куда попало больных, а убитых зароят, посыпав их известкой, и опять поведут всю толпу обманутых ещё дальше, и будут водить их так до тех пор, пока это не надоест тем, которые затеяли всё это, или пока те, которым это было нужно, не получат всего того, что им было нужно. И опять одичают, остервеенеют, озвереют люди, и уменьшится в мире любовь, и наступившее уже охристианение человечества отодвинется опять на десятки, сотни лет. И опять те люди, которым это выгодно, с уверенностью станут говорить, что если была война, то это значит то, что она необходима, и опять станут готовить к этому будущие поколения, с детства развращая их» [8].

Да, как-то так повелось испокон веков: одни люди предпочитают убивать — другие исцелять, одни строят — другие взрывают. По интересам:

Для генералов война, как
для школьников каникулы [9].

Интересно, смогут ли когда-нибудь люди жить не в крови?

Николай Бердяев считал: «Зло нужно искать не в войне, а до войны, в самых мирных по внешнему обличью временах. В эти мирные времена совершаются духовные убийства, накапливаются злоба и ненависть. ... Недостаточно освободить человека от внешнего насилия, как то думает социальная религия наших дней, нужно освободиться человеку от внутреннего зла. ... Разделение на два мира, на мир света и тьмы, прежде всего существует и внутри каждого человека, враг есть внутри каждого из нас».

Примечания:

- [1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник);
- [2] Ибрагимбейли Х.-М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989, № 4. С. 62.
- [3] Подвиг народа Чечено-Ингушетии в Великой Отечественной войне // Газета «Зов времени». 2000, № 7.
- [4] Ибрагимбейли Х.-М. Северный Кавказ: геноцид, депортации и ЧП // Независимая газета, 1994, 12 июля.
- [5] Боков А. Операция, преданная забвению // Газета «Зов времени». 2000, № 7.
- [6] Ингушетия: Исторические Параллели 19.03.2010 «Ингуши на фронтах второй мировой войны» Из истории моего народа — Хамарз Костоев.
- [7] С. Хамчиев, газета «Сердало» № 138(9513); вторник, 7 декабря 2004 года, «Ингушетия в войнах России»
- [8] Толстой Л.Н. «Христианство и патриотизм». 17 марта 1894-го года.
- [9] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник).

*



Исход первый

Малумат

*На одном поле не уживаются крапива и кукуруза.
Нитташи хъажкIаши цхъан кхай тац.*

Ингушская пословица

Фото интернет



Есть и в современной истории Страны башен трагичные страницы.

Яхья Хашагульгов, бывший председатель райисполкома Сунженского района, поведал о страшном исходе из Ингушетии русского населения, предки которых жили на этих землях более двух веков:

— В лихие девяностые национальные конфликты захлестнули нас, начались убийства. Пошла молва: «Надо из Ингушетии бежать, бежать, бежать». И сперва казаки, затем всё русскоязычное население потянулись из города Карабулака, из станиц Троицкой, Орджоникидзевской — в Ставрополь, Краснодар... [1]

Яхья Магомедович ничего не скрывал...

Потому его рассказ даже в сокращённом виде приводить не стану. Картины жёстких гонений, неосторожно оброненное слово могут стать причиной нового всплеска междоусобиц. И назначать виноватых, судить... тоже не стану.

Кто я такой, чтобы судить?..

Нас всех по намерениям и деяниям нашим, по ошибкам или бездействию, по мыслям светлым и чёрным — будет судить Бог. А трагические события 1991 года так и останутся чёрным квадратом.



Рисунок



Примечания:

[1] 30 апреля 1991 года «Комитет по спасению Сунженских казаков» обратился к руководству страны с требованием «Принять незамедлительные и действенные меры по ограждению казачьего и славяноязычного населения Сунженского района Чечено-Ингушской республики от националистически настроенных ингушских экстремистов». Википедия: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Троицкая \(Ингушетия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Троицкая_(Ингушетия)); Прошение осталось без ответа.

*



Исход второй

Малумат

*Время уносит горе из сердца.
Хано д1аэц дег т1ара бала.*

Ингушская пословица

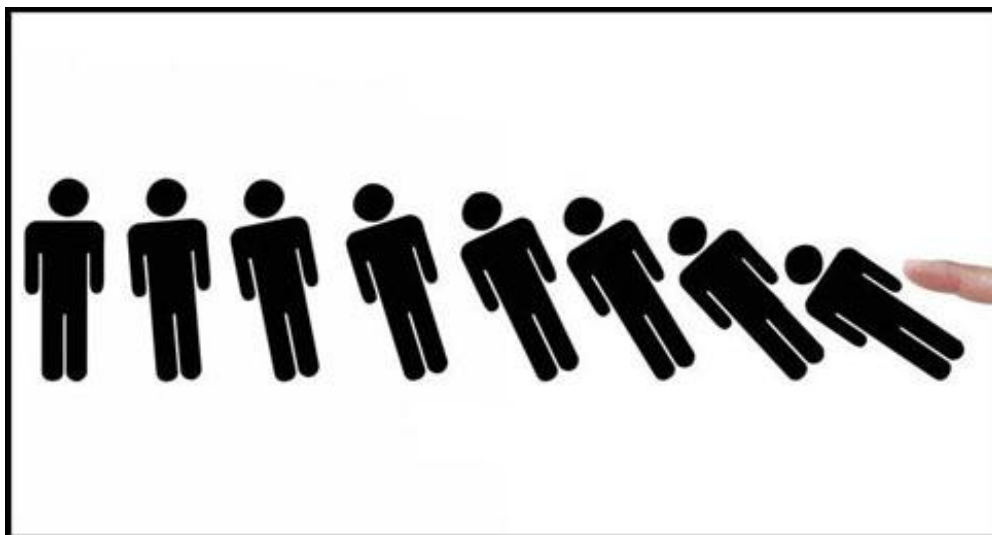
Говорить беспристрастно о горе людей, ставших близкими, не получится, как ни старайся.

Трусливо смолчать — нечестно. (Зачем тогда вообще браться за перо...) «Писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации» [1]. Врать — не могу. (Иначе б занимался политикой...) Пригородный район сегодня — один из символов республики! Кто так не считает, просто не бывал в Ингушетии.

А первопричиной трагичных событий послужило желание Отца народов, товарища Сталина, часть этих самых народов уничтожить. Он оставил о себе память, которую смело можно назвать бессмертной: в День Советской Армии чеченов и ингушей поголовно депортировали в Казахстан «без права возвращения». (Думаю, долго ещё вайнахские народы будут скрипеть зубами, в ответ на поздравление с Днём защитника Отечества...) Остальные события, вплоть до трагедии в Пригородном районе, костяшками домино — безвольными доминушками — валятся одно за другим. Но, бесспорно, депортация народов со своих исконных земель —

Доминушка первая

Фото интернет



Вопрос, который сейчас затрагиваю, страшен ужасом абсурда.

И, повторюсь, любое неосторожно брошенное слово может невольно привести к новой волне кровавых конфликтов. Даже если буду искренен в своих заблуждениях — это не оправдывает. Как известно, «благими намерениями...» Поэтому не стану давать личных оценок — слово самим ингушам — очевидцам событий. Главный редактор общенациональной газеты «Сердало» Якуб Патиев предоставил мне такую возможность, снабдив копиями газетных материалов. Итак...



Доминушка вторая

26 апреля 1991 г. Верховный Совет РСФСР по инициативе ингушских депутатов принял Закон РСФСР N 1107-I «О реабилитации репрессированных народов». Статья 3 п. 2 гласит: «Реабилитация предусматривает возвращение народов, не имевших своих национально-государственных образований, согласно их волеизъявлению, в места традиционного проживания на территории РСФСР». Ингуши на радостях п. 3 уже не читали: «В процессе реабилитации репрессированных народов не должны ущемляться права и законные интересы граждан, проживающих в настоящее время на территориях репрессированных народов». Равно как не читали и Конституцию Российской Федерации, статью 67.3: «Границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия». А 03 июля 1992 г. Верховный Совет РСФСР принимает Закон РСФСР N 3198-1 «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации». Статья 3 предупреждает: «Самовольные захваты территорий и изменение территориальных границ запрещаются. Любые действия, направленные на самовольные захваты территорий и изменение границ в Российской Федерации, являются преступлением против России и влекут уголовную ответственность согласно действующему законодательству».

Доминушка третья

На страницах газеты кипят нешуточные страсти. Все нервы накалены до предела, терпение иссякло... «Сердало» 04 августа 1992 года в №88 (8185) опубликовала на первой странице «Резолюцию чрезвычайного съезда ингушского народа», который прошёл в г. Назрани в РДК. Пункт первый предписывал: «Административный, промышленный и культурный центр Ингушской Республики должен быть размещён в городе Владикавказе». Пункт второй: «Считать необходимым проведение выборов в парламент Ингушской Республики на территории Назрановского, Сунженского районов и Пригородного, Малгобекского районов в границах 1944 года не позже сентября 1992 года». Редакция в своём комментарии осторожно напомнила, что вопрос, «с определением срока выборов», должен решаться Верховным Советом РСФСР. Было ещё немало материалов, которые предостерегали горячие головы от скоропалительных, необдуманных решений. Так газета «Сердало» от 11 августа 1992 года в №91 (8188) в статье «Изменение границ начать нетрудно. Закончить вряд ли удастся» объясняет: «...Практическое восстановление прав репрессированных и насильственно переселённых народов — более сложное дело, чем казалось вначале. Ведь речь идёт о десятках народов, народностей, этнических групп, сложившихся культурно-этнических общностей — судьбах миллионов людей. ...Но этим не исчерпывается сложность вопроса, который приобрёл международный характер. Ведь часть этих народов проживает на территории суверенных государств бывших союзных республик и стремится вернуться в Россию, другая часть — например, группа крымских татар, турок-месхетинцев, курдов — оказавшись волею судьбы на российской земле, стремится вернуться на земли предков».

Если восстановить границы на момент 1944 года, то не только Пригородный район Северной Осетии нужно вернуть Ингушетии, а Натеречный, Шелковской и Наурские районы Чечни — Ставропольскому краю; Моздокский район Северной Осетии — Ставрополью; Новолакский район Дагестана (бывший Ауховский район) — назад Чечне, и пошло, поехало... Для справки: спорных зон сейчас на территории России 180! Примерно на тридцать три Чеченских войны. Позиция центра по вопросу любого изменения любых границ любых республик хорошо известна: их нельзя пересматривать, потому что это открывает ящик Пандоры.

Доминушка четвёртая

В газете «Сердало» от 29 октября 1992 года в №123 (8220) опубликована «Резолюция митинга ингушского народа пос. Южный Пригородного района 24 октября 1992 года». Она, кроме прочего, призывала: «...В ингушских сёлах Пригородного и Моздокского районов немедленно приступить к созданию народной гвардии. Материальное обеспечение народной гвардии Пригородного района возложить на Назрановский, Малгобекский и Сунженский райсоветы» [2].



Доминушка пятая

И оружие молчать не стало. Газета «Сердало» 12 ноября 1992 года в №125 (8222) публикует статью «Это уже Карабах», больше напоминающую сводку боевых действий: «Сегодня в Пригородном районе у селений Шолхи (Октябрьское). Мочкький-Юрта (Чермен), Карца (Планы), Яндиево (Дачное) и у многих других идут ожесточённые, кровопролитные бои. Ингуши сражаются за свои земли, за свои улицы и дома...»

Доминушка шестая

И страшный итог!.. Газета «Сердало» 12 ноября 1992 года в №128 (8225) в «Политическом заявлении Чрезвычайного комитета Ингушской Республики» сообщает о сотнях убитых, тысячах раненых ингушей и десятках тысяч оставшихся без крова.

Век двадцатый канул в Лету, но с собой
Не сумел свои страдания забрать,
И живём мы непрерывною войной —
Это Сталин продолжает убивать! [4]

Фото интернет



И там, и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
— «Кто не за нас — тот против нас!
Нет безразличных: правда с нами!»
А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других [3].

В день отъезда в православном храме Сунженского района я поставил за убиенных свечку.

Фото автора



Примечания:

[1] Зощенко Михаил Михайлович.

[2] 31 октября 1992 года «Сердало» в №124 (8221) публикует «Обращение в комитет по правам человека Организации Объединённых Наций» с просьбой о помощи и поддержке (копии были направлены Президенту Российской Федерации, Председателю Верховного Совета РФ, Полномочному представителю Верховного Совета РФ в Ингушской Республике и представителю Президента РФ в Ингушской Республике). Но тоже услышаны не были...

[3] Волошин Максимилиан Александрович, поэт, критик, художник.

[4] Якуб Патиев «Сталин продолжает убивать».

*



Исход несбывшийся

Малумат

*Хочешь уберечь свой берег — бейся за чужой.
Тиркал дехъ ца къисача, сехъе хиннаяц.*

Ингушская пословица

Фото Евгения Шивцова





И опять ограничусь лишь сухими сводками...

1. 18 октября 2012 года в Чечне приняли Закон о включении части Сунженского района Ингушетии в состав Чечни [1], [2];

2. Утром 18 апреля в ингушское село Аршты вторглись 300 чеченских силовиков — колонна состояла из одного БТР, нескольких «Уралов» и легковых машин [3].

3. 20 апреля Глава республики Юнус-Бек Евкуров созвал съезд ингушского народа в связи с «чрезвычайными обстоятельствами вокруг вопроса о временной границе между Чечней и Ингушетией» [4].

Аксагов Магамед в красках поведал, как они с друзьями провели несколько тревожных дней на баррикадах в готовности защитить родную землю даже ценой собственной жизни... Редакция газеты «Сердало» дальновидно изъяла из архива часть материалов (поступила мудро!); теперь между выпусками №035 (10970) 16 марта 2013 года и №60 (10995) 14 мая 2013 зияет чёрная дыра.

Кавказ — дело скользкое...

А третий исход, слава Богу, не случился.

Примечания:

[1] «В Ингушетии считают (и в августе 2012 г. Ю.-Б. Евкуров неоднократно озвучивал эту позицию), что проблема уже решена эволюционным путем: граница между Ингушетией и Чечней сложилась, устоялась благодаря многочисленным выборам, когда приходилось определять и уточнять границы избирательных участков. Окончательно, по мнению ингушской стороны, границы были определены в связи с проходившими в 2009 г. в обеих республиках муниципальными выборами». «Республика Ингушетия», 30.8.2012, «Три года «стабильности» Бюллетени Правозащитного центра «Мемориал» о ситуации на Северном Кавказе «Выпуск 2», Осень 2009 года — осень 2012 года».

[2] «Кадыров подписал закон о включении части Сунженского района Ингушетии в состав Чечни». Новости Ингушетии ingnews.ru 26.02.2013:

«В Чечне внесены поправки в закон о Сунженском районе, который был утверждён парламентом республики, подписан её главой и опубликован. Закон Чеченской Республики «О внесении изменений в Закон Чеченской Республики “Об образовании муниципального образования Сунженский район и муниципальных образований, входящих в его состав, установлении их границ и наделении их соответствующим статусом муниципального района и сельского поселения” был принят парламентом региона 18 октября 2012 года, утверждён главой региона Рамзаном Кадыровым 6 ноября 2012 года и опубликован в официальном издании «Вести республики» в №18 от 30 января 2013 года. Закон вступил в силу по истечении десяти дней после официального опубликования, то есть 9 февраля.

В документе утверждаются поправки в закон №6-РЗ от 13 февраля 2009 года “Об образовании муниципального образования Сунженский район”. «Статью 3 изложить в новой редакции: “Образовать муниципальные образования в составе Сунженского муниципального района, установив их границы согласно прилагаемым схематическим картам и их описаниям, наделив их статусом городского и сельского поселения с определением административного центра: Ассиновское сельское поселение с административным центром в станице Ассиновская; Серноводское сельское поселение с административным центром в селе Серноводское; Вознесенское сельское поселение с административным центром в станице Вознесенская с входящим в его состав населенным пунктом Аки-Юрт; Карабулакское городское поселение с административным центром в городе Карабулак; Нестеровское сельское поселение с административным центром в станице Нестеровская; Слепцовское сельское поселение с административным центром в станице Слепцовская; Троицкое сельское поселение с административным центром в станице Троицкая; Чемульгинское сельское поселение с административным центром в селе Чемульга”, — говорится в тексте документа».

[3] «Территориальные претензии Чечни» Новости Ингушетии ingnews.ru 30.04.2013 Юлия Латынина.

[4] Abos.RuB 21.04.2013 «В Ингушетии бьют тревогу по поводу Чечни».

*



Обратный отсчёт

Малумат

*...Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!*

М. Ю. Лермонтов

В Ингушетии закончился период смуты и давно наступил мир.

Исход людей из родных мест прекратился.

Снова ждут русских в Ингушетии [1]. Правительством даже разработана целевая республиканская программа «Возвращение и обустройство русскоязычного населения на 2010 — 2015 годы». Постепенно и в Пригородный район, на свои исконные земли, возвращаются ингушские семьи. Яхья Хашагульгов, бывший председатель райисполкома Сунженского района, убеждён:

— Ингушский и осетинский народ врагами быть не могут. Тихо-тихо-тихо всё поставят на место. Один пример привожу: СССР и Германия — более непримиримых врагов в мире не было. А сейчас?.. Время затягивает раны.

Х1арача дено цхьацца лаьтта бел т1адулаш, бала гаьнабоал.
Горе удаляется — каждый день на него ложится лопата земли.

Проблема вся в чём? У нас каждый себя считает князем.

А «над князем князь не нужен» — гласит ингушская пословица (Аьлан т1а аьла тац).

«Я бы сделал не так, я бы не так! я бы лучше! Тот купился, этот проданся». Веками по наследству, потомков будут укорять: «Сто лет назад ваш дед вёл переговоры и уступил часть Владикавказа другому народу». За это время страна полностью поменялась, шар земной перевернулся, уже никто и не помнит, что именно было тогда, а упрекать будут.

Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны... [2]

Кровавый исход из Осетии осенью девяносто второго...

Пока вопрос этот — самый больной для всех и каждого в республике.

Официальный Гимн Республики Ингушетия гласит:

Земля может разверзнуться
От ран, врагами тебе нанесённых.
Да будут благородны сыны ушедшие,
Да отомстят живущие за них.

Аллах, дай силы Ингушетии,
Дай силы, чтобы отомстить.

Лаьтта датт1ал йоккха я човнаш,
Моастаг1аша хьа дег1а яьраш.
Эздий хилба хьа керахьа кьонгаш,
Чир леха, бохабе г1аьраш.



АллахI — Даъла, низ ба ГIалгIайченна,
Чир леа из ба ГIалгIайченна. [3]

Старики в Ингушетии перед смертью завещают потомкам: «Вернуться к родным пепелищам, к родовым кладбищам в сёла Пригородного района». Меня уверяли: обратный отсчёт времени уже включён. На стенах в ингушских домах я видел именно такие часы — часы с обратным отсчётом. И теперь каждый час, каждая минута, приближает ингушский и осетинский братские народы к миру и добрососедству.

Фото автора



Примечания:

[1] Я вспомнил, как воспринимался мой приезд в горных аулах Дагестана... В страшные 90-е русские оттуда тоже бежали сломя голову, кто успел... В Казбековском районе женщина смущаясь подошла ко мне и робко спросила: «Вы правда из России?» — «Да» — «Можно Вас потрогать?» В Бежтинском районе пограничный наряд тщательно проверил все мои документы, полчаса не прошло — летят на УАЗике обратно: повторная проверка. Я старшему наряда задаю резонный вопрос: «Товарищ лейтенант, какие-то проблемы?» Он помолчал и нехотя выдал: «Если бы Вы видели сейчас себя со стороны, Вы ж тут как Дед Мороз летом...»

[2] Шота Руставели, великий грузинский поэт.

[3] Материал из Википедии — свободной энциклопедии: «В 2005 году, новое руководство Ингушетии во главе с Президентом Муратом Зязиковым решило, что гимн Ингушетии излишне агрессивен и не отражает «стремление народа к миру, созиданию, добрососедским отношениям» и утвердило новый вариант гимна на стихи ингушского поэта Саида Чахкиева. В 2005 — 2008 гг. попытки руководства республики ввести новый гимн не увенчались успехом. Текст первого гимна оказался под запретом, но музыку исполнять разрешали. Гимн со словами можно было услышать только на концертах ингушских музыкальных групп в Москве и других городах России. Запрещённая песня быстро обрела невероятную популярность среди молодёжи. В интернете можно было даже найти рок-обработки гимна. Популярность и значимость первого Гимна Ингушетии были признаны новым руководством республики во главе с Юнус-Беком Евкуровым и вскоре было принято решение о возврате первого Гимна Ингушетии. 7 декабря 2010 года Конституционным Законом РИ был утвержден Гимн Ингушетии с первоначальными стихами Рамзана Цурова и музыкой Руслана Зангиева».

*



Ингушетия — фотовзгляд

Фото автора



Фото автора





Фото Беслана Холухоева



Рисунок Кастоева А.И. «Пенумбра»





Советская власть

Хабарик

*Дуплистое дерево ветер валит.
Хар баьнна хи михо атта божабу.*

Ингушская пословица

Фото автора



Ингуши по сей день гордятся своими земляками, отмеченными царём-батюшкой за воинскую доблесть и верную службу генеральскими погонами и почестями: Бекбузаров Сосланбек Сусуркаевич, дослужился до генерал-майора, командира бригады 19-й пехотной дивизии, кавалера Георгиевского оружия (Высочайший приказ от 24.02.1915 г.); Нальгиев Эльберд Асмарзиевич, генерал-майор, командир 2-й бригады сводной Кубанской казачьей дивизии, кавалер Георгиевского оружия (Высочайший приказ от 07.01.1916 г.); Укуров Тонт Наурузович, генерал-майор, командир 44-го пехотного Камчатского полка, кавалер Георгиевского оружия (Высочайший приказ от 09.03 1915 г.); Базоркин Банухо Байсагурович, генерал-майор русской императорской армии; Мальсагов Сафарбек Товсолтанович, генерал-майор русской императорской армии;

А бойцы «Дикой дивизии»? Все как один — Национальные герои! Красавчики!

Обычно после этих джигитов следом идёт длинный перечень Героев Гражданской войны. Известно, что ингуши массово поддерживали Советскую власть. Умницы!

Сам Орджоникидзе в восторге писал: «Ингушский народ, ни на минуту не колеблясь, изъявил готовность к борьбе и громадными массами направился в город... Выступили ингуши,



этот авангард горских народов, за которыми потянулись, если не активно, то во всяком случае своей симпатией, все остальные горцы» [1]. Мнение врагов Советской власти ещё откровенней... Деникин впоследствии изумлялся: «Участие этих народов в политической жизни края далеко не соответствует их численному составу. Ингуши — наименее численный и наиболее спаянный военной организацией народ — оказался по существу вершителем судеб Северного Кавказа» [2].

Ингуши настолько гордятся подвигами своих предков, что никто не заморачивается думкой: ведь красавчики из первого списка воевали с красавчиками из второго. Между собой! И одновременно их чествовать как героев — нелогично. «Всё смешалось в доме Облонских!» Большевицкая идея равенства настолько подкупила ингушей, что они по сей день пребывают в восторге!.. Тот факт, что власть эта землю дала лишь поддержать в руках, а потом почти сразу отняла вместе с жизнью десятков тысяч людей, с родовыми башнями, в расчёт не берётся.

«Товаиши с бьятского Востока!» — Ленин, когда произносил эту фразу — не картавил.

Строители и врачеватели по ингушским адатам избавлялись от кровной мести. Если ценный специалист совершал проступок — его не убивали — откупали. От таких людей зависело благосостояние и здоровье тейпа. НКВД, а ещё раньше ЧК, поступало наоборот — интеллигентов, профессионалов, носителей культуры, людей образованных уничтожали в первую очередь. Зачищали, обнуляли сознание и память народа. Уничтожали самих носителей знаний, уничтожали круг их последователей, уничтожали круг учеников. Как мрачно пошутила Марина Цветаева: «Палачам во все времена нужны люди с головой». К зачисткам подходили основательно — не с кондачка. Варлам Шаламов пытался разгадать механизм репрессий: «Одним из главных принципов убийства сталинского времени было уничтожение одним рядом партийных деятелей — другого. А эти в свою очередь гибли от новых, из третьего ряда убийц. Берзина арестовали в декабре 1937-го года. Он погиб, убивая для того же Сталина. Почему талант не находит в себе достаточных внутренних сил, нравственной стойкости для того, чтобы с уважением относиться к самому себе и не благоговеть перед мундиром, перед чином. Учёные, инженеры и писатели, интеллигенты, попавшие на цепь, готовы раболепствовать перед любым полуграмотным дураком. «Не погубите, гражданин начальник! — в моём присутствии говорил местному уполномоченному ОГПУ в 30-м году арестованный завхоз лагерного отделения. Фамилия завхоза была Осипенко. А до 18-го года Осипенко был секретарём митрополита Питирима» [3].

Писатель Виктор Астафьев признаётся: «Я раньше других сперва почувствовал, а потом и увидел трагедию своего народа, сваленного в червивую яму коммунистами» [4]. Ему вторит Василь Быков: «Прежний советский строй под руководством коммунистической партии никуда завести не может, кроме как тупика. И я думаю, что семидесятилетняя история нашего государства именно об этом вопиет, не то, что свидетельствует. Каждая её страница».

Из моих собеседников в Ингушетии, пожалуй, лишь Нурдин Кодзоев не захлёбывался в восторге, говоря о красных: «Я с детства — антисоветчик. Состоял на особом учёте. В пятом классе от руки писал листовки о митинге в Грозном в 1973 году, бегал по улицам, расклеивал... КГБ собрали по школам тетради, по почерку вычислили, но что возьмёшь с пятиклассника? В восьмом создал подпольную организацию... Цель: образовать республику Ингушетия».

И вот сегодня бок о бок в Ингушетии, словно в провинциальном спектакле, на одной сцене, в одной постановке играют персонажи из разных сказок: Карабас и Дюймовочка, палачи и жертвы, антисоветчики и большевики-ленинцы с персональными экспозициями в музеях, с демонстрациями-маёвками 1 мая и Днём памяти жертв политических репрессий 30 октября — по принципу «Кашу маслом не испортишь!» Не прихоть это, не бзик и не склероз провинциального режиссёра — желание соответствовать непрерывно-меняющейся генеральной линии идеологии Державы, публично заявленному укладу жизни:

Наш уклад

Вперёд! Назад... чуть-чуть левее...
А-аа, стоп! стоп-стоуп... поправее.
Вот так... Ой, нет!.. Ой, не, не над...
У-ау! Счастье — от движухи в зад.



Не стенограмма то борделя,
Не полицаев съёмка скрытая.
Не шулки первого апреля —
Страны история избитая,
Руси уклад [5].

А Советская власть — проект масштабный, но утопически-гнилой, возьми и рухни, аки дуплистое дерево. И порой душит меня ностальгия:

Хочу назад в эСэ-Сэ-СэР
Назад! В Советскую Медину
Где метроном, не ставя в хер,
Задаст по жизни ритм единый!
Сигнал пропикает Москва
Объявят курс по «Маяку».
Узнав почём нам «дважды два»,
Навалим счастья кулебяку [6].

P.S.

Пожалуй, единственное, чего местные жители Советской власти не простят никогда — как посмела она изъять из романа «Двенадцать стульев», при повторном издании, сцену, где ингуши избивают Остапа Бендера. Как решилась поднять руку ещё на одно свидетельство гостеприимства и миролюбия горцев!

Примечания:

- [1] Г.К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи. Грозный, 1962, стр.68.
- [2] «В августе 1918 года, когда казаки и осетины овладели Владикавказом, ингуши своим вмешательством спасли Терский Совет комиссаров». Генерал-лейтенант А.И. Деникин «Очерки русской смуты». 1925, т. IV, с.с. 97—98, 112, 122.
- [3] Виктор Астафьев «Нет мне ответа... Эпистолярный дневник».
- [4] «Варлам Шаламов. Опыт юноши». Режиссер: Павел Печенкин.
- [5] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник).
- [6] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник).

*



Художественная школа

Ахи [1]

*И трава краше, когда в ней попадается цветок.
Буц а дикагIа хул, юкъ-юкъе зизалг хилча.*

Ингушская пословица

Фото автора



В городе Сунжа есть прекрасная художественная школа.

Сам в детстве заканчивал подобное учебное заведение, потому не могу быть объективным к этим островкам творчества — испытываю безответную симпатию и сохну по сей день. Мне вновь захотелось сесть за мольберт в первый класс, и не беда, коли стану второгодником...

Я с первого взгляда влюбился в школу, влюбился в преподавателей.

Разве может быть иначе?..

Фото автора



А Махмуд сразу потянулся к бутылке, акварель на её горлышке, казалось, звенела...

Директор школы — Исса Аушев — Член союза художников России, народный художник республики Ингушетия, автор живописных масляных полотен и плакатов.

— Работа называется «Геноцид малых народов». Пострадали от советской власти все... кто в большей, кто в меньшей степени. Репрессировали десять народов. На холсте я изобразил пальцы наспех зарытых истерзанных, расстрелянных, загубленных людей.



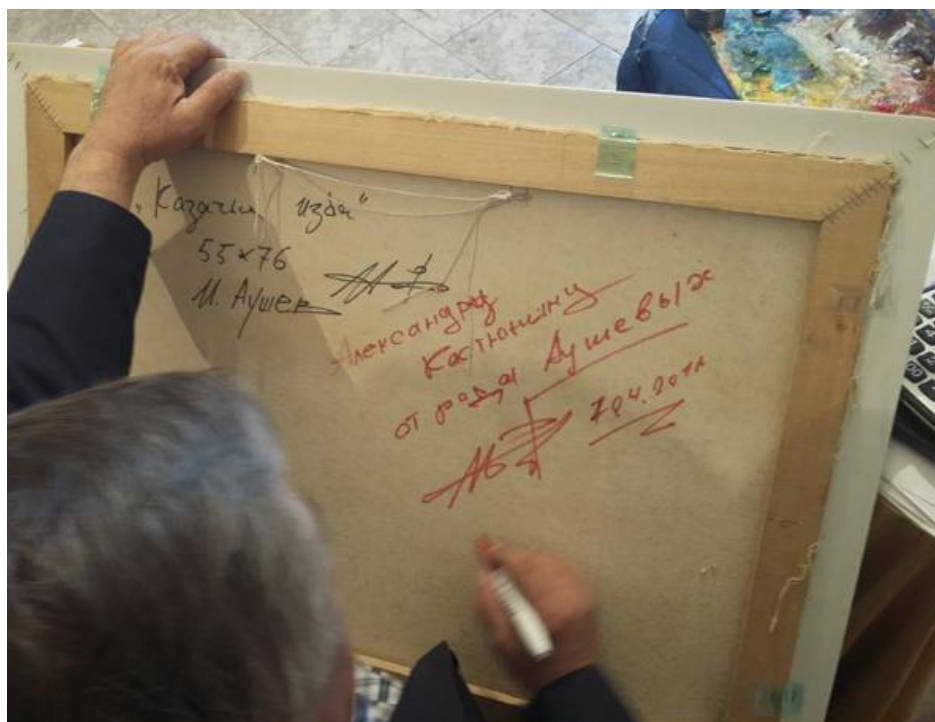
Любимый афоризм Иссы — фраза Амадео Модильяни: «Любая живописная работа — мысль, выраженная в цвете, и мысль эта должна быть обязательно живой, царапающей равнодушное успокоенное сознание».

Да, остаться равнодушным — невозможно...

А на память директор художественной школы подарил мне картину с эпохальной дарственной надписью: «Александр Костюнину от рода Аушевых».

Фото автора





Примечания:

[1] Ахи (собств.) — собственный жанр литературного творчества, противоположный «причитаниям», «воплям», «плачу», в котором автора перехлестывают эмоции исключительно восторженные.

*



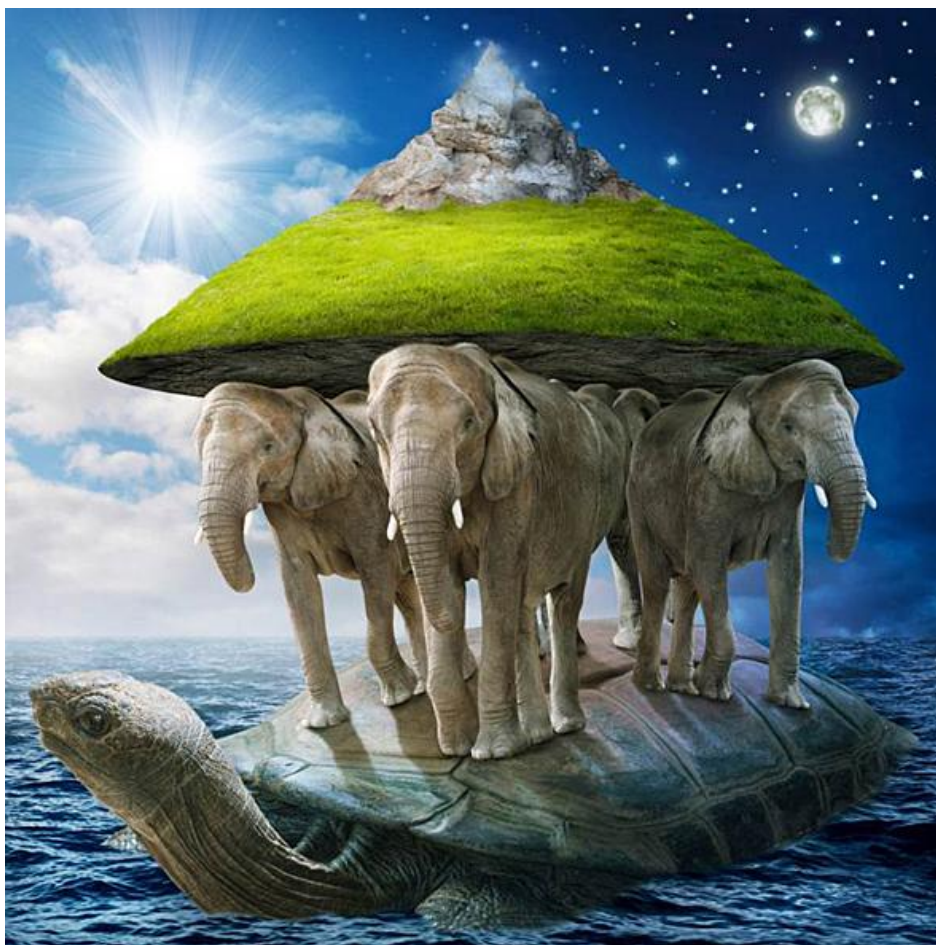
Родина Камасутры

Ахи

Русский язык — это прилизанный ингушский.

Ингушское поверье

Фото интернет



Берснако Газиков — крупный ингушский учёный, краевед, исследователь и при этом человек исключительно скромный, как все ингуши:

— О себе говорить неудобно, всё — в интернете. Я автор научного труда: «Ингушетия — родина мировых мифологий».

— Гипотеза отчаянно-смелая...

— Сейчас сами убедитесь! — заученным жестом фокусника Берснако развернул на столе план своего генерального наступления на мир. — По карте Ингушетии мы скрупулезно исследовали ингушскую и мировую мифологию, окинули взглядом рельеф земли с птичьего полёта. Вот, прошу, окиньте: здесь протекает Терек, это — река Армхи, это — Асса. Если изучить этот участок карты внимательно — просматриваются глаза.

Я уперся взглядом в карту и... точно!.. что-то типа, причём один глаз мне подмигнул!



Фото автора



— Полюбуйтесь, — вот будто бы рука, вот, будто бы нога... По описанию этот персонаж полностью соответствует теологии индуизма. У Махабхарата — на голове тоже коническая корона...

— Сила!

— ...Четыре руки, две правых, две левых, в одной он держит молнию.

— Кому-то надо...

— Вторая рука — кулак перед собой.

— Мило.

— Из космоса видно лучше.

— Да ладно, я так...

— ...Следовательно, подтверждается факт: у нас находится греческое божество — Охранитель Мира.

— Ясненько...

— А если карту крутанём — увидим сначала козла, потом слона.

— Чудненько... славненько... занятненько, — подбадривал я собеседника, строго следуя инструкциям Махмуда.

— Это Бог Ганеша, исполняющий желания — слон мудрости Индии.

— Так ему и надо.

— Подобных образов у нас набралось более семисот, которые соответствуют египетской, индийской, скандинавской мифологиям. Получается, зарождение всех мифологий мира происходило именно у нас, в Ингушетии, — Берснако победно откинулся на спинку стула.

«Так вот ты откуда родом, Камасутра!..»



— Везёт вам.

— Бывает... — Берснако крепче прижал портфель к груди. — Очевидно: жизнь планеты Земля зародилась здесь, в Ингушетии, в Джейрахском районе. Это уже потом люди разбрелись по всей земле и, захватив с собой наши мифы, образовали разные страны.

— Я лично знаком с главой администрации Джейрахского района, — сморозил я сдуру! словно как раз этот муниципальный чиновник и организовал процесс мироздания.

Теперь за ингушский народ я спокоен!

С такими энтузиастами-учёными, как Берснако, Страну Башен ждёт великое прошлое.

А если Бог взаправду по национальности — ингуш?..

*



Право служить

Хабар

*Коня узнают в пути, молодца — на чужбине.
Дын наькъаца бовз, клант аренца вовз.*

Ингушская пословица

Фото Али Оздоева



У Башира Аушева уточнил:

— Ингушетия по-прежнему в числе регионов, где за возможность отслужить срочную службу — уточняю: не «откосить от армии» — за право исполнить священный конституционный долг — дают взятки?

— Да, так... Когда призвали на Северный Флот — не верил до последнего. Пока уж точно не проехали Москву, Питер... пока столичные города не проплыли мимо окон вагона. В 2009-м, когда меня призывали, желающих было десять человек на место.

— В МГУ меньше.

— Весь двор военкомата забит битком. Знакомые ребята предлагали за деньги поменяться местами, чтоб отдал им свою квоту. «Не-не-нееее!» Им отметка в воинском билете нужна для госслужбы, а я на Северный Флот рвался познать себя, силу духа, силы свои. Дома можно всю жизнь прожить — ничего не поймёшь... Здесь ты не один, здесь за тобой — весь тейп. Споткнуться, упасть не дадут, поддержат... Могу хоть сейчас сделать дозвон по телефону: «у меня проблема!» — через десять минут сюда привалит пятьсот человек, готовых на всё... армия! Дома перестаёшь адекватно оценивать реальность. Там — совсем другое. Там ты один, без роду, без племени, можешь надеяться только на помощь Всевышнего. Там, наконец, понимаешь, насколько готов к жизни, насколько тебя хватит самого. Когда, ещё толком не проснувшись, уплетаешь горячие мамины пирожки, этого не понять, смысл жизни до тебя не доходит. После службы, в



какой бы ситуации ни оказался, — точно знаешь заранее: потянешь эту лямку или нет. Я туда рвался, чтобы повидать мир, вдоволь наиграться с оружием, перейти с ним на «ты»: в Североморске корабли — с гору величиной, торпеды, ракеты... Мне это очень интересно... Я мечтал служить три года, но буквально в дороге узнал: опубликовали приказ министра обороны, срок службы сократили. Я был убит горем... Себя зарядил именно на этот срок. А призывники наоборот: кто мог, сходили по пути, на каждом пересыльном пункте упрашивали «покупателей», чтоб забрали их в другие рода войск, только не морфлот, только б не служить три года...

Призыв весенний. Поезд идёт по Мурманской области, светлынь, а все спят наповал. Даже странно показалось... Подхожу к своему прапорщику, трясусь за плечо:

— Чё с вами? Чё случилось?!

— Ты дурак что ли?.. Посмотри на время: ночь на дворе.

— Какая ночь?

— Второй час.

Оказывается, такая в Заполярье летом ночь — белая. Я слышал, конечно, но чтоб до такой степени — представить не мог. Зимой наоборот — полгода темень. Глаз выколи... Зимой минус пятьдесят при высокой влажности и колючих ветерках с залива — не детские игры, море Баренцево!.. Огромная луна! Луница!!! — рукой достать — жёлтая, маслянистая, словно чапенгишь! [1] И небо — на плечи давит. Однажды вышли во двор, морозика, сугробы, и внезапно! — небо перламутровое... — от испуга аж пригнулся. (Знаю: ядерные подлодки кругом... Всякое может.)

Бегом к офицеру — доложить. Тот смеётся:

— Это северное сияние!..

И началось на небе представление... Разве такое увидишь здесь? Светло как днём. Лазерное шоу — дешёвая туфта по сравнению с ним. Узоры, полосы, ленты — широкие, узкие... разных цветов. И всё меняется. После этого я каждую ночь выбегал во двор: чтобы не пропустить, чтоб ещё раз увидеть, ещё-ещё раз... И, конечно, мечта моя — увидеть воочию корабль «Пётр Великий» и авианосец «Адмирал Кузнецов» — достояние страны. В сравнении с ним даже северное сияние померкло. Вот это махина!.. Город! Ему даже Кольский залив в плечах тесноват. «Адмирал Кузнецов» — чудо света! Я-то служил на базе технического обеспечения... на маленьком катере торпедистом. А это такая махина — бескозырка с головы падает, как голову вверх задерёшь. Ещё раньше слышал лозунг: «На работу, как на праздник!», считал «дуркуют». Пропаганда. А тут сам, когда попадал в торпедный цех, огромную радость поймал. Пацанам не интересно, а мне-еее!.. Я знал: больше никогда в жизни этого не увижу, даже если захочу сильно-сильно. Потрогать самому, разобрать, собрать, смазать, зарядить, участвовать во всём этом. Прямо гордость испытывал: не каждый мой сверстник допущен к таким тайнам, к военной мощи страны. Принимал участие в военно-морском параде, есть даже благодарственное письмо в адрес родителей... Клянусь — это счастье! Отдать долг Родине для мужчины — награда. «Защитник Отечества» — звание почётное. И ещё: служба для меня стала данью уважения деду, другим ветеранам, благодаря которым мы сидим с вами спокойно, мирно беседуем. Вклад этот даже по масштабам Вселенной — не оценить. Служба моя на Северном флоте своего рода «алаверды!» Одолей нас тогда фашист, не до бесед было бы сейчас...

На медкомиссии мне врач заявила:

— Ты южанин, даже недели здесь не выдержишь, может, тебя сразу комиссуем?

— Вы что!.. Вообще?! Для ингуша «комиссовать»! Лучше здесь уму. Зато меня родственники увезут и с почестями похоронят.

Задумалась, остальные хлопают глазами.

— Ты какой-то ненормальный... Если им предложу, с радостью согласятся, уйдут.

— Они пусть бегут, я выдержу всё. Так и пишите.

Посмеялась врач надо мной, но уже совсем по-другому, по-доброму:

— Приятно видеть таких призывников, как ты, Башир! А кем тебе доводится Руслан Аушев?

— Дядя.

Председатель комиссии, генерал-полковник медицинской службы, подошёл ко мне и положил руку на плечо:



— Благодаря твоему дяде я дослужился до таких звёзд, это он меня в русло поставил. Первый бой принял под его командованием. Обращайся, если возникнут вопросы. И служи, старайся авторитет его не уронить.

Я стою, весь свечусь от счастья... ярче Северного Сияния.
Даже тут, на краю земли, знают моего дядю.

В Ингушетии считают: настоящий мужчина должен быть всегда на слуху! Или в хорошем или в плохом смысле! А здесь такое почтение... Гордость во мне такая, что я — ингуш, представитель его рода, — служу на Краснознамённом Северном флоте, на флоте, о котором друзья слагают легенды, а враги в страхе шарахаются. В меня прям сто сил вселилось — стал заниматься спортом: штанга, турник, закаливание — летом обливался холодной водой, зимой обтирался снегом, к тёплой воде не прикасался. В итоге я — единственный боец из всей роты, кто ни разу за всю службу не валялся в госпитале. Осенью, когда в тельняшке выходил на палубу, чувствовал себя комфортно.

Многие пустоты у себя в голове заполнил именно там... Пообщался с представителями разных национальностей. Со староверами, язычниками... узнал как шаманы проводят обряд очищения дома. И был в шоке! Много мне казалось диковатым, как, наверно, некоторые наши адаты кажутся им. Там до меня дошло: если ты поймёшь устройство души человека — какой бы национальности и веры он ни был — тебе не составит труда найти подходы к нему и сдружиться... на всю жизнь. Иногда полемизировали, не без этого:

— Я знаю свой родной — ингушский, знаю чеченский, свободно владею твоим языком — русским... Писать умею, стихотворение прочитать, спеть могу... И кто из нас «чурка»?

Примечания:

[1] Чапengiшь (инг.) — блины с творогом

*



Ослушник

Хабар

*Как ни черни золото, оно не почернеет.
Дошо мелла 1аърждарах 1аържлургдац.*

Ингушская пословица

Асланбек сидел напротив и виновато оправдывался:

— 14 сентября 2013 года я заступил в наряд дежурным по РОВД Сунженского района. Дежурство проходило спокойно, никаких эксцессов, ЧП. Ночью, в два семнадцать, раздался звонок из приёмного покоя районной больницы: «С тяжёлым ранением поступил военнослужащий, ППС-ник, пострадал при взрыве автомашины». Я сразу усилил наряд, поднял вторую оперативную мобильную группу, выставил людей, заняли оборону. В 06.15 полицейский из конвойного взвода доложил: в тридцати метрах от отдела за деревом замечен человек в гражданской форме, с автоматом, нацеленным в сторону РОВД. Приказал:

— Все двери заблокировать! — спустившись во двор, увидел незнакомца. — Без моей команды не стрелять!

Сам — напрямик к нему. Приблизился метров на пять... У него автомат АК-7,65 с барабаном (Емкость 75 патронов — пали вдосталь).

Глаза в темноте сверкнули:

— Ещё шаг, буду стрелять... — он стал поднимать автомат.

— Давай не дури, положи на землю автомат и сдавайся.

Передёргивает затвор:

— Пристрелю.

Стоим, смотрим в глаза друг другу.

Он внешне ведёт себя спокойно, уравновешенно... палец на спусковом крючке не дрожит.

Я плавно расстёгиваю кобуру:

— Смотри... пистолет кладу на землю. Если ты мужчина, положи автомат, и давай поговорим с тобой один на один. Если меня одолеешь, сам проведу тебя в отдел.

Он растерялся, не ожидал такого... Переводит взгляд с пистолета на меня... Не знает, на что решиться.

— Ты кто?

— Саламбек Мочукаев, нахожусь в Федеральном розыске, по 208-й.

— Терроризм. И что тебе нужно?

— Должен пробиться в здание РОВД и расстрелять личный состав.

— Кто тебе такую задачу поставил?

— Амир.

— Почему он сам не пришёл? Побоялся?! Тебя, дурачка, послал. Хочешь пройти в отдел, где круговая оборона... Ты под прицелом, шага не успеешь ступить.

Чувствую, дрогнул, обмяк весь, устало положил автомат на землю.

Я — к нему...

До него четыре метра, три, два...

В глаза друг другу впились. Показываю — ладони у меня пустые... Подхожу почти вплотную.. Один шаг отделяет.

— Руки подними.

У него конвульсия по лицу пробежала:

— Не подходите, за пазухой взрывное устройство.



— Что именно?

— Не знаю... пояс шахида.

Я молнию на куртке ему приспустил — на груди шприц висит, провода.

— Не шевелись.

Медленно передвигаю бегунок, появляется «MON 50» — взрывное устройство английского производства. Командую своим ребятам:

— Не подходите! У него пояс шахида!

Кругом жилые дома, люди спят — шесть утра — самый сон, а он прямо под окнами...

— Саламбек, будешь слушать мои команды, останешься живой. Если нет... шприц твой дёрну и — в сторону, а ты взлетишь. Понял?!

— Понял.

— Как сюда добрался?

— Брат на белой «семёрке» привёз. Он поехал Нестеровский отдел взрывать... У него машина загружена тротилом.

Я стиснул в кулак указательные пальцы его правой и левой руки, чтоб беды не натворил, достал мобильник, доложил обо всём руководству. Всё... Теперь — подальше от жилья... Повёл его за военкомат, там массивная стена. И в том кирпичном проёме простояли с ним ровно 54 минуты. (Для рапорта запомнил точно). Он то бледнеет, то стонет, то чернеет. Чувствую, у меня самого давление зашкаливает. Стою и понимаю: никто не поможет, разминировать нужно самому.

— Саламбек, вставай к стене, буду тебе пояс снимать.

— Нельзя — оба взорвёмся...

— Посмотрим. Вставай.

Вижу в шприце ртуть, стоит клапан приподнять, надавить и — моментальный взрыв.

— Садись на землю, руки пла-аавно... задержи... не шевелись.

Он сполз по стене, поднял дрожащие руки, глаза закрыл...

И я давай аккуратн-аатно снимать... складка за складкой...

Пот со лба капает прямо на руки...

Снял.

Аллах-акбар! Сложил весь комплект на землю, отошли с ним в сторону... только тут впервые свободно выдохнул. Минут через двадцать прибыли сапёры ФСБ, узнали подробности, крутят пальцем у виска: «Эту бомбу разминировать нужно четыре часа, как ты её вообще снял? Бросай свою работу, переходи к нам». А у меня уже мозги, словно в тумане... Плывёт всё перед глазами. Слышу только, сквозь дымку, генерал объясняет своим:

—...Если бы взорвался, в радиусе пятидесяти метров — одна сплошная воронка... ни одного бы муравья в живых не осталось.

Потом узнал: взрыв Нестеровского отдела удалось предотвратить, белую «семёрку» с бомбой обезвредили, а меня четыре месяца таскали с допроса на допрос, из одной конторы в другую: «Почему покинул дежурную часть?»

Великие деяния, чужие судьбы каждый склонен примерять на себя.

Признаюсь честно: подвиг Асланбека Гандарова я, как ни пытался, примерить на себя — не смог. Не дорос я до такой «обновы»... обитель духа его несоразмерно велика для меня. Это как в Храм войти... Робко чувствуешь себя внутри. Выйти на битву с огнедышащим драконом... один на один. Это и есть — Герой нашего времени.

А само происшествие... Читатели, хорошо знающие историю Государства Российского, понимают: Асланбеку крупно повезло. Ни одно доброе дело у нас не остаётся безнаказанным, любое разбирательство идёт по гладко отработанному сценарию, строго по пунктам: запугивание, запутывание, наказание невиновных, награждение непричастных, банкет по случаю. Мужик, можно сказать, родился в рубашке. Ему ещё сохранили звёздочку, должность. А ведь майор преступил все рамки приличия... За время службы это уже третий случай, — третий! — когда Асланбек лично обезоруживает и берёт террориста живьём.



Фото интернет



*



Ингушетия — фотовзгляд

Фото Али Оздоева



Фото автора





Фото автора



Фото автора





Махмуд зажигает

*Спросится не только за злые слова,
но и за произнесённые добрые.*

Живая Этика. Надземное

Мы проезжали мимо альма-матер и Махмуд, заметив смеющихся школьников, посветлел:

— Мне, как филологу, интересно бывает наблюдать за детьми. Вот уж кто мастера словообразования, и сами такие непосредственные, искренние, не то, что взрослые. В Тюмень ездил к брату, смотрю, во дворе малыши играют с котёнком: симпатичный, пушистый, рыженький. На своём зову его:

— Мута ходол! (Киса, иди сюда!)

Девочка в песочнице совочек отложила и сделала замечание:

— Дяденька, зачем вы ему на чужом говорите? Он же русский.

— Он ингуш.

— Нет, русский!

У нас семьи большие, потомков много.

Прихожу однажды к младшему брату в гости, а у него дочка маленькая, лет шести — племянница моя — такая егоза. Захотелось её разыграть. Налили мне чаю, я ложкой собираю чайники:

— О! Чайники к деньгам! Сейчас буду выпекать.

Та сразу ушки на макушку:

— Как это?

— А вот смотри: собираю чайники, складываю их в карман, читаю молитву: Бисмиллахи рахмани рахим... Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Если я всё сделал правильно, через несколько минут в кармане испекутся денежки.

Она смотрит недоверчиво, но играть не убегает. Терпения хватило на пару минут:

— Давай проверим!

— Давай.

Запускаю руку в карман брюк и... достаю вместо чаинок... пятисотрублёвую купюру.

Рот у неё открылся, глаза округлились.

— О! Слава Аллаху! — я складываю денежку и — в нагрудный карман рубашки.

На другой день опять прихожу — она меня уже ждёт. Хозяйка наливает чай, я опять с деловым видом сосредоточенно чайники собираю в ладонь и с молитвой засовываю в карман.

Девчонка не дышит, не моргает, уставилась на меня.

Через несколько секунд тербит за руку:

— Дядь, проверь!

— Рано ещё, не испеклись.

Проходит пять минут, запускаю руку в карман и опять вытаскиваю купюры, да не одну — две. Её аж передёрнуло, личико покрылось красными пятнами, убежала прочь.

На третий раз — я опять за своё...

Она уже с утра ждёт моего прихода: бледная, дёрганая какая-то, аппетит у ребёнка пропал, не здороваясь, сразу подошла к столу — на боевой пост — вперилась в меня.

— Ну смотри, какие сегодня большие чайники попали в стакан, целые листья — чувствую, будет особый прирост, — я не обманывал её, час назад зарплату получил. — Ты смотри и учись! Вдруг тебе тоже когда-нибудь захочется денег.

Молча сопит да ногами переступает, точно необъезженная кобылка.

— Так, собираем чайники в ладонь, — нарочито медленно, по одной вылавливаю широкие коричневые лепестки, — читаем молитву: Бисмиллахи рахмани рахим... Во имя Аллаха милостивого и милосердного! И опускаем чайники в карман. Главное ничего не перепутать.

Она аж перегнулась через стол, шею вытянула, пытаясь заглянуть в карман...



А у меня — всё по-честному!

— Так, о-пуска-ааем!

Чтобы денежки выпекались лучше, надо прижать карман к печке, — прислоняю ногу к натопленной плите. — Всё. Теперь ждём.

Она глаза зажмурила, съёжилась вся, замерла, стук её сердца я слышал на расстоянии...

— Ну вроде должны быть готовы, — запускаю руку, достаю тысячную купюру. Для убедительности прикладываю тёплую банкноту к её щеке. — Чувствуешь, горячая? Испеклась.

Складываю тысячу пополам и — в нагрудный карман рубашки. Опять запускаю руку, достаю следующую банкноту. Раз десять я нырял пальцами в брючный карман и выуживал один банковский билет за другим...

— Хватит! — взвизгнула она и своими ручонками прижала мои руки к столу. — Дядя, больше не надо! Вы так все деньги наши заберёте.

Слово авторитетным ингушским учёным

Из рубрики «Азбука языкознания». Общеизвестно: все слова в русском языке на букву «а» заимствованы из тюркского, а им, в свою очередь — из ингушского.

Похоже так и есть!

На днях я зашёл к приятелю, тот на кухне приподнял край скатерти, спрашивает у трёхлетнего внука:

— Игорёк, ты чего там притих?

Из-под стола с натугой:

— А-аю.

Спасибо ингушскому праязыку!

Что ни слово на букву «а» — то перл.

*



Исса

Хабар

*Сыну достались фрукты от дерева, посаженного отцом.
Дас дIайийнача гьанех воIа сомаш хиннаб.*

Ингушская пословица

Глава Сунженского района Исса Хашагульгов предложил пройти в боковую комнату рядом с кабинетом и откровенно признался:

— Завидую Вам, Александр! Честно.

Я не могу, как вы: всё переступить и заняться любимым делом. Мне никто не позволит. Я привязан. Навечно в строю. В клетке! Адаты, Эздел, тейп — путы покрепче тюремных решёток. Честно, завидую...

— Мне право «заниматься творчеством» — далось не даром, за него приходится биться. В этом бою, как в любом другом, есть потери. Но они оправданы высшим смыслом, высшей идеей.

— Понимаю.... И всё же... Жёсткая структура построения ингушского тейпа, иерархия — одновременно «плюс» и «минус». В чём-то она даже мешает... Хотя сегодня уже не та Ингушетия, что раньше. Где ты, древний Эздел? Всё подменено меркантильными интересами. Ингуши всегда отличались тем, что говорили правду, какая бы она ни была. Хватало мужества. Сейчас нет, сейчас не так. Родственники, даже если прекрасно знают, что кто-то из них не прав, — не остановят негодяя, не укажут «отойди в сторону!»

И родители для нас значили больше...

Когда мать умерла, мне было пятьдесят пять. Не было дня... за эти пятьдесят лет... командировка — не командировка, не было дня, чтоб где-то остался заночевать и чтоб моя мама не знала. В жизни не было дня за эти все годы, чтоб я хоть раз к маме не зашёл. Теперь жалею: мог быть ещё ближе... Моя мать не любила ласки, обниманий, муси-пуси. Один раз за всю жизнь обнял её неожиданно... Тогда студентом учился: сначала семестр, потом военная подготовка, — долго не был дома — соскучился страшно. Она во дворике развешивала бельё, я тихонько подкрался, приобнял — сразу отстранилась, резко. Нет, не было у неё этого... Потом, под конец уже, я мог спокойно ногу ей помассировать, руку поддержать... потом уже никогда больше эту сухую жилистую руку не держал я в своих руках...

Исса отвернулся, зачем-то стал переставлять вазочки на сервировочном столике, погромыхивать посудой:

— Угощайтесь! — он налил в стакан заварку и кипяток до краёв. — Родители для нас — это святое... Недавно ролик попался в Instagram. В саду под тенью плодовых деревьев сидит отец, довольно пожилой, видимо, с памятью уже нелады, рядом — взрослый сын, газету читает. Хороший дом, ухоженный сад. Воробей прилетает, начинает прыгать у ног, чирикать. Отец спрашивает:

— Что это?

— Воробей, — сын, не обращая внимания, продолжает шуршать газетой.

Проходит буквально несколько секунд, отец опять спрашивает:

— Что это?

— Воробей, что не видишь? — уже раздражённо, и дальше читает.

Минуты не прошло, отец опять:

— Что это?

— Воробей! Я же сказал. Во!-ро!-бей! — сын, психуя, отбрасывает газету.

Отец сутуло встаёт, шаркая, уходит в дом.

— Ты куда?!

Приносит старую тетрадь, раскрывает её на закладке и протягивает сыну:

— Читай вслух.



— «Сегодня такой красивый день. Мы с сыном сидим в парке на аллее. Прилетел на соседнюю скамейку воробей, и мой сын двадцать один раз спросил у меня: «Что это?» Я двадцать один раз обнял своего сына и ответил: «Воробей».

Сын растерялся, отложил в сторону тетрадь, обнял отца.

Один пишет в комментариях: «Хорошее видео».

Я набираю ответ: «К сожалению, это — не видео, это — жизнь».

Жаль только: осознаём, когда уже поздно. Даже мы, которые так трепетно относимся к родителям. Сейчас, когда время упущено, вспоминаешь, что мог бы отца посадить с собой в машину, вывезти куда-то, прокатить, показать, рядом быть, руку поддержать... С отцом пожестче у нас. На людях вообще не принято ласкаться, субординацию надо соблюдать. Мой отец, когда никого нет, любил, чтобы мы садились за стол всей семьёй. Настаивал даже.

Когда в сорок четвёртом семью сослали, до места из наших мужчин добрались двое: мой отец и дед. Дед — участник Гражданской войны, награждён, контужен и к тому моменту почти полностью оглох. И вот сидят они зимой в землянке за шторкой, голод, холод.

Дед был жёстким:

— Мать-перемать, на хрена тебя растил, жрать нечего, а ты сидишь!..

Отец ночью в колхозе украл телёнка, забил его, сварил, накормил всю семью и соседей.

— Сейчас я знаю: ты — мужчина! — оценил дед.

Шёл сорок пятый год, и за колоски давали 25 лет.

— «Кто бедствует, тот не грешит», — согласился я [1].

— Нас тридцать человек — потомков отца. И если я, к примеру, поручу племяннику: «Вот этого надо завалить», а он поинтересуется: «За что?» — уже неуважение ко мне. Но при этом я сам не сяду кушать, пока мои родные, внучатые племянники, будут голодные. Тема исчерпана. А сегодня идёт херня. В Москву — ограничений нету: едут воровать, грабить, убивать, в большинстве своём. Раньше у нас такой швали не было. Мы их контролировали. Сейчас не так. Иерархия, уважение к старшим не те. Нам, кавказцам, лучше советской власти придумать невозможно. Всё было в меру: страх, труд, мужчина — мужчиной и оставался.

— А ссылка? — оторопел я.

— Ничего страшного в высылке не вижу.

— Сколько жертв, горя...

— Ничего страшного. Все эти беды сплотили народ. Да, все женщины надорвали мочевые пузыри, пока добирались в ссылку. Зимой на поле копали семена озимой ржи — ели. Но нас же не сломали. Соседский сын узнал, что комендант плетью ударил в лицо его отца: отрезал негодяю голову. Голодали, но горской чести не теряли. В то время!

— Ингуши — оптимисты: «Пал бык — мясо, сломалась арба — дрова». (Уст белча, дулх хиннад; ворда ехача, дахча хиннад.)

— Ингушам по-другому нельзя... Высылкой в Казахстан для нашей семьи проблемы не закончились. В девяностые у нас похитили отца. Мы поклялись: всех, кто хоть пальцем коснулся его, — найдём и накажем. Пробились на чеченское телевидение, дали информацию, объяснили: «С нами не шутите...» Мне напрямую пришлось столкнуться с этой грязью: с Бараевыми, Итаевыми... Дня не прошло, на меня выходят посредники — их мулла-шмула, предлагают вернуть отца за миллион шестьсот тысяч долларов. Я — в Серноводск, один к Арби Итаеву: тот весь на понтах, в оружии с ног до головы, рядом нукеры...

— Где отец?

Он с ухмылкой:

— Ты чё, такой смелый что ли?!

— А вас надо бояться?

— Исса, это наш бизнес. Ничего с твоим отцом не случится. Цену мы подняли до трёх лимонов. Ждём Березовского.

«Три миллиона долларов, Березовский... Бред какой-то?»

Я не поверил. Но делать нечего: развернулся, уехал с пустыми руками. И что ты думаешь, Александр, не прошла неделя, Березовский в аэропорту... прямо в аэропорту передаёт их посреднику три миллиона. Все вопросы — тут же сняли. Тема?

— Тема интересная, — согласился я. — Мало какой бизнес даст такую прибыль.



— Тема ушла... Вообще к деньгам сейчас отношение пересматривается...

Недавно олигарх-ингуш кинул несколько миллионов долларов на свадьбу сына. У нас так не принято. Богатые стали отмечать свадьбы в банкетных залах — не дома. Баб своих жалеют, что ли?.. Отходят от наших традиций. Я на торжество не поехал.

Политика — та же проституция. На любителя. Прилипали кругом. А есть такие, кто готов на колени встать, штаны снять — из-за должности. Прогибаться даже у нас уже привыкли. Это с горским-то менталитетом, с нашим представлением о чести. Привыкли...

Завидую вам, Александр!

Примечания:

[1] Сергей Довлатов.

*



Ингушский язык

Малумат

Ингуши добавили в русский алфавит цифру «1» и... появился великий язык [1].

У писателя Идриса Базоркина в романе «Из тьмы веков» есть чарующие строки:

Столетия мы наследовали скалы,
на этих скалах — каменные башни,
могильники безмолвных мертвецов...
Где отпечаток кисти человека,
где солнца знак — движенья мира символ,
где турий рог на выцветших стенах
о предках нам рассказывали скупом.
Но был ещё один хранитель тайн — язык!
Всегда живой и сильный,
ни тленью, ни сраженьям не подвластный
язык — мудрец народа моего.
В нём память прошлых дней
и песни соловья.
В нём сохранился миф про Тейшабайне,
сказ про Батыя — внука Чингис-хана —
и про сражения с Тимуром Хромым,
мир покорившим, но не эти горы!
Язык поведал мне, как трудно было дедам,
как мужество их и любовь к свободе
нам жизнь продолжили до этих дней...
И всё ж бесписьменный народ — почти немой.

Досадную нелепость исправили лишь сто лет назад и «наьна мотт» — «матрица языков мира», ингушский язык, — сам наконец-то обрёл алфавит и письменность.

Теперь — всё по-взрослому.

Теперь главное — язык сохранить!

— Давным-давно раздаются голоса коллег, с каждым годом всё чаще и чаще, особенно из городов: «Зачем вообще нужен этот ингушский? За пределы республики выехал — уже не востребован!» — сокрушается Айшат Картоева, учитель русского языка из села Инарки. — «Осёл забыл свой язык, пытаясь выучить язык лошади». А мне по сердцу другая формула: «Владеющий родным языком, владеет всеми языками мира». Если мы своим детям не привьём любовь к родному языку, если мы бросим его... С языком постепенно исчезнут и обычаи, и традиции, и сам дух народа. Стоит только его отдать на заклятие... Это последний национальный оплот, который сдавать нельзя.

Махмуд, когда речь зашла о родном языке, наострил уши и подключился к беседе.

— Тут как-то сын забегает домой: «Папа, там тебя какой-то американец спрашивает».

Выхожу во двор: заметил хвост знакомой машины — приятель.

— Что он сказал?

— «Хеллоу».

— Сам ты «хеллоу»... Я смотрю, вы с мамой так никогда родной язык и не выучите. Он сказал тебе: «Хъавол!» — «иди сюда».

Сын по всем предметам свободно идёт на «пять», а по ингушскому пришлось репетитора нанимать. Дожили! А ведь у нашего языка возможности безграничны, на нём можно шутить до бесконечности, причём каждое слово можно вывернуть, интерпретировать по-разному, в нескольких вариациях, значениях, во множестве смысловых граней.



Я с первых дней стал постигать незнакомый говор. Как там в пословице: «Сел на чужую арбу, пой чужую песню». Признаться, успехи скромны... Недавно в письме от ингушских товарищей наткнулся на фразу: «Передаём Вам салам маршал!» В ответ я длинно, занудно расписывал, что пока не маршал — всего-навсего лейтенант запаса... А позже узнал, что «салам маршал» — пожелание здоровья и долго из-за этого хворал.

Непростой язык!

Много встречается двусмысленностей в переводе. Например, ингушская фраза «приезжал брат, хорошо посидели!» вовсе не означает «упились в грязь, соседи дважды вызывали милицию, жена неделю не разговаривала». «Хорошо посидели», в понятии ингушей: «принимали пищу сидя, барашек был молодой, нежный, чай — горячий, ароматный; пока мужчины кушали, а женщины сидели в соседней комнате, состоялась интересная содержательная беседа, затем все вместе молились». Пойду дальше учить...

Слово авторитетным ингушским учёным

Из рубрики «Азбука языкознания». «Хули» — название высокогорного села в Джейрахском районе было заимствовано русскими лингвистами, широко растиражировано и на сегодня является ключевым в разговорной речи русского народа, выступая в качестве синонима вопроса «почему», придавая речи академический характер, образность и глубину. Всесторонний научный анализ выявил, что в некоторых словарных комбинациях, ингушское слово «хули» способно придавать русской фразе сакральную силу, заимствованную у языка-матрицы. Например, языковая конструкция «а хули потому что» может выступать, как самостоятельный весомый аргумент — решающий довод при любом диспуте. Эта фраза-оберег парализует волю собеседника, фактически обрекая оппонента на поражение.

Примечания:

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник).

*



Я верю в человека!

Ахи

*Не всегда танцуют там, где раздаются хлопки.
Ши тлоара в лашагла мел техача вувлац халха.*

Ингушская пословица

Фото Амира Хакиева



Не зря говорят: «Хочешь понять Кавказ — понаблюдай, как танцуют лезгинку!»
Понять хочу.

И вот я на репетиции ансамбля «Таргим», в городе Карабулаке.

Муса Шанхоев, балетмейстер ансамбля, учитель музыкального самовыражения, отработав смену с ребятами, согласился позаниматься теорией и со мной: рассказать, показать, объяснить.

— Мне понравился мальчишка, ну который первым стоял, — максимально напустив на себя учёность, заметил я.

— Магомед Мержоев.

— Выделялся из всей группы... Такое ощущение: у него на теле нет мяса — всё музыка. Как струна!

— Есть ещё такие, как Мага. Они приходят к нам с улицы, интересуются танцами, энергии много, хочется танцевать... — этот мальчик раскрылся в течение полугода — живой талант. Моя задача талант заметить и развивать... Развивать не будешь — ничего не получится. К каждому ребёнку нужен свой подход. Одного нужно время от времени подхваливать: «Молодец! Молодец...» А есть дети к похвале равнодушные, но чувствительные к критике: «Зачем ты так делаешь?» Дети, чувствительные к «кнуту», «палке», испытывают потребность в витамине «С» — так для себя называю. Кому — «пряник», кому — «кнут», кого берёшь «на слабо», и они на голых амбициях влетают на пьедестал... К каждому ребёнку — подход индивидуальный. Есть дети, которые ходят, ходят, ходят... полгода-год... лишь потом раскрываются. Есть — с третьей репетиции — готовый артист. Есть, ну всё умеют — включаешь музыку, — теряются.



— Раскройте свои педагогические тайны. Юному джигиту вы на репетиции сделали замечание: «Не ищи причин не работать!» И отправили его на скамейку «запасных».

— ...Есть, которых папа отправил приобщаться к искусству, а им не нравится. Я с детьми работаю девять лет, научился разбираться не только в танцах — в мыслях. Смотрю: «Пришёл с утра, не выспался, не будет работы — будет причину искать!» Ему нужно дать паузу: посидеть, проснуться. Через десять минут встанет обратно и выдаст результат. Нельзя всех грести под одну гребёнку. Дети разные...

— Витамин «С» — интересный термин. Есть ли у ингушских балетмейстеров ещё какие-то профессиональные секреты, сленг.

— На репетиции я постоянно рассказываю ребятам ингушскую историю, подчёркиваю: горянки танцевали всегда скромно, мелодично, гордо; джигиты должны соблюдать честь, не ломаться если вышел. Горец никогда не озвучивал свои желания — покорял избранницу поведением, демонстрируя красоту тела, движений. С древних времён в Ингушетии существуют красивые традиции, нужно соблюдать их. Эздел всё предусмотрел, всё сформулировал, всё расписал: девушка росла в чистоте и не могла себе позволить ничего лишнего — посмотреть, улыбнуться.

У нас есть движение «по кругу марш», при этом проверяем ритмику: начинаем движение с правой ноги, раз-два-три-четыре. Детей, у которых есть склонность к танцам, легко определить во время этого упражнения уже на первой репетиции. С детьми, у которых нет слуха, занимаюсь дополнительно, прихожу раньше, и под музыку, шаг за шагом вместе учимся ходить, двигаться. Детям с первого раза нельзя давать трудное задание — начинать нужно с самого лёгкого: то, что обязательно получится, тогда ему понравится, тогда поверит в себя. Лёгкость, лёгкость, лёгкость и постепенно сложнее. Подниматься нужно по ступенькам... Таким способом человека, даже который не имеет музыкального слуха, можно подтянуть почти до профессионального уровня. Никто не обречён, просто нужно больше работать. Слух в процессе интенсивных занятий, развивается... Другое дело, когда у ребёнка нет желания, когда приходит, лишь бы отчитаться перед родителями. Нужно смотреть индивидуально... Единственное, чего не делаю никогда: не выношу смертного приговора, не даю негативных оценок. Маленькому человеку один раз сказал плохое — он запомнит, психическая боль, незаживающая травма — на всю жизнь. Если ребёнок слабый, я приглашаю на следующую репетицию родителей. Пусть понаблюдают за своим любимцем одно занятие, два, три... Пусть сами оценят, сравнят. Интересуюсь их мнением: «Вы видели ЭТО ВСЁ?» Никого переубеждать, агитировать не приходится... Сами признаются: «Да, Муса, это не наше...» Не тренер должен делать этот неприятный вывод — родители, сам ребёнок. Тогда нет стрельбы, нет кровной мести... У нас Кавказ. И не разрешаю детям хулить друг друга: «Ты не танцор! Я — лучше тебя!» Сразу останавливаю: «Говоришь “лучший”... покажи нам, что ты умеешь! На что способен! Прямо сейчас! При всех!» Я никого не возвышаю, держу их на одном уровне... Я верю в человека. Да, вопрос веры — пожалуй, главная причина, почему не выношу обвинительный приговор. Сегодня я выбью у малыша из-под ног уверенность, поставлю на нём жирный крест, вычеркну из списков... фактически из жизни, а вдруг у него есть шанс вырasti и показать результат лучше, чем у остальных.

— ?! Разве такое возможно? — усомнился я.

— Это — вопрос веры. Я верю, что такое возможно. Моя судьба — подтверждение тому.

— Даже так?

— Да. Помню, уходил из ансамбля «Магас» — чувствую, не моё это! Не получается. Хотя за спиной высшее профильное образование: колледж искусств плюс институт в Нальчике, факультет хореографии... Но возраст — двадцать лет! Всё. Старик! Поздно расти. Я делал акцент на классику, на тренаж, на разминку... Выходит, ошибался. Время упущено, выходит, с детства нужно было танцами заниматься, а я... боксом. Просто отец видел несколько раз, как я танцую на свадьбах:

— Смотрю, тебе нравится, — поступай, учись.

Поступил, было тяжело, даже хотел бросить... пересилил себя, потом стало выходить. Понравилось. Только мой тренер по боксу удивлялся: «У тебя какой-то переход... не плавный». Прав он, переход от бокса к танцам плавным не назовёшь, хотя спортивный дух, воля к победегодились... Из ансамбля как уходил: никто не верил, что у меня получится. Коллеги, музыканты единодушно пришли к выводу: «Ноль!»

И прямо в лицо:



— Из тебя не выйдет танцор! Из тебя не выйдет балетмейстер! Из тебя не выйдет ничего!

Спорить не стал, а про себя решил: «Докажу обратное!»

С таким настроением покинул ансамбль. Дома, один стал спокойно заниматься. Близкие верили в меня, поддерживали, подбадривали: «Муса, давай!» Оказалось, танцы — тот же бой. Только на ринге против тебя стоит... твоя слабость, лень, неверие в себя. Поединок был тяжёлый, но я не сдавался. Весь день — одна сплошная репетиция... Короткое время на сон, еду и — всё по-новой. В одиночку изо дня в день занимался под музыку, разучивал движения, придумывал в такт мелодии спортивные трюки, отрабатывал на воздухе «пальцовку», «щучку» по три-четыре раза подряд. Так ровно год. Год — работа над собой. Чувствую, стало получаться. Тело уже словно не моё... слушается не меня — музыку. Вернулся в ансамбль: просмотр, прогон... приняли в основной состав. Теперь самые сложные трюки соло — мои.

Я и сейчас после репетиции не спешу домой. Остаюсь с теми, кто хочет расти, кто танец любит, с ними занимаюсь уже для души. Приятно видеть, как молодёжь растёт над собой. Никому никогда не скажу: «Иди домой, из тебя не выйдет ничего!»

Никогда и никому, потому что сам стал верующим...

Я поверил в человека.

*



Государство Эздел

Хабар

*Любовь к Родине — это не хранение
тепла, а поддержание огня.*

Ингушская пословица

Фото Зейнеп Дзараховой



Одной беседой с Бесланом Кокархоевым дело не ограничилось...

— Помните восторг Иммануила Канта: «Две вещи удивляют меня: звёздное небо над головой и моральный закон внутри нас». Так вот этот нравственный закон не является продуктом земного опыта. Нравственная сущность человека привнесена в материальный космос из нематериального. У природы нет нравственных ограничений. Ни у звёздного неба, ни у земли, ни у дикой природы. Нет стыда, нет бесстыдства, нет благородства. Природа пожирает сама себя. И люди, когда не следуют своей нравственной сущности, а идут на поводу природных инстинктов,



тоже начинают истреблять друг друга. Хотя по статусу божественного рождения им дана возможность этого не делать. В день Суда душа напрасно будет выгораживать себя, оправдываться, что у неё не хватило знаний, опыта, мол, ошибки-злодеяния совершила по неведению. Её развернут, будто свиток, и покажут наличие знаков мудрости на протяжении всей эволюции, начиная со звёздных планов.

А что нужно, дабы не истребить друг друга?

Нужно аккумулировать опыт науки, практики, всех мировых религий и выработать новое мировоззрение, обеспечить цивилизацию уточнённой формулой бытия. В противном случае мы погибнем все. До нас прекратили своё существование такие великие цивилизации, как древнеегипетская, вавилонская, шумерская, минойская, хеттская, индская культура и культура Шан в Старом Свете, майянская, юкатанская, мексиканская, андская цивилизации в Новом Свете. Числа нет цивилизациям, канувшим в Лету!.. Почему они погибли? Почему исчезли с лица земли? Причина?! Не хватало фуража коням, одолели болезни, войны? Что?!

Истощение мировоззрения, идеологическое банкротство — вот что их погубило.

Когда наступает банкротство идеи, никто за данную культуру, за существующую форму общественной жизни бороться не желает. Палец о палец не стукнет! Соппротивление ослабевает, стремится к нулю. Мировоззрение укрепляет дух, питает, даёт народу силу.

История иудаизма перекрыла все известные сроки, побила все рекорды долголетия. За счёт чего? Благодаря самому иудаизму, благодаря учению. У них была идея, которая питала веру, души людей. Китайская цивилизация — одна из самых старейших — выжила, выстояла в мире благодаря конфуцианству. Если возьмём Индию — она ровесница шумеров, древних египтян. Пережила их всех! Она обеспечила себе такой длительный цикл существования благодаря своей философии. Индийское мировоззрение живо и сегодня кормит полтора миллиарда человек.

Когда будет сформулирована высокая, достойная идея, сразу под её воплощение появится энергия, будут мобилизованы достаточные силы, ресурсы. Идея как начальный импульс провоцирует появление энергии.

Почему тогда нельзя довольствоваться современным положением дел? Почему наличие существующих религий, учений не спасает?

Да потому что Тора, Евангелие, Коран — священные религиозные откровения — имеют свой возраст. Научное мышление не может их взять как старт — они слишком молоды для человека. Нужна ещё большая глубина, чтоб достать до самых корней. А где взять?..

Ингушский сакральный язык прошёл весь цикл, от первопричины. Он перекрывает по возрасту всю длительность истории человеческой цивилизации. Он проделал путь от самого начала, от первой искорки. А раз так, то его можно использовать как незыблемую, базовую основу и конструировать модель мировоззрения для всего человечества. Гигантский дуб вырастает из крошечного семени жёлудя. Огромный кит формируется из клетки. Всё большое вырастает из малого. Мекка считалась когда-то неизвестным захолустьем на Востоке, а зародившийся там ислам покрыл половину мира. Малое имеет свойство превращаться в большое. Главное, чтобы это малое, пусть даже микроскопического уровня, сформулировать грамотно, привлекательно, чтоб оно давало ответы на насущные вопросы современности, привносило в мир новый смысл, новую идею.

У ингушей не было революции классовых формаций, не было ни рабовладельческого, ни феодального, ни капиталистического строя в период развития. У наших предков был родообщинный уклад жизни. Но это не мешало ингушам тысячу лет назад возводить уникальные башенные комплексы. Тысячу лет назад!.. Мыслимо ли? Тысячу лет назад они поставили яркие танцы, создали уникальную культуру, этику, эстетику. Тысячу лет назад. А свобода духа, которая царила в ингушском обществе? Ингуш был абсолютно свободен. Свободен абсолютно! Род охранял неприкосновенность члена общины, но не ограничивал его свободу. Детей воспитывали в атмосфере нравственности, тотальной нравственности. Ингуш, чтобы быть ингушем, должен отвечать двум обязательным условиям: у него должен быть тейп — род, и он должен соблюдать



Эздел (кодекс нравственности). Только в случае, когда эти два условия соблюдаются, — ты ингуш. Больше ограничений нет...

У древних ингушей был обычай: отец, воспитав сына в благородстве, объявлял ему:

— Иди и делай, что хочешь!

Отец знал, переступить черту благородства, свершить нечто предосудительное сын не может — он самоограничен, самоподконтролен, он — сам себе Закон, предписание. Даже если ему разрешат совершить плохой поступок — он не в силах переступить через себя. Нравственный голос внутри него — стоит на страже. Вечно. И на необитаемом острове, и среди людей, и в Назрани, и в Москве. Человека нужно привести к свободе... А чем она достигается? Нравственным совершенством. Тогда человек почувствует: Я — Государство! Я — Закон! Тогда сам Дух предоставит свободу человеку и провозгласит:

— Делай, человек, что хочешь! Твоя судьба перестаёт быть предопределённой. Отныне Ты сам Творец. Творец своего счастья!

Да, приведя человека к нравственному совершенству, род предоставлял ему полную свободу. Древние ингуши не знали иерархии: над ними не было никого и под ними никого. Они не признавали ни подчинения, ни власти. В Ингушетии никогда не было князей, царей, рабов, батраков, крепостных, холопов, как на Руси, не было шамхалов, ханов, беков, как в Дагестане. И что получалось: богатый человек не мог обидеть ингуша ни укором, ни пренебрежительным поведением, ни видом чванливым... превосходство своё показать. На пьедестале вместо верховного правителя возвышался Труд. Ингуши не приветствовали праздные шатания, лень, попрошайничество. Труд стоял так же высоко, как и понятие божества.

В том далёком обществе не происходило смены экономических формаций!..

Когда пришли коммунисты, стали изучать, их охватил страх: «Ингушский опыт подрывает великую теорию Маркса-Ленина, противоречит, не согласуется с ней. Значит, этого нет и быть не может». Империя стала извращать историю Ингушетии, чтобы оправдать свою политику, направленную на покорение Кавказа. Стояла задача: ни в коем случае не допустить попадание русских под обаяние кавказской культуры. А русские офицеры, всё одно, — предпочитали носить кавказские черкески, папахи, бурки. Толстой, Пушкин, Лермонтов — все писатели, кто побывал здесь, полюбили Кавказ. Они создали на основе кавказской тематики шедевры. Царское правительство, потом правительство Советской империи боялось духа свободолюбия, который шёл из Кавказа. Книжки о Кавказе запрещали [1]. Греки тысячу лет назад называли Кавказ землёй Богов, а царское правительство пренебрежительно считало: «дикари». В чём их дикость? В том, что не хотят быть рабами, в том, что защищают свою свободу? [2] Сатрапы вцепились в крепостное право, пытались сохранить рудимент навечно... Никак не желали от него отказываться, пока не подпёрла история. Но история подпёрла.

Кавказ и сегодня рассматривают через кривое зеркало.

Взгляд на Кавказ извращён тотально, взгляд на наши обычаи, культуру, ментальность, историю. «На Кавказе кровная месть!» А что такое «кровная месть»? Кровная месть — институт справедливости.

Брат не забудет брата (совершит кровную месть).
Вешийна ший воша вицлургвац.

Обиженный человек сам имел право решать: наказывать или миловать. Человек имел право на мщение. Ни подкуп судьи, ни статус обидчика не препятствовали возмездию.

Дело, переданное в суд, — шут, пляшущий на канате.
Кхелага даьнна дош — ловзадаьнна пилхьа.

У древних ингушей был Совет Судей (Мехк Кхел). Судьи эти не получали материальную плату — награда предполагалась несоизмеримо большая — «сий» — честь — для себя и тейпа. Мало кому из народов удалось достигнуть этой высшей формы демократии — коллегиальной и независимой судебной системы. Ингуши этот институт имели. (На Руси при крепостном праве



мужика судили по капризу барина, и где дикость большая?) Ни одно преступление у ингушей не оставалось не раскрытым. Присяга всё раскрывала. Смерть в обществе ингушей считали предпочтительней, чем «къяр дун» — ложная клятва. Ингуши смерть всегда называли «цIа вагIав» — вернулся домой. Планета всегда в космосе вместе с человеком.

Если скажут, что родовая организация находится на низшей стадии, то как тогда быть с Америкой? В США — клановая система: клан Кеннеди, клан Бушей, клан Ротшильдов, клан Рокфеллеров. А что такое клан? Та же родовая система. Что такое династии королей? Родовая система. Обратитесь с призывом к Европе, США: «Распустите кланы!» Вас на смех поднимут! Никто не распустит, даже слушать не станут.

В древности, если убивали представителя рода, крали невесту, — начиналась война со всем тейпом. Но тебе никто не запрещал родниться с ним, иметь дружеские отношения... Весь позитив открыт. Для негатива — хода нет. Всё. Точка. Община занималась охраной личности. Русские говорят: «Один в поле — не воин!» Если человек один — он не защищён. Государство гарантировать справедливую защиту не может, потому как решать вопрос всегда будет чиновник, которому можно «сунуть в лапу». А род стоит на страже справедливого суда. Государство берёт на себя все функции, а дальше... как выйдет. Несерьёзно.

Коммунисты деформировали кавказские устои...

Они заявили: благородный человек должен быть уничтожен. Должны быть обезличенные массы, над ними — партийные функционеры. Любопытно русское слово «зависеть»: оно образовано от слова «висеть» — марионеткой управляет рука кукловода дёргая за ниточки. «Благородных слоёв, благородного человека, благородных народов быть не должно!» «Их благородий» безжалостно уничтожили. Природа благородства, видишь ли, противна коммунистическому учению. Исключительно рабоче-крестьянская косточка, диктатура пролетариата и люмпенов.

А ведь по ингушскому учению, вдумайся!..

По ингушскому учению «благородство» не является сословием или политическим классом. Человеческая сущность сама по себе благородна. Благородство ей предписано самим фактом божественного происхождения. Каждый человек, независимо от ремесла, профессии, образования, религии, цвета кожи, пола обязан быть благородным. Каждый человек — не только аристократы. Благородство — является сущностью человеческой природы, никак не природная дикость материального мира. Благородство — сущность духа. Ингушский Эздел обязателен к исполнению всеми и каждым без исключения. Строишь ли ты башни, возделываешь землю, пасёшь ли скот — благородным быть обязан, если ты ингуш. Род требовал благородства тотально: от всех и каждого. Если ты поступаешь не по Эздел — значит, не по-ингушки. По-твоему, но не по-ингушки.

Во всём мире было иначе. Существовали тонкие привилегированные прослойки, которым благородство позволялось: дворяне, самураи, рыцари — одно; холопы, рабы, крепостные, простолюдины — другое. Древние ингуши жили по принципам: «Свободу человеку, достигшему нравственного совершенства! Свободу обществу, организованному по законам нравственности!» Этика благородства тотально предписана всем и каждому. Это совсем другая концепция, совсем другой подход. Поэтому ингушская история, ингушский менталитет, ингушский образ мыслей, ингушский дух противоречили сперва царской, потом коммунистической империи. Ингушей расстреливали, сажали, ссылали, морили голодом, холодом, притесняли, гнобили, добиваясь верховенства своего понимания миропорядка. Сталинизм, как форма сатанизма, извращал всё ради идеологии и личной власти.

Что в итоге? Царизм пал, коммунизм пал. Ингушетия выжила.

Любая цивилизация, которая не проникнется целью, поставленной древними ингушами, — обречена на вымирание. Мир должен понять, что ингуши когда-то создали высочайшую цивилизацию духа на земле, положив в её основание нерушимые принципы. И если народы мира не начнут свою формацию обогащать за счёт неё, долго не протянут. Царская Россия рухнула, Советская Россия развалилась, и современная Россия неизбежно исчезнет с карты мира, если не воспользуется мудростью ингушей. И то, что придёт ей на смену, рухнет. Это неизбежно! Такой итог... печальный итог ждёт любую форму правления, пока в основание не будет положена нравственность, и нравственность не станет главной целью общества. Неизбежный процесс! Никто не властен над ним. Примат закона Убеждения — не законов Принуждения. Общество должно управляться нравственным вердиктом. Принуждение лишь в случае, когда человек не понимает слова. Человек не должен испытывать страх, ему предписано испытывать стыд.

Рисунок Оздоева Д.О. «Священная груша»



Это очень близко соседствует с глубинными истоками русских.

Именно русский народ определил: быть русским значит быть человеком совести, правды. Всё остальное — не по-русски. Но коммунисты по русскому народу прошли катком ещё сильнее, чем по другим. Геноцид практически уничтожил русскую интеллигенцию. Крепкого, зажиточного, мудрого крестьянина, который на хлеб намазывал масло, вырвали под корень.

Что означает фраза «народ перестал быть нравственным»?

Это значит, он перешёл в состояние стада. Его ценность ниже, чем у стада коров. Такой народ не имеет ценности для космоса. Древние считали: едой и питьём для духа является философия нравственности. Дух ест и пьёт философию нравственности в душе. Он приходит в душу, словно на водопой, как к кормушке за философией нравственности. Если источник высох, кормушка пуста, дух оставляет душу. Дух не покровительствует душе, пока она не выкажет уважения, почитания и не очистит свои помыслы и дела от примесей эгоизма, страстей, корысти.



Первые лучи восходящего солнца в первую очередь касаются вершин гор, лишь после достигают предгорий и долин. И там темно, пока Мир игнорирует потенциал ингушской культуры.

А самое неприятное заключается в том, что сказанное в полной мере касается нас.
Парадокс!

Мы отрекаемся от веры своих праотцов... уже отrekliсь.

Вместо Мехк Кхел — у нас шариат, вместо адатов — статьи Кодекса.

Это трагедия! С утратой своей религии, собственной философии, ингуши перестали творить культуру — стали потребителями. Все религии призывают к одному — покорности. Сколько учёных таким образом пострадало, вспомните из истории: Джордано Бруно и Коперника сожгли на костре, Галилея заставили отречься от своих открытий.

Где сила воли торжествует
Там свет теснит инертный мрак.
Меж ними нет боёв и драк,
Мрак отступает и пасует.
Но часто воля, побеждая,
В мрак превращается сама,
От горделивости ума
Свой свет блистающий теряя.
Так дымом собственным порой
Огонь охвачен, вдруг теряет,
И блеск, и яркость, и мерцает
Едва за той кромешной тьмой [3].

Я внимательно слушал Беслана и понимал: всё непросто.

Действительно его патриотичные, глубокие мысли зачастую парадоксальны, противоречивы: ингушский народ отказался от язычества и добровольно (это крайне важно!) принял другую веру — ислам; принял осознанно последним из всех народов планеты Земля; однако многие тезисы поэта никак не вписываются в жёсткую систему сур и аятов; возможно ли их примирить?.. Древние ингуши де-факто создали своеобразное государство без царя, без классов и каст, господ и рабов. Государство, верховная власть в котором принадлежала законам нравственности. Государство не имело своего названия. Я назвал бы его Государство Эздел — Государство Чести.

А тем временем жизнь, обезбашенная, летит вперёд...

Летит, сметая на своём пути империи, Союзы, правых, неправых. Сокращается — во всём мире! — количество языков, народностей. Происходит укрупнение капитала и религий. Процессы глобализации, урбанизации бесследно стирают грани между государствами... Есть ли на планете Земля место — Государству Эздел? Государству, сами граждане которого отказались от индивидуальной застройки и давно живут в типовой многоэтажке? Как там у Малкина: «Дела пошли в гору, когда люди уже спускались».

Вопросы... вопросы... вопросы и загадки.

Но сколько бы загадок ни подкидывала нам жизнь, сколько бы вводных в течение дня ни поступало, ничто не мешает стремиться к соблюдению норм нравственности в жизни личной и общественной. Призыв Александра Солженицына «Жить не по лжи!» — актуален и сегодня. Сохранить свою индивидуальность — во власти человека. И никто не в силах помешать человеку обращаться к Богу напрямую. Поддерживать с Богом в душе неразрывную связь.

А строки эти — просто первые капли будущего дождя.

Примечания:



[1] Действительно, есть немало вопросов. Кто не знает романиста Александра Дюма? Все мы выросли на его восхитительных романах «Три мушкетёра», «Граф Монте-Кристо»!.. Чудо! Восторг! Приключение... Для современной молодёжи проведу аналогию: как многие подростки готовы расстаться с одной из двух почек, лишь бы приобрести «огрызок» — айфон, такой же ажиотаж, такая же страсть влекла нас, чтобы хоть глазком увидеть, хотя бы поддержать роман... за ночь проглотить. Так вот Дюма... Гениальный романист написал ещё книгу «Кавказ». А чтобы написать её, в 1858 году проехал по всему Дагестану, из края в край, по Грузии, по Абхазии, которая тогда называлась Грузией... Собрал уникальный материал и откровенно поведал на страницах об увиденном в Российской империи. Три тома его впечатлений от поездки были изданы во Франции, естественно, на французском языке. С лёгкой руки царских цензоров публикацию книги в полном объёме в России запретили, издали на русском лишь окромсанный, кастрированный вариант авторского текста, пересыпанного жёлчными комментариями-упрёками редактора. Издали в Тифлисе... Сменилась в Российской империи власть, свергли душителей свободы, кровопийц-капиталистов, но и власть советскую книга буржуа Дюма «Кавказ» не заинтересовала. Потом и Советская власть приказала долго жить... Лишь спустя 125 лет (!) в 1988 году «Кавказ» издали на русском языке полным вариантом, но опять не в России — вновь в Грузии... Только осенью 2014 года я смог добыть запретную книгу и ознакомиться с ней. А я ещё что-то говорю про себя...

[2] «Народы учитесь у горцев, на что способны люди, желающие остаться свободными». Карл Маркс.

[3] Беслан Кокархоев;

*



Мама

Хабарик

*Мамы разные нужны.
Мамы всякие важны.*

Сергей Михалков

Фото Беслана Холухоева



Мама...

При одном этом слове волна лучезарной нежности, доброты ласково окутывает меня.

Лишь теперь, когда ничего не исправить, не вернуть, я понимаю, что солнечные лучи, которыми она согревала меня, шли из сердца её...



Я свяжу тебе жизнь
Из пушистых мохеровых ниток.
Я свяжу тебе жизнь,
Не солгу ни единой петли.
Я свяжу тебе жизнь,
Где узором по полю молитвы —
Пожелания счастья
В лучах настоящей любви.
Я свяжу тебе жизнь
Из весёлой меланжевой пряжи.
Я свяжу тебе жизнь
И потом от души подарю.
Где я нитки беру?
Никому никогда не признаюсь:
Чтоб связать тебе жизнь,
Я тайком распускаю свою [1].

К жене Махмуда по-свойски заглянула соседка: похвастать новыми фото внучат... Они расположились в тенистом дворике на диване.

— Можно и я посмотрю?

— Канэшно. Я вам и детей своих покажу.

Она нежно перелистывала страницы айфона, временами останавливаясь:

— Это моя сноха. Красивая, правда?

— Да, — миролюбиво соглашался я.

— Это младший сын: в охране работал, сделал напарнику замечание: «Не ходи в обуви по молитвенному коврику, нельзя» — «Это мне нельзя?» — «Никому». Поехали за селение, дрались. На другой день опять. Тот большой, мой невысокий, но сдаваться не хочет, достал пистолет и — в него.

— Насмерть? — учтиво поинтересовался я.

— Да не... Ногу прострелил, — она перелистнула страницу. — Эта девушка — дальняя родственница. Красивая? — она пытливо заглядывала мне в глаза.

— Да.

— Мы красивых любим... Это старший сын, сейчас отбывает наказание. В Москве учился, на экономическом. В комнате общежития ему не дали спокойно в тишине сделать намаз, завязалась драка... Их несколько, но он наказал всех! и вдобавок... — она деланно рассмеялась — отрезал ухо одному. Пять лет дали. Режим строгий. Четыре уже отсидел, — с нескрываемой гордостью, будто о полёте человека на Марс, сообщила соседка. Лицо её светилось несказанной любовью и безграничным материнским счастьем.

Примечания:

[1] Беляева Валентина, поэтесса.

*



Мат в несколько ходов

Малумат

*Горячность продай, рассудительность купи.
Сихал йохка, сабар эца.*

Ингушская пословица

Фото автора



Кровная месть — один из брендов, один из ярких символов Ингушетии.

Институт наказания обидчика в частном порядке...

Обычай вендетты — кровной мести — не изобретение кавказцев. (Возможно, ингуши обидятся, но пальма первенства и в этом вопросе не принадлежит им.) Обычай кары существовал на Руси, в США, Европе... Много у него и сейчас сторонников и противников. Кавказ на сегодня едва ли не единственный заповедник, где принцип «зуб за зуб» — распространяется на всех, кроме стоматолога. В этом отношении Кавказ впереди планеты всей!

Хусен Гелисханов, корреспондент газет «Ингушетия», «Вести Малгобека», задумался:

— Ненависть отравляет жизнь и самому человеку, и народу, источающему, вырабатывающему это ядовитое чувство. Пока не поймём, что все мы произошли от Адама и у нас общая мать — Ева, до тех пор люди будут уничтожать, истреблять друг друга. Ненависть ингуши погасить в себе не могут. Простить не могут. Желание отомстить выше всех других чувств — выше прощения, выше сострадания, выше любви. Это самое слабое место.

Но ведь нельзя жить ради мести.



Даже не желающему вражды её не избежать.
Довнах кхийрар ведача а ваьннавац.

Нашего тейпа беда эта тоже коснулась: мой двоюродный брат убил одного из Яндиевых. Пойдешь, бывало, на похороны или свадьбу и перед тем, как переступить порог дома, вызываешь хозяина, узнаешь:

— Есть ли тут кто из Яндиевых? Могу ли войти?

Если там есть хоть один из его родственников — не имеешь права. Ждём, когда Яндиевы отгуляют, отведутся на свадьбе, совершат все необходимые ритуалы на похоронах и разойдутся по домам... Тогда только прошмыгнешь тенью... Боишься столкнуться с ними на базаре, на улице... Не то, что они тебя убьют. Некрасиво. Неуважение проявляешь к человеку, к его горю: ты убил его брата и как ни в чём ни бывало спокойно здороваешься.

— Но ведь не ты убил!

— Какая разница? Большим оскорблением считается.

С приходом к власти Юнус-Бека Евкурова практически положен конец этому старинному дедовскому обычаю и бабушкину обряду. Председатель примирительной комиссии Малгобетского района Алихан Муцольгов официально подтвердил этот факт. Алихана мне представили как человека, который «лично спас как минимум пятьдесят жизней»:

— По городу Малгобеку и Малгобекскому району состоит на учёте 30 кровников, а в целом по Ингушетии более 120 случаев непогашенной, тлеющей кровной мести.

Потихоньку, не спеша,
Ингуш давит ингуша [1].

Бывает, вражда длится по сорок лет и более. Бывает, вроде не прощают кровника, примиряться не хотят и не мстят — назло кондуктору — чтобы над виновником всё время висел, как дамоклов меч — страх. Тогда посредники из числа уважаемых старейшин, имамы уговаривают самого уважаемого из тейпа пострадавшей, обиженной стороны. Просят ради Всевышнего простить канлы [2].

Оказывается, раньше, отвечая на кровную месть, старались завалить не обидчика, — тот зачастую пускался в бег, — а наиболее уважаемого представителя рода, чтоб досадить побольней. Брат матери — «наьна воша» — родственник второй по весу, по влиянию после отца. Если отца нет — сразу идут к нему. И предъяву делают ему. Его гибель — компенсировала моральный ущерб полностью.

Как шахматные фигуры разнятся своим значением, так отличаются по иерархии родственники для ингуша: на первом месте дед отца, отец отца, сам отец — это неоспоримо. Это носители фамилии рода. Вторая по значению фигура после отца — брат матери. Если нет отца, именно он перед людьми за вас отвечает, решает все вопросы, утрясает конфликты, несёт всю ответственность: кто благодарит — к нему, кто с претензиями — к нему. Он становится под удар. С хорошей, с плохой стороны... Всякое в жизни бывает. В щепетильной теме брат матери даже важнее, чем брат отца. Потом идут родные братья. В России если кого-нибудь убьют, никто из родственников мстить не пойдёт. Дела нет... В Ингушетии не так... Стоит один камень спихнуть сразу — обвал... лавина пошла.

Я на секундочку представил: ежели б все ингуши неукоснительно соблюдали священный адат кровной мести, что тогда? Легко построил математическую модель развития сюжета по этому сценарию: один джигит убивает другого: е2 — е4; затем родственник из тейпа погибшего заставляет обидчика заплатить за содеянное собственной кровью. (В наличии два трупа, по одному с каждой стороны). А дальше с каждым новым ходом число погибших удваивается. В математике это называется геометрической прогрессией.



Геометрическая прогрессия — последовательность чисел, членов прогрессии, в которой каждое последующее число, начиная со второго, получается из предыдущего умножением его на определённое число — знаменатель прогрессии.

2,4,8,16,32,64,128,256,512,1024,2048,4096,8192,16384,32768,65536,131072,262144,524288...

Ингушей в республике проживает намного меньше.

К тому же не требуется вести отсчёт с нуля, задел уже сделан: 120 случаев кровной мести затаились и ждут своего часа... Получается мат на двенадцатом ходу.

Чистая победа достанется последнему оставшемуся в живых ингушу. Но доставит ли она ему радость, принесёт ли счастье? Впрочем, «радость», «счастье» — слюнявые сантименты, которым нет места в ингушских скрижалях...

Эти слова-сорняки не из местного лексикона.

Примечания:

[1] Ингушский народный фольклор.

[1] Канлы — кровник — у кавказских народов человек, находящийся в отношениях кровной мести с другим родом, семьей;

*

Антихиджаб №1

Хабарик

*Легче загасить искру, чем потушить пожар.
Сийг боабе аттагла да яьнна цли йоачул.*

Ингушская пословица

Фото автора



Директору школы СОШ №3 г. Карабулака Лиди Гомкоркиевой я задал один вопрос:

— Чем школа в Ингушетии отличается от «среднестатистической» школы страны?

— Тем, что на территории школы адаты тоже действуют: «уважение к старшим» — один из ключевых. У меня сестра — педагог, переехала в Новосибирскую область. По инерции устроилась в школу, но не смогла... Насмотрелась на разнузданность, своеволие детей, отношение их к педагогам... и не выдержала: отсутствие единой школьной формы, пьют в школе энергетические напитки, матерщина, прямо на уроке могут вести себя как угодно. Выдержала три дня! У нас дети себе такого поведения позволить не могут, у нас они все «под колпаком»! У нас ученики в массе в своей — ингуши и чеченцы. Кругом городки беженцев: мы принимали детей в школу, сколько могли! У наших ребят отношение к старшим, конечно, совсем другое.

А ещё школа в Ингушетии отличается национальным колоритом...

В десятом году произошёл щекотливый случай... Ещё по России не утвердили единую форму, а я завела порядок: школьная форма с первого дня. В обязательном порядке! И вдруг на 1 сентября приходит родительница, завёрнутая, и приводит в пятый класс дочку — вся-вся-вся, будто куколка завёрнутая. И объявляет мне:

— Сама привела дочь, чтоб вы не придирались... Она так и будет ходить.



— У нас не медресе — светское учебное заведение. Зачем вы девочку закутали?.. И так слабый ребёнок, а теперь вообще ничего на уроке слышать не будет.

— Меня муж прислал, просил передать: не потерпит другого отношения.

— У нас ко всем детям нормальное отношение.

— Вы нарушаете Конституцию страны.

— В Конституции не прописаны шпильки, платки, тапочки, юбки, бантики... Есть ведомственный законодательный акт, отраслевой закон, где предписана единая школьная форма. У нас в республике такой закон разработали ещё при первом президенте Ингушетии.

— Пойду в прокуратуру.

— Ваше право.

Разговора душевного не получилось, и поехало...

Наутро школу наводнили правозащитники, начались разборки, скандалы... А вечером пятого сентября во двор моего дома кинули гранату... Гром-грохот!.. осколки, гарь, дым, окна вдребезги... Я телевизор смотрела, сразу даже не поняла, что случилось. Выхожу во двор — воронка! ворота набок... Муж выбегает:

— Это твои!..

Боже, какой страх!.. У меня четверо детей... Кто бы знал, что тогда пережила.

Я прослыла в стране, как «Антихиджаб №1». Сразу муфтият, звонки с исламских каналов Al Jazeera (Аль Джазира)... Из Москвы, заграницы понаехали эмиссары.

Но я настояла на своём: «В школе должен быть порядок». Точка.

У ревностных защитников паранджи и нудистов-фанатиков, у пуритан и стилиг, у абреков и воспитанников балетной школы разные представления о «правильности» формы одежды, её «хорошести»... разнятся суждения о том, можно заезжать в школу верхом на лошади или нет. И каждый из посетителей храма науки, включая лошадь, будет настаивать на своём понимании. Эти и много других вопросов ежедневно приходится решать каждому директору государственной общеобразовательной школы. Давайте пожелаем им мудрости.

Сейчас подумал: а вдруг прав Махмуд, предположив, что «паранджа» — акт девичьей безысходности, когда уже и макияж бессилён...

— Я бы учителям ставил памятники прижизненно.

— Согласен! — кивнул Махмуд, — даже на собственных детей порой не хватает нервов...

Вчера брат спрашивает моего сына, третьеклассника:

— Как учишься? Покажи дневник!

Тот достаёт.

Дядя листает, листает, а там сплошь пятёрки, редко четвёрка проскочит.

— Да ты пай-мальчик, не кѳунах — не мужчина! Нет ни одной двойки.

Сын вспыхнул:

— Какой я кѳунах, ты узнаешь, кода увидишь второй дневник! — и достаёт из этого же ранца подлинник. Там тройки-двойки... Оказывается, он мне и маме, чтоб не расстраивать, подпихивал для ознакомления «представительский» вариант.

*



Мудрость, возведённая в ранг

Хабар

*Лучше иметь доброго пса, чем плохое потомство.
Дикача коа дика ж1али хилар теннад, во т1ехъе хучул.*

Ингушская пословица

Фото автора



Председатель Совета старейшин Ингушетии.

На такие посты не назначают за лояльность к власти, такую должность не купишь за отару овец, не получишь в наследство от отца. Председателя Совета старейшин Ингушетии избирают коллегиально равные из равных, самые мудрые, авторитетные аксакалы. Председатель Совета старейшин в Ингушетии — Салман Опиев.

— Ему 94 года, — пояснил Махмуд.

— То есть древний старик?

— Старик... Не вздумай состязаться с ним: пока ты будешь пыхтеть у подножия, он уже покорит вершину, дихон.

Я притих.

— Однажды Салман спас Первого Президента Ингушетии Руслана Аушева. Тот был после ранения, река Асса течением сбила с ног и понесла. В советские годы Салман всю жизнь носил на поясе именной кинжал, а в кармане галифе — наган. За ношение оружия грозил тюремный срок. Так он что делал: каждое утро писал новое заявление, о том, что нашёл пистолет на улице и в данный момент несёт сдавать его в милицию. Каждое утро, старое заявление рвал — новое писал! Всю жизнь!.. Настоящий джигит!

Кому как, мне такой рекомендации для встречи хватило:



— Махмуд, зажигай!

Салман ждал нас и вышел встречать во двор. В бешмете, подпоясанном узким кавказским ремнём с серебряными бляшками, в высокой каракулевой папахе, в галифе, заправленными в хромовые, до блеска начищенные сапоги. Судя по стальному рукопожатию — крепкий джигит.

Я попросил его начать свой рассказ с происшествия на реке Асса.

— Да, было такое... Довелось в 1989 году спасти Героя России.

Асса у нас река горная, своенравная, оплошностей не прощает. Её переходить нужно знать как. Руслан только по колено зашёл, водопад сбил его с ног, и течением понесло. Думаю, Аллах!.. Рванул по берегу, обогнал и, заскочив в воду, схватил за руку, подтащил... не успел он наглотаться воды. Я молодой тогда был — семидесяти не исполнилось. Потом долго смеялись, шутили...

Сосредоточенно уплетая блины с творогом я помалкивал: в свои неполные пятьдесят два я чувствовал себя старбенем.

— Блины называются «чапенгишь» — наша излюбленная национальная еда, — тарелку с высокой стопкой выпечки Салман пододвинул ближе ко мне. — Вы кушайте спокойно, я вас ненадолго оставляю — намаз сделаю. Время пришло.

Он вернулся минут через десять, уже в домашней одежде.

— Соблюдаю все исламские традиции. Теперь можно. Теперь никто не запрещает. При коммунистах иначе... Я с детства решил: в коммунисты не пойду. Помню, в конце двадцатых наши горцы обступили сельского муллу, интересуются: «Можно ли вступать в партию?» Щекотливый вопрос... Прямо агитировать не будешь: мол, не вступайте! (Свои же красные ингуши шлёпнут!) Я хорошо запомнил ответ:

— Вступайте, раз иначе нельзя, но, если ваше сердце, ваша душа пойдёт в партию — беда будет. Такой человек, считай, пропавший.

Все радостно загомонили:

— Ну раз так, вступим, главное — души-то у нас останутся чистыми.

Горцы потянулись к выходу из мечети, а мулла окликнул моего отца:

— Ахмед, подожди! — когда мы остались одни, он взял в руки Коран: — Ахмед, они пусть вступают, а ты не ходи. Я тебя очень люблю.

Как я услышал, на всю жизнь зарубил себе эти слова на носу. И сколько бы мне потом ни предлагали, а должности занимал серьёзные, неизменно отвечал одно и то же:

— Чувствую, пока не готов. Формально вступать не хочется, нужно созреть политически, соответствовать этому высокому званию.

Секретарь райкома одно время настаивал: «Вступай!» На русском со мной говорил. На чеченском, ингушском тогда боялись — пришивали чуть ли не национализм, никакой не «салам алейкум» — здравствуй-здравствуй. Настаивал, но сделать ничего не мог. Ведь я отказывался мотивированно. Получалось, своим решением, серьёзным подходом партию даже возвышал. КПСС — это вам не проходной двор, не сборище карьеристов. По всему выходило, я прав. А потом, в восьмидесятые годы, чтобы вступить, уже нужно было немного сунуть «на лапу», ввели разнарядку: на одного интеллигента — двух рабочих. От меня и вовсе отстали. В итоге коллектив у меня в подчинении — более трёхсот человек, крупная партийная организация, а я — беспартийный. Удалось, считай чудом, не запятнать свою душу. Помог Аллах. Аллах никогда не оставит в беде. Сейчас у нас появилось новое гнилое течение «ваххабизм». Заграничные эмиссары предпринимают попытки перечеркнуть вековые ингушские адаты, сбить нашу молодёжь с пути, привить своё... А что у них своё? Ничего. Всё чужое, чуждое нам. Расшатывают устои, для них слово старших — не авторитет. А кто должен заниматься воспитанием сына, если не отец? Отец обязан успокоить свою бешеную собаку сам, пока она не покусала других людей.

И в качестве весомого аргумента Салман положил на стол боевой револьвер.

— Раньше так носил, сейчас на оружие у меня официальное разрешение. Всё по закону. Патроны есть, самые боевые. Каждое утро кладу наган в карман с молитвой: «Дай Аллах, чтобы в меня никто не выстрелил и я ни в кого не выстрелил!» На ночь — под подушку... Потому что, ты сам знаешь, здесь Кавказ, и мы должны быть готовы ко всему. Я не зря держу на видном, на самом почётном месте портрет Сулумбека Гаравожева. Это — наш национальный герой, абрек. Обязательно про него прочитай, а я расскажу из его жизни лишь один эпизод. В апреле 1910 года



он ограбил Кизлярский банк. Назрановский округ Терской области тогда возглавлял грузинский князь Андроников, он объявил, что если Сулумбек добровольно не сдастся, его родное село Сагопши будет уничтожено, жители сосланы. Помилования ему не обещали, но он дал согласие сдать, если при казни его не повесят — расстреляют. Ему обещали. Весь город вывалил встречать Сулумбека. Ценою своей жизни он сохранил родное село от уничтожения, а его жителей от сибирской каторги. Но царские власти не сдержали слово, обманули и Сулумбека повесили. Кровь предков, которая течёт в наших жилах — нам в помощь.

Да поможет нам Аллах!

Нам пора было и честь знать — убираться восвояси... Приближалось время очередного намаза. Мы тепло попрощались с гостеприимным хозяином, с семьёй. Когда сели в машину, Махмуд прикурил и жадно затянулся:

— Помнишь, он упомянул про «бешеную собаку», ответственность отца?

— Ну.

— Два года назад один из сыновей Салмана повадился ходить в мечеть к ваххабитам. Салман его строго-настрого предупредил: «Не ходи туда!» Слова не подействовали... Он вытащил револьвер и прострелил отпрыску ногу: «Ещё раз увижу, вторую пулю получишь в голову!»

Всё. Сын успокоился, занимается бизнесом, семьёй, ему уже не до джихада.

*



Абреки

Малумат

*Абреки села не основали.
Эбаргаши юрт йиллаяц.*

Ингушская пословица

Шире улица раздайся,
Банда жуликов идёт!
Банда жуликов-мазуриков
Нигде не пропадет! [1]

Отношение к разбойникам в России традиционно восторженное.

Их имена присваивают ледоколам и улицам, о них слагают оды, снимают фильмы, пишут романы... Советские дети в школах из последних сил надрывались, налегали на учёбу, лишь бы именно их классу присвоили имя грабителя повесомей: Стеньки Разина или Емельки Пугачёва. Ведь красиво! А?! Рецидивисту Сталину едва простили учёбу в семинарии... Сколько пришлось ограбить банков, подломить сейфов, перерезать глоток, пока досадное пятно в биографии стало затираться. Тюремь и каторга по уровню образования у большевиков ценились много выше всяких там МГУ с оксфордами... Дедушка Ленин первым делом у соискателя на высокий государственный пост интересовался:

— Какой институт закончили, батенька?

Посвящённым было понятно: вождь мирового пролетариата интересуется, сколько лет человек на зоне «чалился», когда «откинулся». И сегодня биографию Мишки Япончика, Соньки-Золотой Ручки, Котовского, Анки с Молдаванки знают лучше, чем конструктора космических ракет Сергея Павловича Королёва. (Он, кстати, тоже сидел...) Так — в России. Что тогда говорить про Ингушетию... Её и приняли в дружную семью советских народов только за высокие показатели в разбоях, грабежах, за удаль и мастерство в набегах. Уже само соседство казаков с ингушами, по мнению Императора Российского, «благодарно влияло на военную выучку казачества». Абреки — те же воры в законе. И сегодня продвинутые родители вешают у изголовья детской кровати портрет абрека Сулумбека Гаравожева. Вам каждый бесштаный, сопливый мальчуган объяснит:

— Насиональный гелой! Оглабил банк.

Это первые слова мальчишки в жизни. Он произносит их раньше, чем «папа», «мама»...

Харон Саутиев показал фотографию легендарного предка:

— Мой дед Израил был очень мужественным. Он вырастил жеребца, которого все шугались. Когда дед только заезжал на нём в село, уже из двора во двор в страхе передавали: «Люди, спасайтесь! Конь Израила здесь». Людей брыкал, кусал, топтал... А замечал деда — как тряпка стоял, до того боялся. Оседлать коня не удавалось никому. Дед, ещё до депортации, работал председателем колхоза «Красный Кескем». Однажды утром он ехал на своём жеребце в правление и встретил по дороге первого секретаря райкома с начальником милиции. Начальник милиции натянул повод, спрашивает у деда:

— Израил, почему твой конь хромает?

— Если правду говорить, вчера был за рекой, угнал оттуда скот.

— Об этом мне уже ночью сказали... Слушай, Израил, ты ведь председатель колхоза, у тебя и так всё есть. Зачем ещё ворует?

— Председатель я — во вторую очередь, в первую — кьунах!

Как в Греции юных спартанцев учили сперва воровать, потом уж говорить, читать, писать... Вайнах, если настоящий, должен уметь украсть жеребца, умыкнуть невесту.



А ещё был у нас такой односельчанин Мавлий. Освободился он из тюрьмы: отсидел за хулиганство, пришёл на родину, вот токо-токо... Заглянул в рюмочную выпить с радости. Заказал стакан водки, закуску... И вдруг от соседнего столика отделяется незнакомец, бесцеремонно забирает его стакан с водкой... залпом выпивает. Мавлий обалдел, но виду не подал: решил обиду стерпеть: ему драка ни к чему, опять легавые, опять тюрьма — так никогда до дома не доберёшься. Заказывает второй стакан... А неутомимый незнакомец и его выпивает залпом.

!..

Мавлий стиснул в кулак пальцы незнакомца с пустым стаканом и — в нос. Кровища потекла... он подставил под кровавую струйку стакан, нацедил — выпил, закусил и домой.

— Махмуд!

— Чего?

— Один ты не рассказываешь про разбой, грабежи. Непатриотично!

— А что рассказывать... Это как любовь. Настоящие мужчины об этом не рассказывают — этим занимаются. В славные девяностые рэкет расцвёл пышным цветом. За помощь в решении вопросов, за «крышевание» брали серьёзные проценты с тех, кому помогали, и с тех, у кого выбивали. У моего соседа взяли в долг и кинули: не отдают: месяц, другой, третий... Он — к крутому, авторитетному «челу», у того кликуха «Отвечаю».

— Помоги вернуть миллион! Собака не отдаёт.

— Сто тысяч вперёд.

Деваться некуда, отстёгивает бабки. Проходит неделя, разыскивает он «вышибалу»:

— Что-то не видать тебя... Как дела? Деньги вытряс?!

— Слушай, ты меня сильно подвёл...

— Что такое?

— Такой плохой человек, такой грубый оказался. Я еле забрал у него свои сто. Остальные ты сам забирай!

— «Ну, уж если почтенья нету / и к преступному Авторитету!...» Беспред! [2]

— Так и есть, Александр... Я тогда частенько в Москве ошивался. Подруливает ко мне в гостиницу «Россия» знакомый чеченец Идрис на красной «четвёрке» — старой-престарой, не знаю, где взяли:

— Выручи деньгами.

— Сколько?

— Пятнадцать тысяч. Через два дня в Грозном верну миллион.

Пятнадцать тысяч — немалые деньги в конце восьмидесятых. Я помялся, прикинул... достаю. С ним ещё подельник. Они на мои деньги снимают офис в центре Москвы на один день, дают объявление во все газеты: «Фирма реализует со склада оптом видеоаппаратуру — камеры, видеодвойки, телевизоры...» — всё по-взрослому. Сидят, ждут. Я с ними, на подстраховке...

Приходят два русских парня:

— Техникой торгуете вы?

— Мы.

— Можно документы посмотреть?

— Да без проблем! — кипу им на стол. — Из Японии, прямая поставка, ещё не растаможено.

— А глянуть на неё можно?

— Канэшно.

— Как только убедимся, что техника на месте, отдаём вам авизо на всю сумму.

Идрис рыжий, ростом маленький, ещё глубже натянул бейсболку. На него посмотришь — классе в седьмом, не старше.

— Поехали.

Сторожу заранее забашляли:

— Если кто приедет, скажешь, аппаратура фирмы «Восток».

Один покупатель остался в офисе, на связи, другой с Идрисом на склад. Открывают ворота: склад под крышу забит техникой. Он связывается с напарником, тогда ведь телефоны с батон размером:

— Всё в норме. Техника на месте.



— Лады.

Делают дозвон в банк, дают поручение:

— На счёт... перегоните сумму. И сюда факсом пришлите копию платёжки.

— Ок!

На вечер у Идриса уже заказаны билеты на самолёт в Грозный — сваливают из Москвы. План у них расписан по минутам. И тут покупатель интересуется:

— Ребята, вы чеченцы?

У меня вмиг дрёма слетела, я с гордостью добавляю:

— И ещё ингуши...

— Вы нам не поможете за дополнительные бабки отогнать технику в Грозный?

Смотрю, у подельника Идриса челюсть отвисает, отвисает...

— А на хрена вам в Грозный?

— Хозяин, от кого мы работаем, тоже чеченец.

— Как фамилия?

— Сейчас познакомлю, через минуту он будет здесь.

Подъезжает шестисотый мерин, хозяин в дорогом прикиде...

— Эти ребята, оказывается, ваши земляки.

Босс в офисе повёл жалом по сторонам, понюхал:

— Салам алейкум!

— Алейкум салам!

И на своём Идрису:

— Ты чеченец?

— Да.

— Техника «левая?»

— Само собой...

И тут «джи-жи»: вылезает из факса копия платёжки с отметкой об оплате на сто с лишним миллионов. Он улыбнулся:

— Ну тогда заберите эти деньги себе, они тоже левые.

Судя по всему, у чеченца-покупателя тоже был план и тоже расписанный по минутам. Я пошлёпал в гостиницу, а вечером Идрис заваливает ко мне в номер, в дымину пьяный.

— Я понял, что в Грозный за деньгами мне спешить не нужно.

— Ты правильно поня-яял... Ик!

Спал он у меня в номере на полу, денег не было ни на гостиницу, ни на билеты до аэропорта. Ни копейки...

Прохожих ищем с ночи до утра.
Ну от чего не любят недотроги
Работников ножа и топора —
Романтиков с большой дороги [3].

Однако не всё так однозначно... Есть в истории абреков эпизод, за который респект им от всей творческой интеллигенции России: когда академик Дмитрий Лихачёв сидел в лагерях, именно благодаря двум ингушам он остался жив — заключенные проиграли его в карты, а спасли от издевательств и мучительной смерти гIалгIай.

Примечания:

[1] Народные частушки;

[2] «Беспред» Вишневский Владимир Петрович;

[3] Юрий Энтин.



Вор

Хабарик

*Николай I — сыну, будущему императору Александру II:
«Во всей России только ты да я не ворую».*

Фото автора



Однажды Махмуд поинтересовался:

— Александр, какой у тебя самый любимый советский лозунг?

— ?.. Ну, не знаю... люблю сытно поесть, побаловаться пивком и на кухне повесил плакат:
«Сегодня — рекорд! Завтра — норма!»

— Ты считаешь, этот призыв имеет отношение к потреблению пива?

— Прямое. А тебя какой слоган вдохновляет?

— «Твори, выдумывай, пробуй! Воруй, но не попадайся!» Если б ингуши не воровали, пожалуй, в ссылке не выжили. В Казахстане все выкручивались, как могли. У казахов глаза — узкие щёлочки — раскрылись благодаря нам... Бабушка рассказывала: сосед увёл корову, а чтоб не опознали — кипятком распарил рога и выгнул в обратную сторону. Комендант с хозяйкой пошли по дворам искать пропажу, казашка напротив своей коровёнки остановилась, ходит вокруг, нюхает. Комендант допытывается: «Эта?» — «Корова, вроде, моя, но рога не её». Александр, надеюсь, ты не собираешься писать только о примерных ингушах? Получится слащаво, гладко, неправдоподобно, дихон. Есть один интересный, колоритный человек. По роду своих занятий, по призванию — вор.

— Махмуд, зажигай быстрее!

— Спешка горцу необходима в трёх случаях: гостя накормить, умершего похоронить, сына женить. В остальных случаях нужно быть степенным, достойным, хладнокровным.

— А у русских спешка — при ловле блох и при поносе...



Вор...

Интересный персонаж.

Мой «сусанин» прав, как всегда! Негоже, если повествование выйдет приторно-сладким.

Так, следуя рекомендациям проводника, я познакомился с Ибрагимом Саутиевым.

И, доложу вам, не зря...

— В Ингушетии нет воров в законе, — любезно объяснял Ибрагим, — поскольку нет зон. Если вор показал себя, проявил дух — его принимают в семью. В воровском мире нет религии, нет национальности, гражданства. В крытом режиме любые разногласия пресекаются на корню. Выше вора — только другой вор и Бог. Нельзя брать в руки оружие и вставать на чью-либо сторону... Даже если на твою Родину напал враг... В душе можешь переживать, но в руки автомат брать нельзя... ну, никак. В руки оружие взял — уже «сука» получаешься. Вор должен воровать — у продажных людей, у чиновников, цеховиков, банкиров и помогать бедным. Вором если станешь, нужно забыть про всё. С воров спрос особый... В «красной зоне» в Сегеже на семёрке мне ногу сломали, чтобы сотрудничал с администрацией: вступал в актив, вставал на должность, защемлял какого-нибудь бедолагу по их указке... Я был смотрящим на зоне и помогал энкам, чем мог. Меня уже собирались принять «в семью», всё шло к тому... я бы стал вором в законе, но... мать серьёзно приболела... Впала в кому, представь! Ей восемьдесят семь лет. И я решил: «Вернусь домой! Со всеми ребятами попрощался, извинился: «Мать бросить не могу!» Недавно она упала, вот уже пять месяцев лежит в постели. Я женился даже — матери ведь невестка нужна, ухаживать. И всё, теперь я осел в Ингушетии. Для меня мать — святое.

Признаться, раньше я ничего подобного не слышал...

Даже вор ингушский и то оказался не таким, как все. Благородным! Ведь для человека, избравшего воровскую судьбу, нет желания слаще, сокровеннее, чем быть коронованным авторитетами, получив вожделенный статус «вор в законе». Как бы объяснить попроще... Ну это примерно, как для нас с вами в советские времена отказаться от мандата депутата Верховного Совета и присвоения звания «Герой социалистического труда». Для Ибрагима мать оказалась важнее, чем возможность достичь самого верха в воровском мире... Для вора ингушского «мать» — понятие святое.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет [1].

Примечания:

[1] Сергей Есенин.

*



Ингушетия — фотовзгляд

Фото Али Оздоева



Фото Али Оздоева





Фото Али Оздоева



Фото Али Оздоева





Махмуд зажигает

*О чём писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты...*

Михаил Лермонтов

Махмуд пошире открыл окно:

— Ты извини, у меня в машине накурено... Сам-то не куришь?

— Нет.

— А я вот курю. Пагубная привычка. По исламу строго запрещено, но никак не могу отвыкнуть... На людях не балуюсь, только в машине. Иногда знакомый встретится на дороге, всё потом выведывает: «Ты разве куришь, Махмуд?» — «Нет. Зубы болели, горячий дым во рту держал». Пока так выкручиваюсь... Надо бросать. Да если б не братья... придурки! Обстоятельства так сложились, Александр, из-за братьев и закурил.

— Как это из-за братьев?..

— Да там история такая, дихон... Когда СССР рушился, появилась возможность заниматься бизнесом. Я купил в Нальчике десять тонн подсолнечного масла и повёз на КАМАЗе в Казахстан продавать. Денег тогда живых в обороте практически не ходило — всё шло по бартеру: ты мне — я тебе. Даже анекдот был такой: «Дважды два сколько?» — «Зависит от формы оплаты: наличкой — «три», «по безналу» — шесть, бартером — восемь». Такие тогда времена...

На птицефабрике директор предложил мне в обмен гречку. Беру гречку, везу в Нижний Новгород, там продаю за наличку. Куш получился хороший... С этими деньгами — назад в Казахстан, а директор, кореец, Цой Николай Иванович, за наличку продукцию отпускать запретил. Цой этот заказал себе в Санкт-Петербурге служебную «Вольво». В Москве в салоне она стоила двадцать две тысячи долларов, ему за гречку и мясо на сумму в сорок четыре тысячи подписались отдать по бартеру. И поставщик ООО «Глория» кинул. Продукты забрали — машину не отдают. Я сидел в приёмной, дверь в кабинет приоткрыта, и всё слышал... Захожу в кабинет, он как увидел меня, в психе смахнул бумаги со стола:

— Ты опять? Я же сказал: гречку не продам.

— Николай Иванович, дихон, я не за тем... Могу услугу вам оказать.

— Какую ещё услугу?..

— Случайно слышал разговор... Могу поехать в Питер и забрать машину.

Задумался, глазки забегали: до этого посылал туда водителя с юристом, питерские бандюганы их отметили. — С одним условием, хоть тонн десять крупы продайте, чтобы не кататься порожняком.

— Лады.

Загружаю гречку, рассчитываюсь, гоню на Питер через Нижний, там гречку продаю — опять куш. Приезжаю в Питер, нахожу контору этой ООО «Глории», представляюсь:

— Из Казахстана, нам бы машину забрать...

Директор, не проронив ни слова, нажимает кнопку вызова: заходят две «торпеды», молча под руки меня подняли, вынесли в коридор и предупредили:

— В двадцать четыре часа не смоешься из города, ноги вырвем.

Думаю, на кой хрен мне чужие проблемы? Рассчитался я с водителем КАМАЗа, купил билет на поезд, взял пивка и — в гостиницу до вечера. Сiju, фисташки грызу, пиво потягиваю, на душе волнение постепенно улеглось, тревога исчезла, благодать... Я ещё пивка... Раздухарился, осмелел... Душа стала пятачком. Думаю, Махмуд-Махмуд, как тебе не стыдно!.. джигит ты или не джигит, ингуш или не ингуш. Подумаешь, какие-то громилы пригрозили, и сразу — в кусты?! Завожу себя, завожу... Всё: чувствую — опять орёл. Еду на дом к этому директору «Глории», он сам открывает, я его за грудки, с ним в прихожую, перерезаю ножом телефонный провод и нежно так, доверительно сообщаю:

— Если завтра машину не отдашь, с тобой будут разговаривать другие ребята.



Сам на вокзал, сдал билет и — в гостиницу на телефон. Звоню брату в Назрань, продиктовал ему номер:

— ...Только не по коду звони — через межгород, чтобы, козлина, знал, откуда звонок, спроси мягко: приезжал ли представитель из Казахстана? И дай срок решить вопрос до утра.

Второй звонок сделал в Грозный — младшему брату, поручил то же самое, только с интервалом в час. И сам опять — за пивко.

Ночью звонок из Казахстана, Николай Иванович в трубку смеётся:

— Звонил директор «Глории», обижался, зачем я натравил на него чеченскую мафию.

Что ты думаешь, Александр, к девяти утра машина — муха не сидела! — оформленная, со всеми бумагами стояла у окна. И всё культурно, без грубостей... Оказывается, даже в Питере умеют общаться культурно. (Хотя сразу не подумаешь...) Пригнал я в Казахстан эту нулёвую «Вольво» чёрного цвета, встречали меня всей конторой. Встречали, как героя! Николай Иванович при всех обнял, — а здание конторы стояло на взгорке, на краю посёлка, — он рукой так широко над домами провёл:

— Тебе, ингуш, разрешаю осеменять всех женщин этого посёлка!

Он устроил меня в санаторий «Майбалык» для женщин, страдающих бесплодием, дал денег, и я куролесил-гулял на полном его обеспечении месяц. Через неделю в гости ко мне приехал брат... Как уви-и-и-идел... что там творится, сразу за телефон и... — все голодные ингуши потянулись ко мне, будто в хадж. Чуть с ума с ними не сошёл... Идиоты. Вот тогда, дихон, я первый раз и закурил. Ночью из санатория отправился пешком за десять километров в посёлок, постучался в ближайший дом, п-ппоп-росил сигарет. Трясло всего, не мог успокоиться...

Даже сейчас, как вспомню...

Меня все уже знали, дали четыре «Астры»: две скурил прямо на месте, две по дороге назад. Нет, думаю, пора уезжать. Николай Иванович на прощанье загрузил бесплатно тридцать тонн гречи, я вытащил из КПЗ своих оболтусов, и мы вернулись на родину.

*



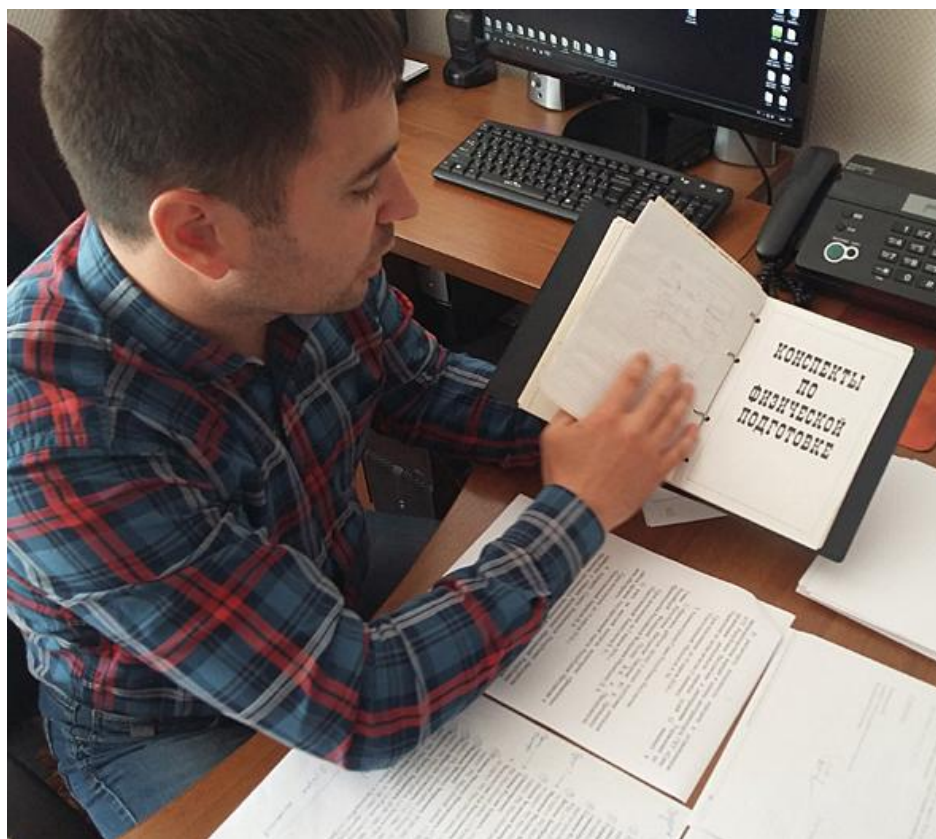
Поправка к «сухому закону»

Хабар

*Цена мужчины зависит от него самого.
Къонахчун мах цо ше хъабар ба.*

Ингушская пословица

Фото автора



Илез Даурбеков, секретарь антитеррористической комиссии Малгобекского района, показывал армейские фото, похвальные грамоты, выданные командованием:

— На срочную службу попал интересно...

С детства серьёзно занимался вольной борьбой, кандидат в мастера спорта. 2004-й год, май... Утром, как всегда, шёл на тренировку, ничего не подозревая (через пару дней должен был ехать в Черкесск на соревнования — мастерский турнир). Занимались по три раза в день: утром физзарядка 45 минут, потом с 11.00 до 13.00 и с 17.00 до 19.00 — тренировки. Смотрю, знакомые ребята с сумками, рюкзаками тусуются:

— Вы куда?

— В армию.

— Ну давай, пацаны! Желаю отслужить достойно.

— Илез, поехали с нами!

— Не могу, через два дня турнир.

— После армии успеешь на свой турнир.



Думаю, может, правда, с ними рвануть? Паспорт при себе... Я — к военкому.

— Илез, если тебя сейчас заберу, тренер убьёт. Ты знаешь, это не шутка. Он несколько раз приходил, ходатайствовал за троих... просил, умолял меня, чтоб призыв отложил и дал вам возможность сдать на мастера. Я обещал: до конца июня не трогать.

— Забирайте сегодня!

Военком немного поупрямился, потом устало махнул рукой, и я без вещей, с паспортом встал в строй. Дома никто ничего не знал... Я успел передать через двоюродного брата — тот провожал одноклассников:

— Пока не говори нашим, где я, сообщи ближе к ночи.

Сам думаю: быстрее бы вывезли за пределы республики. Если отец узнает!.. Перехватит, заберёт назад. Я единственный сын в семье, отец проклянёт, коли ослушаюсь. А тренер... боюсь Вам даже не понять... За шесть лет я ни одной тренировки не пропустил, один раз опоздал на десять минут — всё! светопреставление, ужас... Легче в Следственном комитете отбрехаться, чем перед ним. А тут — «мастерские»!..

Попадаю в Омск.

Замполит роты капитан Баранов, боевой офицер, стоящий мужик... С каждым знакомится, беседует по отдельности:

— Ну, Илез, как себя чувствуешь? Как там на Кавказе? Что дома?

— Дома не в курсе, товарищ капитан.

— ?! Как! Восемь дней прошло... — достаёт свой мобильник. — Звони сейчас же.

Набираю отца... Сам боюсь...

— Па, я войсковой части, в Омске... Внутренние войска.

— Ну!.. раз уж служишь — служи достойно. Не позорь род. В звании ниже старшины домой не возвращайся.

У меня на душе сразу отлегло... Такая поддержка! И замполиту:

— Спасибо Вам большое!

— Нужно будет позвонить домой — обращайся.

И началась моя служба...

Попал в роту БТР, единственный из призыва ингушей — у меня права «В», «С».

По окончании учебки — итоговая проверка. Прибыл командующий внутренними войсками округа... Такой жёсткий полковник — он и был председателем комиссии, всё проверял лично, досконально, чтоб в точности доложить обстановку министру обороны. Заранее объявили: «Кто пройдёт проверку на «отлично», для дальнейшего прохождения службы будет направлен в хорошие части...» Но посулы действовали слабо — сдают мастерство вождения на БТР: первый курсант — «неуд», второй, третий, пятый — двойка за двойкой. Командующий орёт матом на командира полка... Тот стоит, виновато переминается:

— Чем вы здесь три месяца занимались? Почему бойцов не учили?

А ведь люди бывают способные к технике, к вождению, а бывают, сколько ни учи — «ноль». Неправильная политика проводилась... Изначально нужно оценить склонность, а они распределяли механически — неэффективно! В итоге из ста двадцати призывников один получил «тройку», я — «пятерку», остальные — «неуд».

Полковник на инструктора-прапорщика рычит:

— Почему у тебя машина неисправна?

И правда: ручник не держит, на склоне машину не остановить — скатывается. А требование жёсткое: при трогании нельзя скатиться назад более чем на тридцать сантиметров.

И ещё зампотеху влетело из-за меня:

— Ты почему на место водителя контрактника посадил!?

— Это военнослужащий срочной службы.

— Как срочной?..

Председатель комиссии сам забрался в БТР, сел справа от водителя и одного за другим стал выгонять курсантов с двойкой. Доходит до меня.

— Вперёд!

Я прокатился.

— Ещё давай!



Я — газу.

— На склоне останови!

Торможу, ставлю на ручник, сам педалью деликатно придерживаю, чтоб он не видел. Трасса сложная, интересная: склон на склоне... затопления... Три раза меня прогнал по всему маршруту.

— Стоп!

Останавливаюсь, полковник вылезает из БТР и зампотеху — тот на броне сидел:

— Вы чё, ребята, кого хотите обмануть? Я воевал, когда вас ещё на свете не было...

Почему подсунули мне контрактника?

Я рядом стою навытяжку и ему:

— Товарищ полковник, разрешите обратиться!

— Обращайся, курсант!

— Я из Ингушетии, с детства за рулём.

— Ты что, на самом деле срочник?!

— Да.

В доказательство сдёргиваю сапог с ноги, показываю портянку: грязная-прегрязная, мы неделю перед его приездом не вылезали из-за рычагов. А у всех контрактников уже давно берцы и носки.

— Материальную часть знаешь?

— Так точно.

Вразброс задал мне три вопросика, подошёл и обнял:

— Молодец, ингуш! Откуда такая практика?

— У отца свои фуры, с детства самостоятельно водил.

Полковника не обманывал: действительно, тысячи километров намотано за рулём КАМАЗа. Водительские права по возрасту не полагались, — смеётся Илез, — мне оформляли справку-временку, что права изъяты за нарушение ПДД, и с пятнадцати лет я — в Нальчик, Черкесск, с прицепом. По итогам проверки мне присвоили звание сержанта и... никуда направлять не стали — оставили служить в учебном полку. Все офицеры удивлялись, неделю потом обсуждали это неординарное событие — выходящее из ряда вон!.. Дело в том, что в этой воинской части царил «сухой закон»: инструкторов, сержантский состав из кавказцев не набирали — учебка готовила спецподразделения для отправки в горячие точки. Внутренние войска, сами знаете... операции по зачистке, мало ли... Чтoб не возникло конфликта интересов...

Илез ухмыльнулся.

— Хотя какие могут быть «конфликты интересов»? Смешно даже... В нашей семье всегда придерживались традиционного ислама, и мой дедушка, и отец, и я — всегда были врагами ваххабитов. От рук этих шакалов погибло столько близких родственников. У меня личные счёты... Секретарём АТК никто не желал работать... Я пошёл добровольно, осознанно.

Я внешне никак не отреагировал на эти слова, но по Дагестану знаю прекрасно: люди на подобных должностях — под прицепом.

— На срочной службе как: до старшего сержанта звание присваивает командир полка, но мне-то отец наказал вернуться старшиной. А его может присвоить только командующий округом... Как заслужить звание «старшина», пока не представлял. Я лишь старался точно, в срок выполнять приказы командиров, стрелять точнее, проходить полосу препятствий быстрее, подтягиваться больше и управлять БТРом лучше других. А ещё теория... Были у нас такие занятия — «индивидуальные профилактические беседы с подчинёнными». Сейчас даже конспект покажу — сохранил на память.

Илез достал из книжного серванта аккуратную тетрадь.

Однажды командир полка собрал весь офицерский и сержантский состав:

— Хочу проверить ваши ИВРы и конспекты.

Офицеры стопкой сложили свои тетради, сержанты отдельно — свои.

Берёт в руки первую тетрадь, пролистнул, сморщился:

— Командир третьей роты!



— Я.

— Капитан, разве это работа с материалом, разве это конспекты? — разорвал тетрадь в клочья.

Вторую тетрадь, третью. Молча рвёт одну за другой... доходит до моей: «Тетрадь конспектов по боевой подготовке, огневой, спортивной... Заместителя командира взвода 4-й учебной роты старшего сержанта Даурбекова И.И.» В лице изменился, бережно открыл мою тетрадь, остальные, не глядя, отодвинул и как гаркнет:

— Дежурный! подойди сюда со своим дневальным. Вот это всё, — показывает на стопки офицерских конспектов, на клочки порванных страниц, — выбросить на свалку, быстро. Товарищи офицеры, мне стыдно за вас. Если вы к завтрашнему утру не приведёте конспекты в такой же вид, как у старшего сержанта Даурбекова, — не обижайтесь...

Все ко мне в очередь:

— Даурбеков, кто тебя просил так стараться?!

— Отец звонит ежедневно: «Ты ингуш, должен для всех быть примером».

Смеются, хлопают по плечу:

— Дай списать!

А спустя несколько дней меня находит дежурный по роте:

— Даурбеков, тебя замполит полка вызывает!

— !?

Полковник Тюменцев!..

Жёсткий до крайности... Вызывал курсантов только по одной причине: объявить строгое наказание, вплоть до дисбата. Его боялись все без исключения.

В штабе офицеры сочувственно:

— Что у тебя? Что стряслось?

— Сам не знаю. Тюменцев вызвал.

Захожу, строевым шагом отчеканиваю:

— Товарищ полковник, старший сержант Даурбеков по Вашему приказанию прибыл.

Смотрю, на столе «Уголовный кодекс» с красной закладкой, ведомости «Верховного суда»...

— Скажи по слогам, как правильно пишется твоя фамилия.

— Да-ур-бе-ков...

Сам размышляю в смятении: «Что натворил? Что я натворил?» Полтора года отслужил, вроде, достойно, без замечаний, осталось шесть месяцев, неужели решил наказать?

— Илез, мы с командиром полка, с офицерами приняли решение наградить тебя Нагрудным знаком «За отличие в службе».

Стою ни жив ни мёртв... Думаю: «Издевается надо мной полковник...» Все знают: эту награду вручают только кадровым офицерам и контрактникам... Для срочника это всё равно, как получить Героя России.

— Товарищ полковник, шутите?

Не поверил, клянусь.

— Даурбеков, я всегда говорю серьёзно. Эту награду ты заслужил.

А в казарме меня уже ждут командир роты, офицеры:

— Илез, зачем он тебя вызывал?

— Вручил «Орден мужества».

— Говори серьёзно, не томи...

Для меня это был — самый счастливый день службы.

Наградной знак вручали в Омске, в театре на торжественном концерте, посвящённом Дню защитника Отечества, через неделю присвоили звание «старшина». По всему выходило, я — исключение из строгого правила, поправка к «сухому закону»...

Илез продолжал машинально перелистывать конспекты, а мне на память пришли строки:



Старшиной —
как и поэтом —
надо родиться [1].

— С новыми погонами и забот прибавилось...

Поступило однажды пополнение из Дагестана, тридцать пять курсантов: мне девятнадцать лет, а там мужики — по двадцать три, двадцать четыре года, спортивные, быковатые. Не знаю, где таких набрали? Офицеры меж собой порешили: «Всех дагестанцев — в один взвод в подчинение Даурбекову. Он сам кавказец, вот пусть с земляками и разъя... разбирается».

А для меня национальность, вероисповедание значение не имеют. Для меня все одинаковые: и дагестанцы, и русские, и ингуши, и татары, и негры... Для меня главное — справедливость и порядок в роте. Когда ротный уходил домой, объявлял:

— Илез — ты старший!

— Есть, товарищ капитан!

Офицеры, его подчинённые, ревниво наблюдали, но помалкивали.

С кавказцами всё оказалось непросто: земляки — земляками, но дисциплину как-то нужно выстраивать. Пришлось немного отступить от Устава... нарушить его. Иначе бы ни за что не справился. Ещё Пётр I говорил: «Не держись Устава, аки стенки. В каждом случае надо и голову приложить». Построил их, объявляю:

— Существует график уборки, очерёдность нарядов. Я — старшина роты. Я тоже кавказец, ингуш. Согласно графику полы будут мыть все, все — заступать в наряды, на тумбочке стоять дневальным, картошку чистить.

— Да ты чё! Полы мыть не будем, это женская работа! — и началась буза.

Дал им выговориться и опять за своё:

— У меня дома этим тоже занимаются только женщины, но мы с вами в армии.

— Да пошёл ты...

— Не предлагаю вам убирать за другого, уберите — за собой.

Подхожу к качку, стоит лыбится, желваками поигрывает.

— Это твоя кровать?

— Да.

— Вот и убирай тут. Ты же не будешь, как свинья в грязи жить!

— Я мужчина, полы мыть не стану.

— А кто за тебя убирать будет? Я что ли?!

— Нет. Другой уберёт.

— Шалишь! Здесь старший — я. Пока не поймёте, будете учить Дисциплинарный Устав наизусть.

Строю роту, одному из дагестанцев вручаю эту маленькую невзрачную книжицу, приказываю читать вслух. Все стоят по стойке «смирно», слушают, я стою с ними... Читает-читает-читает... Один человек опускает голову:

— Отставить. Нарушили строй. Начинай с начала.

Есть мудрая русская поговорка: «Клин клином вышибают». Я им по-доброму объяснил:

— Ребята, давайте не будем церемониться. Если вы откажетесь исполнять приказы, на обед не пойдёте ни вы, ни я. Общий порядок — для всех, иначе будет несправедливо.

Остальным взводам дал приказ, сержанты построили, повели в столовую.

Даги рычат:

— Мы тебя зарежем...

— Будете соблюдать?

— Нет.

— Хорошо. Тогда и на ужин не пойдёте ни вы, ни я.

А солдату что самое главное: покушать-поспать, покушать-поспать. Это знает каждый, кто служил. Хоть в сушилке, хоть в строю, но поспать, кемарнуть сытому. Утром смотрю, единства в их рядах уже нет: кто-то готов на попятную — жрать-то хочется, — кто-то готов терпеть.

Опять объявляю построение, но уже только этого взвода:

— Ребята, мы с вами все российские курсанты. Вы хотите служить по Уставу или нормально?

— По Уставу.



— Это вам только так кажется... Если я начну обращаться по Уставу, у вас крыша съедет сразу. Устав для этого и придуман. Так что давайте служить нормально... Будете соблюдать?

— Нет.

Мы сэкономили армейские продукты и в этот день.

На третье утро смотрю — делегация:

— Илез, решили слушать тебя. Ты прав. Так положено.

На обед строем пошла уже вся рота в полном составе, и с тех пор график соблюдали безукоризненно. Конечно, нужно «дожать», добиться исполнения своих требований. Были среди кавказцев и те, что выполняли приказы, но зубами скрипели:

— Домой не поедem, пока не убьём тебя.

За справедливость я готов стоять насмерть: ещё до горцев было несколько конфликтов — сержанты отбирали у молодых пайку масла, деньги. Предупредил одного, самого борзого: «Пусть сяду, но ты ни масло, ни деньги ни у кого больше не заберёшь!»

Сейчас мне тридцать лет, за спиной диплом об окончании «Академии безопасности в Москве», финансовая академия... три высших образования, кандидатский разряд по вольной борьбе, но самый-самый полезный жизненный урок дала мне армия. Если у меня родится сын, хоть он будет единственным, хоть половинкой... отправлю на срочную службу. Причём измерю по карте: чтобы от дома ехать не меньше недели. Это обязательно!

А в Омске как считали: если от армии сумел откосить, значит, ты грамотный — не лузер, человек деловой; если в армию тебя замели, ты — лох. Они так считали. Я не соглашался, хотя мне было восемнадцать лет:

— Ребята, вы неправы! Раз мы граждане России, должны служить в армии, уметь защитить Родину, коли потребуется. Если занимаю в долг, обязан ведь долг возвращать, если мужчина. Служба в армии — возврат долга стране. А кто не отдал — права голоса не имеет.

Они — мне:

— Долг возвращают только трусы!

Я не случайно вспомнил эти споры.

Был у меня в роте такой Женя. Отец его в Омске — полковник МЧС. Сына устроил в шаговой доступности, чтобы подкармливать, холить, оберегать. У Жени этого физподготовка на «два»: подтянуться не мог, стометровку бегал за двадцать секунд! кросс... на руках по очереди несли. Высокий, студенистый... Глиста! Родители на него в детстве дыхнуть боялись, пылинки сдували, носились, как с золотым яйцом. И вот он попадает в армию... В мою роту. А я, как составляю список на увольнение, каждый раз его вычёркиваю. Вычёркиваю, вычёркиваю, вычёркиваю:

— Женя, посвяти свободное время физподготовке.

Он каким-то образом связался с отцом: «У нас тут в роте обезбашенный кавказец, придирается, не пускает в увольнение. Папа-мама, караул! помогите! спасите!»

Раз дежурный несётся вприпрыжку:

— Илез, к телефону.

В дежурке трубка — на столе, прикладываю к уху, в мембрану на том конце как рывкнут:

— Я полковник МЧС, отец Жени, прекратите измываться над ребёнком!.. Я дойду до командования... У меня связи с военной прокуратурой, в штабе округа... я вас посажу.

Минут пять орал, но глотка тоже, видно, не лужёная, чувствую, стал выдыхаться, выдыхаться... примолк.

— У вас всё, товарищ полковник?

— Да.

— Можно отвечать?

— Да.

— Старшина Даурбеков, служу в четвёртой учебной роте. Вашему сыну сколько лет?

— Двадцать три года.

— Мне девятнадцать. Вы знаете, сколько раз Ваш сын подтягивается на турнике?

Сопит в трубку.

— Ни разу. Стометровку преодолевает за двадцать секунд, хуже всех. Километр вообще не в состоянии пробежать. Товарищ полковник, я давал Родине присягу, взял на себя



ответственность, что из вашего сына сделаю достойного бойца, защитника. На это мне отведено всего четыре месяца. Поэтому я сам не хожу в увольнительную, занимаюсь с Вашим сыном и другими отстающими. И делаю это потому, что над страной нависла угроза. Угроза не в лице Кавказа — Америка и Европа. И я не хочу, чтобы ваш сын погиб в первом бою. Я в ответе за него.

— Давайте встретимся...

— Жду вас на КПП.

Приезжает, в форме... большие звёзды на погонах.

Увидел меня, презрительно хмыкнул:

— Так это ты, что ли... моего сына в увольнение... не отпускаете?

— Я.

У меня телосложение хрупкое, хотя в округе на армейских соревнованиях по рукопашному бою частенько брал первые места. На КПП народу полно, женщины подпирают стены в ожидании свиданки, услышали нас, разгуделись, набросились на меня.

— Кавказцы распоясались! Управы на них нет! Детей истязают!!!

И он, чувствуя народную поддержку, опять раскрыл рот. Я деликатно останавливаю:

— Вы вроде бы взрослый, серьёзный человек, дослужились до полковника, а подзуживаете женщин, баламутите народ. Скажите людям, что здесь армия — не базар.

Он покраснел, вспотел, голос понизил:

— Давайте где-нибудь поговорим отдельно.

— Пойдёмте.

Строю взвод. Женя увидел отца, обрадовался: «Наши пришли!»

Я назначаю старшего, отдаю приказ личному составу заниматься по распорядку, сам с полковником прохожу в Ленинскую комнату. Отец думал, с собой заберёт сына, а я завожу прежнюю пластинку:

— Товарищ полковник, пока Вы, используя свои связи, не снимете меня с должности или не переведёте сына в другую роту, я увольнительную не подпишу. Сначала он должен сдать нормативы. — Достаяю свою личную карточку, «дневник замполита», где подноготная каждого бойца: выговоры, поощрения, взыскания, награды. Показываю:

— Видите, у меня здесь одни поощрения, награды, даже личная благодарность от командующего округом: если я пойду на сделку с совестью, закрою глаза на низкие показатели Вашего сына — меня справедливо накажут. Портить свою биографию не хочу.

Он взмолился:

— Сколько нужно, дам денег!..

— Товарищ полковник, у меня душа болит за Вашего сына, но если у Вас возьму деньги и буду снисходителен, из него вырастет наркоман, слюнтяй. От Вас нужна помощь другого рода: мне нужно отцовское разрешение и я, за оставшиеся три месяца, сделаю из Вашего сына отличного солдата, достойного человека.

Он аж сгорбился...

— Обещаю.

— И большая просьба: сейчас на улице к сыну не подходите, чтобы почувствовал — мы с Вами заодно.

— Хорошо.

Он так и сделал, хотя, я думал, дрогнет...

Через два месяца звоню ему сам. По голосу сразу узнал:

— О, Илез Исаевич, как дела?

— Как и договаривались, прошло два месяца. Сегодня в 11.00 принимаю у бойцов нормативы, приглашаю Вас.

Отец наблюдал, как его сын крутился, летал на турнике, выделял чудеса и, клянусь, Александр, счастливее человека я в жизни не видел. Он лучился счастьем...

В конце восьмидесятых руководству Советского Союза стало очевидным: кавказцы в рядах Советской Армии — плюс неоспоримый. Непонятным оставалось только, кому «плюс»: нашей армии или врагам? Не замечать национальные, религиозные особенности южных братьев стало невозможно, невыносимо... Темпераментных, страстных ревнителей зикра, лезгинки,



гостеприимства и кровной мести по инерции в ряды срочников ещё призывали, однако после очередного ЧП Секретариат ЦК издал секретное Постановление: всех призывников из Кавказа отправлять только самолётом и только в сопровождении старшего, в ранге не ниже заместителя министра [2]. А потом и вовсе решили: «Спасибо, не надо!»

Как здорово, что «сухой закон» по призыву кавказцев не распространили стопроцентно, оставили какую-то квоту. Иначе таких воинов, как Илез, Башир, как генералы Осканов, Аушев, Евкуров... (список можно продолжать долго), страна бы так и не узнала.

Примечания:

[1] Белаш Юрий Семенович, поэт.

[2] Подробно об этом я писал в книге «Дагестан (Дневник поездки)», глава «Рекрутские адаты», а дополнительно, в ярких красках, мне поведал Мержоев Исса, который в бытность работы инструктором Грозненского обкома партии сопровождал подобную группу призывников на самолёте из города Грозного в Алма-Ату.

*



Проспект отца

Хабар

Мерило народа не то, каков он есть, а то, что считает прекрасным и истинным, по чѣм воздыхает.

Фѣдор Достоевский

Фото автора



19 апреля — день рождения моего отца...

Его давно нет в живых. И все эти годы без него... отца сильно не хватает. Мы были большими друзьями. Когда родители уходят, начинаешь понимать, что между тобой и Богом уже никого нет.

— Махмуд, а твой отец жив?

Он отрицательно махнул головой:

— Отец учил: «Всегда говори правду. Возможно, если сегодня ты сказал человеку правду, он даже обидится на тебя, развернётся, уйдёт, но совесть в жизни по-любому приведёт его к зеркалу, и он вспомнит твои слова. Может, на это понадобится полчаса, может, год, может, жизнь, но человек обязательно вернётся и скажет: “Ты прав! Извини”. Не ври даже в малом. Если солгал — ты кинул зёрна, семена зла в душу человека, из семени проклюнется росток, затем вырастет дерево, и дерево это со временем принесёт для тебя неприятные, горькие плоды. Деньги можно вернуть, власть, даже здоровье поправить... Честь — не вернёшь. Ложь — прямая дорожка к утрате чести».



Разговор об отце получил неожиданное продолжение в кабинете главного редактора газеты «Сердало» Якуба Патиева:

— У нас мода пошла — давать улицам, по настоянию тейпа, имена родственников, причём некоторые «герои» знамениты лишь тем, что родились и умерли в Ингушетии. Спрашиваю в селе у одного члена подобной инициативной группы:

— Вы ходатайствуете о переименовании, а чем имярек знаменит?

— Он всю жизнь простоял тут на углу.

Дословно!

Или приходят:

— Напишите про нашего Магомеда в газете, — протягивает листок, а там все эпитеты в превосходной степени «легендарный, великий, грандиозный, лучезарный, солнцеликий...»

— Что о нём написать?

— Напиши «великий».

— А его величие выражается в чём?

— Он мой отец.

— Ну допустим, а вы кто?

Нужен символ!

Вот если бы появился «Проспект отца» — дело другое, это близко, свято каждому.

Отец для каждого ингуша — второй человек после Аллаха.

Вы правильно заметили: у меня на столе, в рамочке, портрет отца. Свои поступки и сейчас мысленно сверяю с его наказами... Бывает, останавливаюсь в шаге от резкого слова, которое он бы не одобрил. Не буду лицемерить, что делаю это всякий раз, поминутно... но в вопросах судьбоносных — всенепременно. На должности редактора недопустимы резкие слова в чей-то конкретный адрес... да и вообще упреки лучше не персонифицировать. Надо помнить: здесь Кавказ. Ингушетия! Жену раньше всё выпытывали на работе: «Что пишет муж?» Выведывали через неё. Я ей, как профессор Преображенский, запретил читать газеты. Ко мне несколько раз на дом приходили бородатые старики: «Как посмел нашу фамилию выставить в неприглядном свете?» Ингушетия — не место для персональной критики! В этом специфика работы журналиста. Иначе обиды, кровная месть, упреки, всеобщее осуждение... Начинают давить на родственников, те бегут с мольбой: «Прекрати, Якуб! Нам проходу не дают!»

— Нужно, как в знаменитой советской песне:

Если кто-то кое-где у нас порой
честно жить не хочет...

— Да. Так.

И ещё: здесь нельзя идти вразрез с мнением большинства. Я почему не люблю социальные сети? Там будут критиковать не мою идею — меня. Вспомнят всю подноготную, всю родню до седьмого колена, вспомнят все мои проступки вплоть до мокрого детства... где, что на горшке сделал не так... «Ребята, я ж только высказал идею, критикуйте её...» Куда там!..

Для меня портрет отца и в те далёкие, советские времена перевешивал по значению портрет Генерального секретаря ЦК КПСС. Генеральный секретарь даже понятия не имел, существую ли я на свете, а отец за меня молился. В детстве он частенько наказывал меня по жалобе педагогов, хотя я был отличником.

— «Пререкается с учителями!» Как смел?!

Если бы учитель среди бела дня сказал моему отцу: «На дворе ночь» — он бы подтвердил: «Учитель прав! Солнце зашло». Жалоба учителя, в понимании отца, была столь тяжким грехом, что он выносил суровый приговор, который обжалованию не подлежал... А сегодня жёсткие правила учебного заведения, ведомственные инструкции требуют с детьми сугубо деликатного обхождения: не ругать, голос не повышать, из класса не выгонять, в угол не ставить, по заднице не



шлёпнуть — что ты?! Это, мол, травмирует ребёнка. Разрешается хвалить, заигрывать: «у-ти, у-ти!», излагать материал и — всё. «Главное — прокукарекал, а там хоть не рассветай!..»

— В ингушах проснулись финны.

— Люди моего поколения боялись, не дай Бог, об их неблагоприятном поступке узнают родственники, соседи, односельчане, передадут отцу. За этим следовало неизбежное наказание, без выяснения правоты: старший всегда прав! А сегодня не многие отважатся сделать замечание родному племяннику... Раньше даже в страшном сне не представить, чтоб родители боялись нас, в том числе физически! А сегодня страшатся расправы со стороны своих собственных детей. Появилось новое течение ислама: салафиты призывают не подчиняться родительской воле, решению отца, не исполнять адаты. Всё национальное подвергают переоценке, уценке, осмеянию: «Родители не правы, они живут не так, молятся не так, и не тому, руки держат неправильно, ноги криво, ходят, сидят, спят, принимают пищу, делают детей, дышат — всё не так!» И многие побаиваются своих сыновей, опасаются за здоровье, за жизнь...

— !

Мне горько, что «салам алейкум»
подчас звучит, как «hande hoch!» [1]

— Мне тоже горько...

Сейчас продвинутые ингушские невесты у предполагаемого жениха узнают заранее: «У вас дома мебель старая есть?» В переводе с молодёжного сленга сие означает: живут ли с тобой мать, отец? Не осталось ничего святого!

— В Дагестане был случай: пацан ушёл «в лес» и получил для проверки первое задание — отрезать голову отцу, бывшему сотруднику милиции. Сынишка добросовестно исполняет поручение, снимает казнь на мобильник, и довольный, счастливый выкладывает видео в социальные сети...

— Так можно зайти далеко. Нужно авторитет отца восстанавливать. И я бы горячо приветствовал появление в каждой республике, каждой столице — Проспекта отца.

Я тоже двумя руками «за!».

А вы?

Мы расстались с Якубом Патиевым, я не переставал думать об отце...

А ночью мне приснилась притча.

Дубок

Притча

Молодой Дубок вертел-красовался своими редкими листьями и поглядывал снизу вверх на старые морщинистые громады дубов-предков, растущих невдалеке.

С ехидцей он размышлял:

— Листья у меня тоже красивые, с волнистыми краями, почему тогда старики — на виду, а я всю жизнь прозябаю в их тени? Чем я хуже?..

Пичужка села ему на ветку:

— Ой! Ты не очень-то!.. Своими когтями!!! Больно ведь! — взвизгнул Дубок, оглаживая свою нежную кожу.

— Извините, пожалуйста!.. Я нечаянно, — обескуражилась птаха.



— За нечаянно — бьют отчаянно!

— Вы такой юный и уже дерзкий.

— Когда ещё быть дерзким, если не в юности?.. Мои прадеды и прабабки стоят, боятся шелохнуться, не то что дурной пример подать — развалятся сразу... Ах-хха-ха! — самодовольно расхохотался Дубок.

— Вы говорите о старших так непочтительно, что я вынуждена раскланяться с вами, — и птичка улетела.

— «Раскланяться»... Подумаешь, недотрога. Какая ей разница, где столоваться! Червяки везде одинаковые.

Дубок ещё долго запальчиво бросал колкие реплики в адрес улетевшей птички, но в душе понимал: что-то здесь не так. Даже если взять червячков-ползучков, всяких там гусениц, личинок, муравьёв и божьих коровок... На его нежных веточках их нет. Все они, как сговорились, селятся в толстом слое прелых листьев, которые годами, столетиями устилали землю, осыпаясь со старых дубов. А следом за личинками, паучками слетаются птицы, и выют на разлапистых крепких ветвях старых дубов гнёзда. В гнёздах выводятся птенцы, из них вновь вырастают птицы и всё по-новой... Из века в век.

— Несправедливо! — покачивал головой Дубок. — Им — всё! Мне — ничего! У них прямой доступ к солнцу, а я из-за них годами сижу без света. Хватит!!! Натерпелись.

Желание сбросить путы, стать вровень... нет! выше их!!! краше, заметнее предков настолько обуряло Дубок, что он, в какой-то момент чуть не засох от зависти.

— Я им ещё устрою! Они у меня поплачут!.. — злорадно вспыхнул он, угрожающе затрепетав всеми своими десятью листьями. Шума, гула не получилось, поскольку листья не касались друг дружки, но трепет был впечатляющий. — Нужно лишь найти союзника, — мучительно, днями и ночами, сутки напролёт мечтал Дубок. — Ветер! он мне поможет. Ему какая разница: он с ними заодно, и ко мне заглядывает.

И ветер, откликнулся на его просьбу.

Он поднялся сперва лёгкий, затем всё сильнее, сильнее...

Задул осенний ветер листождёр... да и не ветер уже — настоящий предзимний шквал откликнулся на призыв Дубка. С престарелых дубов полетели на землю огромные обломанные сучья, золотые листья срывались, сыпались веером с веток и вместе с желудями толстым слоем укрывали землю вокруг. А молоденький гибкий Дубок лишь слегка грациозно покачивался, словно в танце, и ему очень даже нравилось всё это действо... эта лесная дискотека. Он в такт порывам то приседал, то размахивал веточками и ли-ко-вааал... Он бесновался от радости, увидев, как вершина прадуба под бешеным ураганным ветром обломила и по всему чёрному дряхлому стволу — с самого верха до основания — прошла глубокая трещина.

— Ура!!! — ликовал молодой дубок. — Так вам и надо!.. Пусть шторм всех вас вырвет с корнем. Тогда не будете мне мешать!

И ураган услышал его... Он грозно загудел, зарычал и, обратившись лютым смерчем, стал по очереди воздушной воронкой зависать то над одним старым дубом, то над другим, выдёргивая их с корнями, с грохотом, с пластами земли. Вот уже нет останков прадеда дуба, вот повергнут наземь дед... И лишь отец прикрывал молодой Дубок от северного ветра собой. Природа вокруг преобразилась... Вот уж и леса не осталось. Когда буря вырвала с корнями старые деревья, самые древние, самые сильные, всю молодь унесло по ветру, словно тростинки. Дубок в страхе выглядывал из-за широченной спины отца: вокруг, сколько хватало взгляду, лежала безжизненная холодная скалистая пустыня.

Где жучки? где паучки? где птички гнёзда?

Всё разорено ураганом...

— Что я наделал?! — в ужасе стал причитать Дубок. — Если смерч вырвет с корнями и отца — я погиб...

Дубок едва пережил штормовую ночь. К утру северный ветер стих, но пришла другая беда... На небосводе безжалостным огнём запылало светило...

Все растения и насекомые, всё, в чём едва теплилась жизнь — сгорело под палящими лучами солнца. Не осталось ни одного деревца, ни одного кустарника, ни одной зелёной травинки,



лишь пожухлая иссохшая стернь... А Дубок спокойно, в тени могучей кроны отца-исполина, постепенно приходил в себя, охорашивался, рос и мужал.

В порыве благодарности он протянул к отцу свои ветви, но тот не отвечал.

Шторм и солнце окончательно иссушили, обескровили его...

Дуб стоял уже неживой... Он так и умер, стоя, прикрывая своими огромными ветвями сына от палящего солнца, от студёного ветра...

И весной жизнь вернулась в дубраву.

Из желудей народились, проклюнулись липкие зелёные росточки, они тянулись вверх и росли, хорошели, крепили под сенью возмужавшего Дубка. Теперь он — самый старший в роду — трепетно, ревностно защищал молодые побеги от северного ветра и палящего солнца.

А пичужка свила в его крепких ветвях гнездо и вывела птенцов...

Жизнь продолжалась.

Примечания:

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник)

*



Махмуд зажигает

*Вовремя сказанное слово — по делу выстрелившее ружье.
Ала дезача аьнна дош — тоха езача тега топ.*

Ингушская поговорка

Слово авторитетным ингушским учёным

Из рубрики «Азбука языкознания». Лингвистический мат-анализ доказал, что все энергоёмкие «русские» слова заимствованы из «наьна мотт», например, ключевое слов «нах», которое формирует всю семантику русской речи, является ингушским и в переводе обозначает «люди».

Во, нах! (инг.) — Эй, люди!

— Александр, каждый вечер вспоминаю-прикидываю имена полезных тебе людей — самобытных, мудрых, талантливых рассказчиков. Оказалось, их не так и много, талантливых-то. А кое-кто меня даже разочаровал...

— Бывает, от человека ждут великих свершений, а потолок его способностей — плохие анализы [1].

— Бросай ты эти аристократические манеры, вычурный язык! Переходи на ингушский...

— Нах!..

— Во!

— Нах!.. Три раза.

— Совсем другое дело, можешь ведь...

— Знаешь такой мелкий-мелкий крупа?

— Манка что ли? — Махмуд подозрительно скосил взгляд.

— «Нах» — три мешка такой крупа!

Он восхищенно хлопнул меня по плечу:

— Чё ж ты раньше-то молчал? Мандила?! Ты ж почти ингуш!!!

Короче... Есть у меня в запасе интересный человек, работает в министерстве туризма большим чиновником, но сейчас занят на работе. (Скажу по секрету: мы вовсю развиваем туризм, только об этом пока никто не знает.)

— А что, нет вариантов, с учётом ингушского менталитета, вырвать этого чиновника из рутины, чтоб всё бросил, нах... и присоединился к нашей беседе?

— ?.. Деньги он уважает, но не до такой степени, чтобы лететь из-за них сломя голову. Запугать? Нереально. Просьба?.. Запишет её, когда-нибудь поможет, чем сможет, но сейчас не сорвётся. Единственный вариант «подписать»: позвонить ему и настойчиво, каким-то дерзким непонятным голосом проскрипеть в трубку «Собака, ты меня конкретно обидел... Чё не понял?!» И не вдаваясь в подробности, не пускаясь в длинные объяснения, отключить телефон. Тогда точно, как бы ни был занят, через полчаса будет здесь...

— Из могилы встанет ради такого случая.

— Да. Ингуши долго запрягают, но, когда запрягут, мало никому не покажется. Если даже в шутку задеть самолюбие ингуша, он моментально закипает, обида перерастает в кипез, кипез — в мордобой, тот — в резню, перестрелку, взрывы, пожарища...

— И другие формы кавказской дружбы.

— Да.

— Пусть продолжает развивать туризм. А вообще «дурной признак, когда перестают понимать иронию, аллегорию, шутку». Так считал Фёдор Достоевский и учил: «Если хотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет, или как он волнуется благороднейшими идеями, а смотрите на него лучше, когда он смеется. Хорошо смеется человек — значит, хороший человек».

Мы помолчали, переваривая сказанное.



— Летом ездил в горы навестить старшего брата... тоже хохмач! Кстати, это именно из-за него я поздно женился! Вроде уже и невесту присмотрел, а мать в штыхи:

— Хочешь из старшего брата тряпку сделать?

Ну короче, только приехал — в гости нагрянули пограничники. Постучались, заходят, всё деликатно, глава сельского поселения с ними. Старший наряда представился:

— Лейтенант такой-то... Паспортный контроль... Совершаем плановый обход домостроений на предмет выявления посторонних лиц в погранзоне.

И тут брат прям, с цепи сорвался:

— Чего тут высматриваете, чё вынюхиваете?.. Я тебя не знаю, может, ты бандит...

Надо было видеть лицо молоденького лейтенанта. Парень недавно на службу попал, сам, как оказалось, из Дагестана. Оторопело переводит взгляд с хозяина дома на меня, на главу поселения... Ситуация накаляется!.. Вот-вот выйдет из-под контроля.

— Никаких официальных документов не предъявил, а туда же!

Пограничник полез в бушлат, за пазуху... брат расхохотался, хлопнул его по плечу:

— Да это я так шучу.

Лейтенант выдохнул:

— А я уж за удостоверением полез, чтоб заново представиться.

Брат угорает:

— Хотел просто проверить твою морально-психологическую готовность к службе, выдержку оценить... Вы ж с населением работаете.

— Проверить, есть ли патрон в патроннике, — подсказываю я.

— Ну-уу! Методом ты-ка-аа!..

У нас в семье на язык все острые... Это от матери. На днях услышала по телевизору слово «амёба». Спрашивает:

— Что это?

— Рыба такая.

— Раз ты говоришь, точно не рыба.

Вот и возьми её за рубль за двадцать...

Помню, в первую чеченскую войну федеральные войска прибыли в Мужичи, заняли позицию на окраине, окопались. Командир роты посетил с официальным визитом главу села, представился:

— Сколько нам здесь находиться, не знаю, но давайте жить мирно. Мы вас не трогаем — вы нам хлопот не доставляйте. У нас приказ.

— Конечно, конечно!

На следующее утро он заваливает в контору к главе сельсовета недовольный:

— Мы ж договаривались!.. Вам что, проблемы нужны?!

— В чём дело?

— Скажи своим, чтоб перестали в жмурки с нами играть...

— Не понимаю.

— Всё ты понимаешь! Как стемнело, ваши пацаны ходят по лесу вдоль позиций и кричат, визжат, дразнят, смеются. У меня в подразделении молодые необстрелянные ребята, не надо на них страх наводить.

— Так это шакалы, не обращайтесь внимания.

— Шакалы?

— Да.

— А я думал «шакалы» — это ругательство.

Примечания:

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник)



Муж учительницы

Хабар

*Спрашивай не у того, кто долго жил, а кто много повидал.
Дукха ваьхачунга ма хатта, дукха дайначунга хатта.*

Ингушская пословица

«Муж учительницы» — ранг почётный, миссия особая...

Моя мама преподавала русский в национальной карельской школе. Я — в теме... Изнутри насмотрелся, как непросто пришлось бате идти по жизни под ручку с «учительшей». Потому, когда Председатель горсовета Малгабека Шарапудин Мамилов заикнулся на эту тему, я сделался само внимание:

— Учительница — мужу не жена, детям — не мать, матери — не дочь, сноха — никому, — перечислял обречённо Шарапудин, бросив руль.

— !.. Смотри за дорогой!

— Личной жизни нет. На кухню придём кушать — она со своими портками: стопкой тетрадей, планов — убегает в зал; мы покушали — возвращаемся в зал — она со своим шмотьём — на кухню. Жизни нету. Единственное свободное помещение — туалет, где можно ещё посидеть, пофантазировать — остальное всё занято бывает. Из школы уходит последней... Я в треть голоса скандалю: «Как так можно? У тебя мать, у тебя дети, муж, в конце концов... иди домой...» Нет. Ответственная баба такая. Не знаю, к чему это приведёт...

Работник образования в семье — привилегированный человек. Как инвалид! — горячился Шарапудин. — Словно у человека сахарный диабет... Его нужно оставить в покое, за ним ухаживать, угождать, все прихоти исполнять. Здесь с кондачка не возьмёшь, требуется подход серьёзный. Ночью в три часа просыпаешься: сидит под лампой — тетради проверяет, таблицы чертит, к проверке готовится... Вариант «а», вариант «б». Это не жизнь, Александр. Да ещё при такой зарплате мощной... Издевательство. Причём, заметь: она не одна работает на министерство образования — вся семья. Я с отличием закончил экономический, в силу своей должности слежу за политической ситуацией, и когда намечается классный час — узнаю первым. Могут ночью разбудить, вразброс задать вопросы по общественному: кто у нас возглавляет Конституционный Суд? когда выборы в Государственную Думу? по какому принципу идёт отбор кандидатов? есть ли одномандатники?

— «Одна манда...» Сама ты... Спи!

Откровенно признаюсь тебе, Александр, сложно соответствовать статусу «муж учительницы».

«Сложно»?!

Я и верил Шарапудину, и сомневался в искренности его слов. Разве для него может быть что-то сложно?! Род Мамиловых состоит исключительно из людей талантливых. Да, возможно, генетика причиной всему. Знаю одно: Шарапудин — герой. Настоящий герой, каких встречал мало. Вот лишь кусочек из его биографии...

— Случилось это в 1997 году, 17-го октября.

Ингуши и чечены создавали интернациональные бандформирования, время плохое. Приехали ночью на дом, вызвали брата. Я сразу почувствовал недоброе, вышел сам. За грудки схватили:

— Ты Шамсудин?

— Я. Что нужно?! Ру-кии!..

Отметелили, забросили в машину...



Лежу на заднем сидении, думаю: «Ликвидируют, понятно. Меня не будет, но ведь машина останется... Каким образом дать знак брату, что я был здесь? Какую оставить зацепку, ниточку, потянув за которую с помощью Всевышнего, найдут этих собак и накажут». — Тайком отрываю карман у рубашки: — «Брат-Шамсудин, когда найдёт мой труп, обнаружит: “Карман оторван. Почему? Где хлепетень? Куда делся?” Будет искать. Найдёт машину, обыщет и обязательно найдёт от меня весточку — оторванный карман. Брат поймёт: в этой машине заложником был я». Лоскут запрятал под полик, под уплотнитель...

Не знаю, как ещё сообразил в той ситуации? Как просчитал?.. Видно, хотел бандитов наказать сильно-сильно. Куда везут — непонятно... На яме тряхнуло... Машина клюнула носом: чувствую, шаровая накрылась... Дальше на такой машине не двинешься. Меж собой откровенно толкуют, понимают, со мной не уйти. Последнее, что слышал: выходят из салона и... очередь в упор.

Очнулся, никого нет...

Лежу в липкой кровище, нога перебита, в боку жжёт. Тишина. Выполз из машины, кое-как дополз до дороги, там меня и подобрали. Три года операции одна за другой... Три года по госпиталям, больницам... Потом усиленно, интенсивно занимался физкультурой, встал на ноги... Одного из тех людей я тогда узнал: и потихоньку, одного за другим, нашли всех. Дело, вроде, к суду. Заседания первой инстанции Верховного Суда назначили в Назрани. И вдруг дело разваливается на глазах... Свидетели от своих показаний стали отказываться, машина, в которой меня расстреливали — «вещдок!», вроде стояла в РОВД — на ней уже следователь колесит по городу. На «вещдоке»!.. А бандюганы на суде хором:

— Не было ничего! Мамилов с ума сошёл, шизанул! Ему пригрезилось.

Я в ответ — ходатайство:

— Давайте сделаем выездное заседание, и я докажу, что именно в этой машине меня расстреливали. Вещи мои к делу приложены? Приложены.

Пригнали машину.

— Рубашка, в которой был в тот момент, — прострелена, отверстия совпадают с ранами. А почему рубашка без кармана? Кто оторвал? Куда он делся? Не знаете?! Я умышленно его тогда оторвал!.. и лоскут сейчас находится в этой машине, которая, как вы заявляете, не имеет никакого отношения к делу.

Стоят, глотают воздух, переглядываются.

— Откройте заднюю дверку... достаньте под поликом, под обшивкой окровавленный карман, приложите.

Нашли лоскут, приложили к рубашке — точно.

Следователь нехотя:

— Да, парень действительно был в этой машине.

Дело было громким. Мрачная история...

Одному дали десять, другому одиннадцать лет.

Только по нашим горским обычаям, даже если ты срок отсидел, к сатисфакции это не имеет никакого отношения. Кровь — за кровь! Однако в Республике нужно было как-то останавливать бандитизм, волну насилия. Мы собрали совет тейпа, и отец вынес непопулярное решение: «кровную месть не объявлять, врагов простить». Вопрос закрыли.

В 92-м сюда хлынуло население из Северной Осетии, шестьдесят тысяч, потом из Чечни... Забито было всё. Представь, в городе Малгабеке население утроилось. Люди, люди, люди... кругом. Не выйти, не пройти... в магазинах давка, в автобус не забраться. В городе не протиснуться: беженцы, беженцы, беженцы...

И воцарился в Ингушетии беспредел.

С наступлением сумерек никто никуда не выезжал — небезопасно. Уж не говорю, когда стемнеет. У каждого водителя на палке — зеркальце: перед тем, как сесть в машину, тщательно днище осмотрит, не установлена ли мина — «техосмотр по-кавказски!» На улицах — ни одного милицейского бобика — все отсиживались в РОВД, заняв круговую оборону. Машины ГАИ обстреливали, взрывали, сотрудников убивали. Рядом с нами поселковый отдел милиции,



Фото Евгения Шивцова



гражданские люди, инициативная молодёжь ходили поддержать этих ребяташек. У тех ни оружия нормального, ни бронежилета. А 22 июня у нас в республике двойной траур — мало того, что эта дата — начало страшной войны, так ещё 22 июня 2004 город Назрань был полностью захвачен Басаевской бандой, сто сотрудников расстреляны в упор: Министра внутренних дел, прокуроров, оперативников... — сто сотрудников в один день! И день-то выбрали какой. Это был ужас... [1]

Непонятное что-то творилось... Терпеть беспредел сил уже не было, но кардинально ситуация изменилась к лучшему при Евкурове. Ситуацию можно было исправить только личным примером. Он доказал: бандитов, оказывается, можно побеждать. А ведь сам чуть не погиб в теракте. Машину взорвали, восстановлению не подлежит, его врачи собрали по частям. И даже после этого он не спрятался за спины силовиков. Къунах! Он созвал комиссию по примирению, подключил к этому делу авторитетных людей, создал Совет тейпов. Полная прозрачность всех действий, гласность, доступность. Номер его мобильного есть у каждого ребёнка... У нас, когда закрыто и что-то скрывают, тихорят — сразу возникает недоверие, сразу начинают подозревать во всех смертных грехах. А он постоянно в дороге, в разъездах. В Москву летает не каким-то служебным самолётом — обычным гражданским рейсом. Стюардесса объявляет: «Уважаемые



пассажиры, у нас на борту находится Глава Республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров. Желающие могут подойти, задать вопросы». Клянусь матерью, сам видел!

Он — наша яркая фишка, козырная карта!

Он перевернул представление народа о власти.

Понятно ведь, без поддержки местного населения воевать в лесу невозможно. Родственников предупредил: «Кто отнесёт бандитам корку хлеба, бутылку воды — голову оторву». И все знали: не шутит. Миндальничать, заигрывать с убийцами прекратили. Жёсткий военный подход. Задней скорости у него нет. И потихоньку ситуация... начала выправляться. Зачастую ведь люди по какой причине брали в руки оружие — недовольство властью зашкаливало: правду не найдёшь! до чиновников не достучишься. Все работали на себя... гребли, как мотыга... И вдруг власть повернулась лицом к народу. Зажравшихся чинуш он — под зад пинком, турникеты, решётки снёс, заставил вести приём населения. А в ответ население, весь народ от мала до велика, не побоялся подставить своё сердце под пули врагу.

P.S.

Фото автора



Семиклассница Залина Арсанова спасла младшего брата от пуль, закрыв своим телом. Президент Российской Федерации Владимир Путин вручил ей медаль «За отвагу». Мне было неловко набирать эти строки: девчонка смогла, а я бы смог?..

На всякий случай строки продублирую: «Семиклассница Залина Арсанова спасла младшего брата от пуль, закрыв своим телом».



Примечания:

[1] Сейчас мирно светит солнышко, и память человеческая так устроена: всё плохое забывается. Дабы воспоминания освежить и сегодня понять масштабы трагедии, предлагаю материал из газеты «Коммерсант» 28.06.2004:

«На прошлой неделе отряды боевиков напали на Ингушетию. Одновременно были атакованы и захвачены объекты МВД, погранвойск, Минобороны и прокуратуры. Около сотни людей, в том числе руководители МВД и прокуратуры республики, погибли, еще больше — ранены.

Корреспондент «Власти» Ольга Алленова попыталась разобраться, почему это произошло. Нападения боевиков начались в 22 часа 21 июня. Разбившись на небольшие отряды, они разоружили и расстреляли омоновцев на блокпостах на въездах в Назрань и Карабулак. Потом с криками «Аллах акбар» прошли по Назрани и атаковали здания МВД, УВД и погранотряда. В Карабулаке попытались захватить расположение мобильного отряда МВД России в Ингушетии и склады вооружений и боеприпасов местной милиции.

После многочасовой осады погранотряда боевикам пришлось отступить. А вот сотрудникам МВД и УВД свои здания отстоять не удалось. Воспользовавшись тем, что в них находились всего несколько дежурных милиционеров и руководство министерства, боевики захватили их и сожгли. В бою погибли и. о. министра внутренних дел Ингушетии Абукар Костоев и один из его заместителей. В соседние здания ИВС и УБОПа боевики попасть не смогли — из-за их усиленной охраны. Выехавшие на место происшествия прокуроры Назрани Мухарбек Бузуртанов и Назрановского района Бислан Озиев, а также их сотрудники попали в засаду и были расстреляны.

Не менее тяжёлые бои произошли в Слепцовой и Карабулаке. В Карабулаке боевикам удалось даже захватить склады оружия. Нападавшие, видимо, рассчитывали вооружить часть местных жителей, а затем при их поддержке атаковать столицу республики Магас, где расположена резиденция президента Мурата Зязикова, но план сорвался. Поднятые по тревоге войска были брошены спасать президента. При этом два крупнейших города республики, Назрань и Карабулак, были фактически отданы боевикам, которые немедленно устроили чистки: врываются в дома и расстреливали местных руководителей. Так был убит в общем-то далекий от войны директор местного кирпичного завода. Только к утру, когда силовики смогли скоординировать свои действия, бандиты оставили захваченные города и ушли в горы. Руководство МВД говорит об уничтожении сотни бандитов, но на деле потери с их стороны, видимо, оказались минимальными. Например, в Назрани нашли тела только двух ачхоймартановцев, участвовавших в ночном налете.

*



Корреспондент «Интерфакса»

Хабар

*Войну остановит лишь война.
Дов довно мара юхатехадац.*

Ингушская пословица

Шамсудин Боков.

До того, как его назначили главным редактором республиканской общественно-политической газеты «Ингушетия», он успел поработать пресс-секретарём Президента. А начиналась его карьера в журналистике с агентства «Интерфакс».

— В горячие годы мне повезло быть в эпицентре всех значимых событий. В 2004-м Ингушетии приходилось нелегко: ежедневные обстрелы, подрывы, охота на сотрудников милиции, духовных лидеров... В воздухе висел, не выветриваясь, едкий запах пороха... Опасность подстерегала всякого, кто открыто нёс слово правды, публично озвучивал гражданскую позицию. Эти люди — под прицелом. Но журналисты — циники по жизни... Не то чтоб бесчувственные, просто, когда вокруг каждый шаг, каждый миг — горе, страдание, беда, начинаешь привыкать к опасности. Начинаешь оценивать события объективно, как бы отстранённо. Словно опасность лично тебе не угрожает. Время тяжёлое... Время, когда вечером населённые пункты вымирали — ни души. Даже милиционеры на улицу носа не казали. Каждый опасался за свою жизнь, но когда опасно сегодня, завтра — инстинкт самосохранения, чувство опасности притупляются... Требовалось как ни в чём не бывало, освещать чрезвычайные происшествия... освещать оперативно. Вроде бы к этому моменту была изобретена мобильная связь, интернет, а на практике узнать новости по телефону невозможно. Выезжай на место... в ночь-полночь, в непогоду, болееешь-нет... десятки километров пешком до места происшествия. Помогали друзья, неравнодушные, ответственные граждане, которые подсказывали, информировали:

— Шамсудин, ты в курсе?

— Нет. Спасибо, что поставили в известность, выдвигаюсь...

Зачастую прямо на месте события, с фонариком на коленке готовил материал, по телефону передавал в Москву. Информационное агентство «Интерфакс» — подразделение боевое. Многому там научился...

Когда в горячей точке родился, живёшь и работаешь — учёба движется быстрее.

Во время проведения силовых операций мы неотступно следовали за бойцами вторым эшелоном, не высовываясь вперёд, но и не отставая. И был один рабочий момент, который запомню навсегда... хотя всё продолжалось секунд тридцать — перед глазами жизнь пробежала...

Это случилось в 2005 году, в Назрани. Недалеко от гостиницы «Асса» — частный сектор. Силовики проводили очередную операцию: ликвидировали боевиков, блокированных в жилом доме. Информации никакой. Обычно как: слышу отчаянную стрельбу — выдвигаюсь туда, ближе к месту происшествия. Другого источника получения оперативной информации нет. Гражданское население бежит, сломя голову, прочь — я поступаю с точностью до наоборот. Это было время, когда между спецслужбами никакой координации: даже милиция — понятия не имела, что делает ФСБ, и наоборот. А мне информация требовалась любой ценой, информация — в режиме реального времени. Просроченные, вчерашние факты не интересовали никого.

Добираюсь... Мой коллега и большой друг — собкор ИТАР ТАСС Руслан Майсигов — уже на месте. Конторы у нас с ним вроде бы и разные, а задачи — одни. Мы друг другу помогали, всегда плечом к плечу. Стрельба неожиданно закончилась, бойцы «Вымпела», «Альфы» сели на БТРы, умчались — интервью никто никогда из них не давал.



Мы остались вдвоём. А как узнать, что конкретно произошло? Сами вперёд, на ощупь... стали приближаться к дымящим развалинам. Идём, считаем трупы, фотографируем... У разрушенного двухэтажного дома разделились: он — направо, я — налево. Смотрю, из подвального окна соседнего дома выглядывает ребёнок... Не плачет, не кричит — в ужасе молча смотрит на меня. Дверь снаружи подперта металлической лестницей, дом наполовину разрушен... стены в осколках, крыши нет. «Странно! Обычно гражданское население перед началом обстрела выводят далеко за пределы».

Убираю лестницу, открываю дверь, захожу в подвал, а там семья: бабушка, мать и четверо детей — ВСЕ СЕДЫЕ!..

Мать, сбиваясь, рыдает-мычит:

— Спали... зашёл мужчина в маске, приказал всем лечь на пол... Потом четыре часа — сплошные взрывы...

Я про работу не забываю: фотографирую, пишу рассказ на диктофон, помогаю им выбраться на улицу, передаю под опеку Русику, сам иду дальше... за дом... Запашина горелого мяса с ног сшибает... Продолжаю считать трупы: в сводке ведь нужно сообщить точно: сколько в ходе спецоперации уничтожено бандитов. Ни в ФСБ, ни тем более в милиции этих данных не дадут. Я стою на пожарище, готовлю по свежим впечатлениям сводку и... чувствую под ногой что-то горячее... жжёт что-то... Глаза опускаю и вижу: стою на раскалённом неразорвавшемся артиллерийском снаряде 122 миллиметров. (Обычно боевики использовали их для закладки фугаса: капсуль снимают, вместо него шнур с механизмом управления — мина готова. Мина огромной разрушительной силы...) Я блокнотик, нежно, — в нагрудный карман, оплавленный кроссовок осторожно приподнимаю... делаю шаг в сторону, второй...

Понимаю: сейчас рванёт.

Снаряд лежит прямо на жарких углях...

Бессознательно ныряю в сторону, перекатываюсь кубарем и, пригнувшись — к воротам. Только успел добежать до Русику, повалить детей на землю — мощный взрыв!.. Нас оглушило, засыпало обломками кирпичей, чёрной гарью. На том месте, где стоял их дом, подвал... откуда буквально десять минут назад выбрались дети, на месте двора, где записывал в блокнот информацию, — одна сплошная воронка.

Это сейчас излагаю всё последовательно, гладко, логично...

Потом уж, задним числом, выстраивал цепочку действий... когда всё было позади.

В тот момент не думал...

Некогда было.

*



Ужас-Бек

Малумат

*Гнездо орла всегда пахнет железом.
Аьрзе бIена чура аьшка хьадж йоагIаш хул.*

Ингушская пословица

Фото Евгения Шивцова



Валентин Крыжановский, бывший полковник ГРУ, припомнил к слову:

— В 1987 году в десантном училище я был командиром взвода. КПСС тогда являлась руководящей и направляющей силой общества, инакомыслие строго каралось. Однако, несмотря на власть коммунистов, был один курсант, старшина роты, у которого имелся коврик, исламка и который, как ни в чём не бывало, делал намаз. Ни замполит, ни командир не упрекали его — уважали за искреннюю веру. Веру — не в угоду моде.

Фамилия курсанта была Евкуров.

Криминал — уменьшительно-ласкательный термин той силы, которая безраздельно властвовала к моменту избрания его на должность Президента Республики Ингушетия. Фактически шла гражданская война... Война в разных фазах, с разной интенсивностью... Кровавая, беспощадная. Только за период с 2006 по 2012 год в Ингушетии убили 341 и ранили 794 сотрудника силовых ведомств [1]. И тут Президентом Ингушетии становится он.



Юнус-Бек Баматгиреевич Евкуров.

Служил в ВДВ. Принимал участие в контртеррористических операциях на Северном Кавказе. Рассказывают, в частности, как отряд подполковника Евкурова, выполняя одно из заданий по разведке местности, обнаружил и вызволил из чеченского плена двенадцать российских военнослужащих. В 99-м Евкуров находился в сербо-боснийском городе Углевик в составе российского контингента в Боснии и Герцеговине под эгидой SFOR. В мае 1999 года группа, под его командованием, в составе восемнадцати бойцов ГРУ тайно проникла на территорию аэропорта Слатина и фактически контролировала объект до подхода десантного батальона. Все обстоятельства данной операции засекречены до сих пор. 13 апреля 2000 года Юнус-Беку Евкурову присвоили звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда» — за бросок на Приштину российских десантников.

По мнению и друзей, и недругов — именно он переломил хребет бандитам в Ингушетии. Враги его называют не Юнус-Бек — Унзар-Бек — Ужас-Бек! Такой комплимент заслужить непросто.

Враги его ненавидели люто... и продолжают.

22 июня 2009 года на Президента Ингушетии совершили покушение. При проезде президентского кортежа в микрорайоне «Центр-КамАЗ» города Назрани машина сопровождения попыталась отеснить автомобиль «Toyota», медленно двигавшийся по обочине трассы; водитель автомобиля совершил манёвр и въехал в середину кортежа; вскоре прогремел взрыв. В результате один из охранников скончался на месте; Президент Евкуров и ещё два человека госпитализированы с ранениями различной степени тяжести. Состояние Евкурова характеризовалось как «тяжёлое». Однако уже в августе он вернулся к исполнению обязанностей Президента Ингушетии. Не поддавался эмоциям, не испугался, не струсил, не обозлился, не стал, как это предписано ингушскими адатами, вершить кровную месть, а стал налаживать гражданский диалог: «хождение Президента в народ», опубликование номера личного телефона, созыв чрезвычайных органов народного представительства (сходы родов, советы старейшин, всенародные съезды) — далеко не полный перечень нестандартных мер, призванных восполнить недостающий авторитет официальных институтов власти. Президент РИ Юнус-Бек Евкуров работал «на износ», спасая жизни и души молодых ингушей, не стеснясь заниматься работой, совсем не свойственной Президенту.

Легенды про Евкурова складывались не на пустом месте...

Наглядный тому пример — совершенно уникальный в практике антитеррористической борьбы на Северном Кавказе случай, произошедший в ночь на 28 января 2010 г. в станице Троицкой. Накануне вечером сотрудники ингушской милиции в ходе оперативно-розыскных мероприятий, проводившихся по факту обстрела милицейской «Газели» и гибели милиционеров, блокировали боевика. Заметив во дворе вооруженных людей в масках, тот бросил в их сторону гранату, затем открыл огонь из пистолета. Сотрудники милиции вызвали подкрепление и открыли по дому ответный огонь. На место выехал Президент, штурм дома приостановили, а потом... Юнус-Бек Евкуров... сам!.. пошёл на контакт с террористом, убедив того сдаться.

Довелось мне знаться с разными руководителями, но ничего подобного не слыхивал...

В эксклюзивном интервью телеканалу RT он заявил, что готов пойти на переговоры с террористами, если это сможет спасти хотя бы одну жизнь. «Главным стратегическим направлением нашей политики... было и остаётся проявление доброй воли к тем, кто отступился от закона, стремление к убеждению и склонению их к отказу от участия в преступных сообществах, бандгруппах, от осуществления террористической деятельности и пособничества в этом», — подтвердил Евкуров в специальном обращении к соотечественникам 8 февраля [2]. «Цель не убить, цель — убедить» — так он сформулировал задачу правоохранительных органов на одном из совещаний [3].

Именно благодаря открытости, честности Юнус-Бека Евкурова Ингушетия сегодня, как никакой другой регион Северного Кавказа, живет насыщенной общественной жизнью. Налажен



постоянный тесный диалог между обществом и властью. И неслучайно Евкурова признали «человеком 2009 года» по версии журнала «Эксперт», а также вручили престижную премию Фонда Андрея Первозванного «За Веру и Верность» [4].

Евкуров по-военному решительно разрубил гордиев узел кровавого территориального спора. Муниципальная реформа, проведённая осенью 2009 г., зафиксировала существующее административно-территориальное размежевание с Северной Осетией и сделала невозможными дальнейшие территориальные тяжбы с соседями. Сегодня обстановка в Ингушетии нормализовалась. Обойдя республику вдоль и поперёк, побывав в каждом селе и горном ауле, я убедился в этом лично. Глава Ингушетии не без гордости подчеркнул, что безопасность в республике больше не является болезненным вопросом.

А я, нарушив все каноны интервью, не вопросы задавал легендарному Унзар-Беку — откровенно признался ему в своих симпатиях.

Примечания:

[1] Три года «стабильности» Бюллетени Правозащитного центра «Мемориал» о ситуации на Северном Кавказе
Выпуск 2 Осень 2009 года — осень 2012 года

[2] «Республика Ингушетия», 8.2.2010.

[3] «Республика Ингушетия», 29.1.2010.

[4] «Республика Ингушетия», 14.12.2009.

*



Умористы

Хабарик

*Мы — за смех! Но нам нужны
Подобнее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.*

Юрий Благов

Фото Беслана Холухоева



В последней надежде помочь отыскать мне в Ингушетии юмор, Махмуд договорился о встрече с руководителем государственного бюджетного творческого объединения «Зокх» Мадиной Дзортовой. Не «для посмеяться», этого в Ингушетии хоть отбавляй — ухохочешься — «для серьёзно» поговорить о смешном.

А я, признаться, уж не чаял найти коллектив, анонсированный как «юморной».

— «Зокх» — студия театра, кино, — терпеливо объяснял Махмуд, — что-то вроде дагестанских «Горцев от ума». Умористы!

— «Горцы...» — команда титулованная, появилась не на пустом месте: основной состав — «Махачкалинские бродяги», чемпион Высшей Лиги КВН.

— А тут — рядовые армии искусств. Член их коллектива, выпускник детской музыкальной школы, написал музыку для ингушского гимна.

— Не смешно.

Нас ждали...

Чуть ли не с порога я поинтересовался у Мадины:

— А можно посмотреть выпуски вашей юмористической программы?



- Да... но все они на ингушском.
- Забавно. Похоже, так с пустыми руками и уеду. А что хоть означает само название?
- «Зокх» — в переводе с древне-ингушского, в словаре 1934 года нашла... Если дословно: «самое интересное» и дальше «шут, шутка».
- Два значения?
- Нет.
- Самая интересная шутка?
- Просто «самое интересное». Ингуши частенько говорят: «какой интересный человек» (Ма зокх болаш саг ва). «Зокх» переводится, как самое интересное, а дальше идёт «шут, шутка».
- Но ведь «самое интересное» и «шутка» — понятия не тождественные — разные.
- Задача нашей организации делать то, что людям интересно, — лицо Мадина сделалось пронзительно-торжественным, — обращать внимание общества на темы насущные, злободневные. Не только юмор, но и сатира, пороки общества, наверное... Человеку, если прямым текстом ляпнуть, мол, он «такой-сякой» — обидится.
- Тем более на Кавказе... Тем более в Ингушетии!..
- Да! — она прыснула. — А с юмором всё сойдёт с рук.
- Мадина, извини, но я так и не понял, что означает «Зокх». «Самое интересное» — и всё?
- Точка?
- Давайте поставим точку: «самое интересное».
- Просто «самое интересное»?
- Да.
- То есть формат научный, образовательный, познавательный: «Хочу всё знать!», «Что? Где? Когда?» А причём тогда юмор?
- Зокх — такая остроумная шутка, потеха, забава. Следи за своими шутками!
- Следи за «базаром»?
- Да. Юмор безадресным не бывает.
- Прикол?
- Боже упаси! Это типа сборника ментальных анекдотов....

Шажок за шажком, как по минному полю, мы продвигались к мерцающей цели — переводу слова «Зокх». А цель, словно мираж, неуловимо отдалялась, отдалялась... И смеяться пока было рано. Хихикать над текстом, не зная перевода, всё равно что влюбиться в горянку в парандже. Нет гарантий.

- Язвительность, насмешливость, сарказм?
- Нет-нет! Что Вы! Сарказм в Ингушетии...
- Ну, то есть получается «ирония»?
- Да, ирония... Ирония — добрая шутка. Пороки высмеиваем.
- Тогда это сатира.
- Ирония и сатира. Да. Это скорее сатирический журнал.
- То есть «Зокх» — это сатира? — с надеждой в голосе спросил я.
- Да. И ещё «самое интересное».
- Я с опаской глядел на Мадину:
- Вы настаиваете?! «Зокх» — самое интересное?
- Да.
- То есть жанр ближе к передаче «Очевидное невероятное»?
- Нет...

Я знаю, вы будете смеяться, но мы так и не смогли перевести название комик-группы. Да разве это так важно, когда речь заходит о юморе?.. Главное, чтоб публика смеялась.

Слово авторитетным ингушским учёным

Из рубрики «Азбука языкознания». «Визави» — безосновательно считается, что выражение это французское: vis-a-vis — «лицом к лицу». Однако, ингушские учёные убедительно доказали: французский язык, как все остальные



языки мира, произошёл от ингушского. Слово «визави», широко используется ингушами в поездках за пределы республики. «Так мы гаварым в общаге: «Машу визави!» Дикция у нас такая.

Я тоже много размышлял на тему фонетики, разницы в произношении одних и тех же слов в разных весях. У нас, к примеру, пряжинские карелы говорят: «юкси» (один), а олонцкие — «юкши». Учёные считают: «Причиной всему — диалект!» Я голову над этим вопросом ломал — чуть не сломал, пока старая карелка мне по секрету не назвала истинную причину:

— Пусть зубы вставят.

*



Свадьба

Малумат

*А где-то свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала;
И крылья эту свадьбу вдаль несли.
Широкой этой свадьбе было места мало;
И неба было мало, и земли!*

Р. Рождественский

Фото автора



На центральном перекрёстке Малгобека Махмуд резко затормозил, не поехал на «зелёный»:

— Ты чего?

— Пропустим свадебный кортеж.

— Как ты определил, что свадебный? У нас хоть на капот машины куклу бантами привязывают, а здесь?

— Видишь поток машин по встречке? Стрельбу слышишь?

Действительно, по участку с односторонним движением нам навстречу, непрерывно нажимая на клаксон, летели джипы.

— Сейчас за стрельбу в свадебном кортеже выпишут штраф. Особо законопослушные джигиты оплачивают его заранее, чтобы саму церемонию ничем не омрачать.

Теперь я отчётливо слышал хлопки: горец, сидя за рулём джипа, стрелял в воздух из пистолета и что-то задорно кричал.

— Ингуши по натуре люди скромные, замкнутые: если нам плохо — знают лишь врачи, если хорошо — милиция.

— Вижу...



Я мечтал попасть на ингушскую свадьбу.

В Ингушетии, в отличие от Дагестана, свадебные обряды претерпели нешуточные изменения. Несколько лет назад по инициативе Главы Ингушетии Юнус-Бека Евкурова старейшины и духовенство приняли решение: положить конец краже невест. Теперь ни один имам не пойдёт освящать подобный брак, ни один старейшина не решится на примирение — серьёзный штраф с жениха, с его кунаков. Штраф, конечно, не остановит, но вот строгость, системность, единость — преграда серьёзная. В итоге сегодня адат умыкания невест, неукоснительно соблюдаемый века, практически искоренён. Кража невесты вызывает смех только в фильме «Кавказская пленница». В реальности всё не так забавно... На практике — стрельба, трупы, многолетняя вражда, кровная месть, полиция, ФСБ, уголовная ответственность за насильное



удержание... и вешие проклятия. Запрет — знаковое решение, влияющее на положительный имидж республики. Удалось в одночасье остановить бушующий горный поток! А в любимом Дагестане воруют красавиц по сей день!

И ещё, в отличие от Дагестана, в Ингушетии браки между двоюродными, троюродными братьями-сёстрами, близкородственное кровосмешение, запрещены категорически.



— Махмуд, как попасть на свадьбу?

— Придумаем что-нибудь. Хотя тебе это мероприятие едва ли приглянётся.

— ?..

— У нас на свадьбе: гости — за столом, невеста — в углу, жених — у друзей, тёща и тесть — за порогом. Ингушская свадьба для русского непривычна: без танцев-жманцев, без песен, выпивки, «горько», порванной гармошки, тостов... без брачной ночи.

— Так вот кто придумал «комсомольскую свадьбу»... В конце восьмидесятых я угодил как раз на такую.

— Есть любители выпить и у нас — представители старой, коммунистической закваски — им накрыто в отдельной комнате, подальше от глаз. Ингушская свадьба: прибыли, деньги принесли, покушали от пуза, вкусно, на невесту поглазели, и — по домам. (А невеста, бывает, сутки стоит, стоит в углу, сознание теряет и падает с грохотом, точно зрелая груша, — единственное развлечение гостям!) Остряки предлагают вывешивать чёрный флаг на ингушских похоронах, чтоб они хоть чем-то отличались от свадьбы.

Свадебный обряд у нас многослойный, начинается исподволь — с подбора невесты, со сватовства... Успел, небось, заметить: ингушские традиции очень строги, особенно что касается отношений мужчины и женщины. Юноше категорически запрещается притрагиваться к девушке, под любым предлогом. Недопустимо абсолютно! Даже заговорить можно только в особой, подконтрольной ситуации. Но род бы прекратился, если б не придумали способа выхода за рамки запрета. Лоузер — шуточное сватовство, которое зачастую потом переходило в настоящее. Не путать с «лузером». Сейчас время такое необычное: старые традиции и новые технологии встретились на узкой дорожке... Я присутствовал на виртуальной свадьбе: жених в момент свадебной церемонии, находился за границей и наблюдал за происходящим по скайпу.



На свадьбу настоящую, ингушскую, я таки попал.

Невесту доставляли в Ингушетию из Казахстана. Однако писать о божественном ритуале трудно. Нужно видеть, участвовать самим... Впечатления, ощущения от текста, фото — не те.

Это, как первая брачная ночь... по скайпу.

Мне показался интересным рассказ о сватовстве Султана Батырова.

Без него представление читателей об этой сокровенной стороне ингушской жизни будет однобоким, куцым.

— Например, я хочу женить сына на вашей дочери, присылаю гонцов. Вы их принимаете, выслушиваете, берёте срок для дачи ответа и начинаете изучать, поднимать всю подноготную.

— «Пробивать»?

— Да. Оценивают моральный облик кандидата, тейп, не было ли за последние века с этим родом конфликтов, кровной мести... Всё кропотливо изучается, прежде чем дать ответ. Невеста должна продемонстрировать полную покорность свекрови, свёкру, если она не умеет вести себя скромно, если она бесстыжая — это уже не невеста. Для ингуша выбор подруги жизни — дело крайне ответственное, серьёзное. Однако подходить к этому делу излишне мрачно, без юмора — не рекомендуется. Не продуктивно! Однажды из нашего села поехали свататься, и что-то у них там не срослось, не сладилось — родители девушки отказали. Возвращаются с пустыми руками, а их родственник возьми да ляпни:

— Если б нормальных людей послали, отдали бы.

— А мы, значит, по-твоему «ненормальные»? Посмотрим, что сделаешь ты.

Слово за слово, слово за слово — пришлось ехать тому.

Он в смятении, потный забегает к нашему отцу:

— Маги, выручай. Загнал свой язык в топи болотистые, без твоей помощи мне его оттуда не вытащить.

— Что случилось?

— Вах! Похвастался, что могу сосватать невесту, высмеял сватов, теперь отправляют меня. Что делать? Если девушку не отдадут, в тейпе житья не будет.

— Как её фамилия?

Он назвал.

— Поехали. Отец её — мой друг по молодости, в Казахстане в ссылке вместе бедовали.

И правда, там как увидели отца, согласились отдать девушку сразу — не гонять два раза (обычно сватовство и выдача невесты — два совершенно разных, отдалённых друг от друга по времени, хлопотам мероприятия). Но даже «ускоренная» процедура нескорая: пока мулла прочитал молитвы, пока угощались, пока добивались назад... Во дворе жениха уже все на нервах: сваты исчезли. Собрались представители всего тейпа, недовольно галдят: «Что случилось? Куда провалились?» И тут они заходят во двор, да не с пустыми руками — с невестой.

А ростом оба маленькие-маленькие...

У родственников жениха сразу рожи деревянные: им не отдали, а каким-то двум коротышкам уступили, да ещё сразу выдали.

— Как вам удалось?

— Они решили, что мы на коленях стоим, — сжалились. Под руки нас пытались поднять: «Вставайте, вставайте, ваша просьба будет удовлетворена!»

Хохот... гогот...

Отец не боялся иронизировать над собой. Отец был мудрым человеком, умел шуткой сгладить острые углы. Он не стал обострять и без того взрывоопасную ситуацию: «отдали не потому, что мы лучше вас — вовсе нет! пошли навстречу, потому что думали стоим на коленях, — пожалели». И сразу были умиротворены, довольны даже те, которым отказали — ведь они-то не унижались, стоя на коленях. Нет, без юмора нельзя браться за сватовство. В случае отказа только и остаётся иронизировать над собой.

А вот свежий случай: украли невесту, на выручку выбежал брат. Девушку-то похитители захватили в машину, с места рванули... а жениха в суতোлке забыли.. Он злой, психованный, хватает камень, в ярости кидает вслед, рвёт волосы, проклинает похитителей. Брат с



благодарностью обнимает его, утешает, отряхивает грязь с одежды, не слушая возражений, тащит благородного юношу — отважного защитника сестры — в дом, представляет отцу, угощают дорогого гостя. Только на следующий день отец узнал, кого потчевал... и сразу, не раздумывая, дал согласие на свадьбу: «Такой находчивый джигит из любой передраги спасёт семью».

А ещё друг Али как-то под настроение поделился своим опытом ухаживания за барышней:

— В Казахстане когда жил, — говорит, — влюбился в девушку. И никак не мог с ней познакомиться, завязать разговор... С другими свободно выходило, а её увижу — язык отнимается, до того робел. Вован, сосед по дому, каждый день интересовался:

— Ну что? Получилось?

— Какой... что получилось?! боюсь руки коснуться.

— Ладно, ничего, завтра я организую выезд на лодке на остров — там у вас всё будет нормально.

Взяли выпить — с запасом! закусить, ружьё (уток по дороге настреляем), собрались ехать.

Погода отличная!..

Я с утра навёл марафет, причипурился: надел белую рубашку, брюки отутюжил, туфли начистил, лирику Пушкина в памяти освежил... А живот у меня недовольно бурчит и бурчит, крутит и крутит, крутит и крутит. Сели в лодку, отплыли, чувствую — не дотерплю... Нет мочи, нету никакой мочи. Думаю, всё: нужно хоть чуть спустить воздух, а чтоб заглушить, поднимаю ружьё... совместить выстрелы чтоб. Нажимаю на гашетку — нет выстрела! всё остальное — без осечки... У неё на руках собачка маленькая, болонка, носом сразу повела недовольно.

В общем, все наши старания рухнули. Пришлось поворачивать и грести назад. Так и не смог я эту девушку очаровать. Хотя запомнит она меня, думаю, надолго.

*



Сваха

Хабар

*Кориун нёс в когтях куропатку, а она кричала: «Я за него замуж выхожу!»
Керо ше хьош, — “Маьре юг со!” — яхаш цлогла дийттад ловдалча моашас.*

Ингушская пословица

— Махмуд, а ты как подбирал жену?

— Строго по науке... После армии устроился мастером швейного комбината в Назрани, вскоре назначили начальником. Коллектив — одни бабы, больше ста человек. Три категории: замужние, незамужние, разведённые. Я тогда холостой был... Девчонки сильно в меня влюблялись, но романы с ними не крутил — в Ингушетии находимся. Потом думаю: «Чё я сижу, сложа руки, начну-ка изучать женскую психологию. Как говорится, пользуясь служебным положением». Там склад готовой продукции, между складом и цехом — столовая. Перегородка тоненькая из ДВП. А бригадирша у меня пре-еданная... Пытай-расстреливай — не сдаст. Не замужем, я с ней крепко дружил и ладил. Вызываю её к себе в кабинет и поручаю:

— Зухра, возьми одну замужнюю, одну незамужнюю и разведёнку.

— Зачем тебе?

— Слушай, не перебивай! Предложи им в столовой попить чай, но садитесь обязательно за тот столик, который стоит у перегородки.

— Что придумал?!

— Не перебивай, говорю... Заведи разговор о замужестве, о мужиках, дихон. Хочу подобрать себе невесту. Поняла?

— Поняла, поняла...

Сам иду за перегородку, сажусь на баулы — заранее приготовил — устраиваюсь поудобнее, жду. Слышу, пришли, стульями елозят, рассаживаются, наливают чай, и бригадирша начинает:

— Аза, ты замуж-то когда?

— Аза, не ходи! — перебивает разведёнка.

— Почему? — девичий голос тонкий, удивлённый.

— Да все мужики дураки! На уме одно. Что ни делай, им не угодишь. И главное тебе — нельзя ничего, им — можно всё! И ещё оправдание найдут в книгах... Знала бы, никогда не вышла.

— Может, тебе просто не повезло?

— А кому повезло?!

— Мой, вроде, ничего...

Это замужняя! — угадываю я по голосу... Эсет.

— Бывает, конечно, повздорим — не без этого, но быстро миримся. С ним главное не спорить. Потом потихоньку-помаленьку делай, как знаешь.

— А часто пристаёт?

— Часто... — смеётся Эсет. — Вечером хоть поздно приедет, всё равно сигналит, сигналит... сам ворота никогда не откроет — вид не сделаешь, что спишь. Иду встречать и, бывает, не разуваясь, тащит в спальню... На ушко шепчет: «Телу — время! Потехе — час!» Уверяет, что это ингушская пословица.

— А больно?

— Только первый раз. Потом приятно... У него ещё вторая жена, мы сперва с ней всё отношения выясняли, но он предупредил: «Не прекратите грызню, возьму третью жену, вас закрою. И ни копейки вам, ни удовольствий не будет». А как дети пошли один за другим, нам уже стало не до склок...

Я сижу, всё слушаю, анализирую... Не ради любопытства — с познавательной целью.

— Свекровь как относится, свёкор?



— Уважают, подарки дарят.

— А у меня подружка замуж вышла, свёкор вечно недовольный, вечно орёт... Она два дня не решалась в туалет сходить, никак освоиться не могла — терпела.

— Поначалу и у меня было всяко, сейчас живём отдельно — проблем нет.

— Боюсь.

— Чего...

— Украдёт какой-нибудь абрек в рабство, в гарем, и реви потом всю жизнь...

— Это как повезёт.

И чешут, и чешут языком. Советуют молодухе:

— Сразу не поддавайся, а то подумает, что до него уже с кем-то была... Ревновать станет.

Порой еле сдержишься, чтоб не расхотаться...

На другой день бригадирша следующую троицу подтаскивает:

— Пойдёмте, попьём чайку, пока начальника нету.

А начальник — на боевом посту! «Тысяча и одна ночь», Александр, все эти сказки Шахерезады — скучное чтиво по сравнению с моим онлайн-спектаклем. У каждой девчонки в голове особый мир! Хочется ведь пооткровенничать... А между нами, девочками, какие могут быть секреты? Одна ждёт принца на горячем коне, чтобы обязательно её украл: «Значит, настоящий кьунах! Значит, любит!» Другая верит, что отец подберёт ей достойного жениха... Пять лет я вёл эти научные наблюдения, коллектив ведь постоянно обновлялся, ротация шла. Благодаря этой исследовательской работе я подобрал себе хорошую жену. Знание женской психологии пригодились и после женитьбы: помогал молодым найти друг друга.

— Сваха?

— Так выходит... Многих помирил, Александр. Полгода живут, год живут, дихон, потом или характерами не сходятся, или свекровь рассорит, и молодуха убегает. Я мирил...

— Как?

— Выясняю, в чём конкретно проблема? Если не могут отделиться, даже квартиру им снимал... Денег не хватает на семью, помогал мужу устроиться на работу — знакомых у меня много, сам видишь! Бывает, муж в горячке ударит: ночью вызывают не милицию — меня. «Жена ушла из дому, дети маленькие, помоги вернуть!» Причины разные... Месяц назад парень женился на городской девушке, а у них скотины полон двор: овцы, коровы, куры, лошади. Она, как сноха, должна вставать первая, ложиться последняя, вся живность — на ней, а она до замужества корову видела только по телевизору. Да ещё ребёнок появился... Мужу поставила ультиматум: или мы отделяемся, или ухожу. Муж просит: дай годик, будет свой дом. Она — ни в какую, собрала манатки — усвистала домой. Муж, свекровь, свёкор — по очереди ко мне:

— Помоги вернуть!

Я утром — к ней на квартиру, она с отцом жила. Звоню. Дверь открывают...

— Салам алейкум! К вам гости.

Впускают, делать нечего... Гости не имеют права не впустить. Я раздеваюсь, сажусь беседовать с отцом и — до отбоя, дихон, пока тот не начнёт клевать носом, из квартиры не ухожу: с ним кушаю, в шахматы играю, истории всякие рассказываю, он мне байки... О том, для чего пришёл фактически, — молчу. Никаких просьб, никаких уговоров вернуться... Я решил взять их измором... сесть на мозоль и не слезать, пока сами не выбросят белый флаг. Один день закончился, наутро я опять у них. Второй день, третий, пятый...

Ровно неделя прошла.

Они уже стали побаиваться за мою психику... всё ли нормально. Но впускали, терпели, беседовали. Я с утра до вечера у них на глазах, сижу, улыбаюсь. Квартира двухкомнатная, а там ещё женатый брат с детьми... она с ребёнком, сестра... Протолкнуться невозможно! Табор! Потому утром уж я как сел на одно место, больше не двигаюсь. Целыми днями с этим стариком, за неделю закадычными друзьями стали. На седьмой... ровно на седьмой день старик дочку вызывает:

— Я тебя умоляю... Как отец... Хочешь, на колени встану... Если тебя будут обижать — заберу. Но остальное потерпи годик, прошу...

Ей деваться некуда. Собралась, отвёз её назад к мужу.

Сегодня у них пятеро детей, живут отдельно в своём доме.

Живут — не нарадуются.

*



Устаз вольной борьбы

Хабар

*Настоящий мужчина не имеет цены.
Дикачу кьонахчун хам баъ варгвац.*

Ингушская пословица

Фото автора



Султан Батыров не просто тренер и учитель — Устаз вольной борьбы.

Устаз в том смысле, что воспитатель, спортсмен, тренер, духовный наставник — в одном лице. Он оказался тем самым тренером, которого Илез Даурбеков боялся больше отца, когда тайком сбежал на срочную службу в армию. «Если б я был Султан...» Опять я пытался на себя примерить выкройку чужой судьбы и... не смог. И ещё для меня осталось загадкой: я усердно тралил Ингушетию, а Султан едва не проскочил мимо... Факт. На слуху почему-то совсем другие люди... Вот на эту тему размышления самого Султана:

— Соседка собак держит. Собирался уходить от неё из гостей, она мне: «Сидеть!» — окриком и жестом, по привычке. Я-то остался стоять — плохо поддаюсь дрессировке — а все обычно исполняют команды. Кругом нужны люди зависимые, послушные.

Как православный верующий убеждён: сам Бог подарил мне встречу с Султаном.

Это рассказ о настоящем человеке.

Однако обо всём по порядку...

Вольная борьба



В спортивном зале города Малгобека, где мы встретились, на стене скотчем приклеена ксерокопия стенограммы заседания Совета по развитию физической культуры и спорта Российской Федерации от 9 октября 2014 года в Чебоксарах. Две строчки выделены жёлтым маркером: «Существует большая разница в обеспеченности спортивными сооружениями у разных субъектов федерации: например, в Калуге 66 процентов, в Ингушетии — 8,8%».

— Я не поленился, — признался Султан, — сделал ксерокопии, раздал своим начальникам от спорта, чтоб в курсе были. Станут ли теперь утверждать обратное и опротестовывать слова Президента РФ? Обычно я захожу в республиканское министерство спорта и, подражая Маяковскому, декламирую:

Долой футбол, долой хоккей
И всё такое прочее!
Я обожаю спорт иной,
Шары в штанах ворочая!!! [1]

Улыбаются...

Они — улыбаются, а я чуть не плачу.

Мы мусульмане, но у нас корты, бассейны общие. Естественно, девочки туда не ходят — они выпали из системы физической культуры. А им рожать... Это — будущие матери, здоровье нации. У немцев поговорка: «Воспитывая мальчиков — воспитываем воинов, воспитывая девочек — мы воспитываем нацию». Зайди в любую школу на урок физкультуры: девочки в юбках до пят, длинных платьях сидят в сторонке, смотрят, как мальчики по грязи мяч таскают. Физрук, как правило, родственник директора школы, не ведающий, что такое физкультура: в шляпе, с сигаретой во рту, в длинном плаще, в лакированных туфлях вместо кроссовок... Вот и вся физкультура. Во многих школах нет даже спортивных площадок, ни говоря про залы.

Раньше послать спортсмена на сборы было проще. Сейчас юноше нужно не меньше трёх тысяч суточных. Мужика посылаешь — до шести тысяч. Суточные: питание, размещение, медицинский контроль. Отправить одного на две недели — 60-70 тысяч. А в коммунистические времена спортсмен 300 дней в году проводил на сборах. Коммунисты знали и как правильно кормить борцов: на столах оставались икра, изюм, курага — такое питание было у спортсменов. Естественно, вольника, шестой номер, можно было везти на Европу, и он выигрывал. От правильного, сбалансированного питания очень многое зависит. Китайцы у нас переняли... А сперва-то я, как все тогда, полагал: «СССР — тюрьма народов, КПСС — партия мракобесов, и сразу, как уйдут коммунисты, наступит рай. На другой же день». Надеялся на это.

Как в том анекдоте:

Самолёт только набрал высоту, в кабину заскакивает террорист:

— Кто командир корабля?

— Я.

Убивает, задаёт вопрос оставшемуся пилоту:

— Кто командир корабля?

— Ты.

— Молодец! Правильный ответ. Курс меняем.

Когда страхи улеглись, второй пилот спрашивает:

— Если бы я ответил так же, вы б меня убили?

— И тебя бы грохнул.

— А кто б тогда самолёт повёл?

— Я так далеко не думал.

Вот это как раз про ингушей.

Абсолютно никакой прозорливости... Что будет завтра? Никто не думал.

Я тоже кинулся в омут сломя голову, и сегодня... сам видишь! сижу у разбитого корыта: обшарпанные стены, на них сантиметровый слой плесени. На днях заглянул к нам Евкуров, увидел, где тренируется сборная республики, — ошарашенный покинул зал. Основные



спортсмены работают на этом порванном ковре... Нет никаких условий: ни выезда на соревнования, ни учебно-тренировочных сборов, ни медицинского контроля... Вчера, по итогам визита Главы, нашпаренные, появились строители:

— Побелим зал.

— Закрасить плесень? Не разрешу. Сперва надо до штукатурки очистить, высушить, — это я специалистам объясняю, — им лишь бы замазать, лишь бы блесло: «Смотрю — блестит, подхожу — блестит, беру в руки — сопля...» Они знают, как надо, но тогда не останется себе. У нас если два ингуша встречаются, старше, младше — без разницы, — первый вопрос после традиционно протокольного рукопожатия, дежурных расспросов о здоровье-семье... задают такой:

— Работаешь?

И если ты ответишь: «Да». Второй вопрос непременно:

— Есть ли возможность дополнительно отжать? урвать? деньги сделать?

Иными словами, «воруешь ли ты?»

Но ведь хотеть воровать мало, надо знать как. Учиться надо. Наши не учатся. В советские времена ингуши ездили на шабашки. Помню, в Краснодарском крае директор совхоза искал на работу главного бухгалтера и у каждого претендента спрашивал: «Сколько будет дважды два?» Кто отвечал «четыре», тех не брал. Искал того, кто ответит: «А сколько нужно?» Мой друг предложил иной вариант. На вопрос «сколько будет дважды два?» ответил:

— Семьдесят четыре.

— Почему это?..

— Пятьдесят — мне, двадцать — тебе, четыре — государству.

Сейчас государству ничего не хотят оставлять, даже «четыре». А их отдать надо, эти «четыре». Из их расчёта всё остальное строится. Наши на папины деньги получили диплом, на папины деньги купили должность, «дважды два» у них получается только «три». И ещё эти «три» они тырят. Мне по душе четверостишие Омара Хайяма:

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть,
Лучше кости глотать, чем прельститься страстям,
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Это — моё кредо!

И когда остаёшься «сам на сам», всматриваешься себе в душу — чувствуешь «прав». Я распечатал это четверостишие, раздал чиновникам от спорта — своего рода тест на порядочность. Не было ни одного, кто б не скривил рожу. Беда в том, что благодаря Советской власти мы воспитали несколько поколений жуликов. У писателя Рамазана Цурова в рассказе «Край крайностей, или Кирпичи ингушского менталитета» есть забавный фрагмент: «Ингушский муниципальный чиновник так же уродлив и вороват, как и общероссийский, но отличается от него тем, что не занимается своими прямыми обязанностями вообще, если это не сулит ему какой-нибудь дополнительной выгоды, помимо зарплаты».

Воронь-ёоо — чиновничь-ёооо, — в рифму радостно промурлыкал Султан.

— Мне встречались другие...

— Не знаю, не знаю... И ещё: если на большей территории страны действует только Конституция Российской Федерации, то в Ингушетии: Конституция РФ, ингушские адаты со времён Ноя, шариат, ибо мы — мусульмане и, веяние времени, — воровской закон. Кто банкует, тот определяет: что в данный момент для него важнее, свою правду он найдёт по любому. А бедолага — как придётся...

Как Вам помочь — не представляю! Вам ведь нужен позитив?!

— Только позитив! И он есть...

— Какой?

— Вы — живой, невредимый! Пройдя все передраги, исторические перипетии 90-х. (В нашей стране «жив» — уже подвиг!) У Вас есть желание работать. Глава республики лично интересуется Вашей судьбой, делами, готов помогать. Целая череда плюсов. У Вас сказочно-огромный авторитет среди молодых спортсменов. Всё это дорогого стоит... Этого не купишь, не достанешь по блату, не получишь по наследству... С Вами Бог!



По всему видно, Султан не ожидал такого поворота и смягчился:

— В сентябре этого года исполнится ровно сорок лет, как получаю зарплату тренера. Результаты на самом деле есть.

— Вот!..

— Может, просто настроение сегодня дурное... Когда расположение духа неважное, объясняю неудачи в работе плохой материальной базой, когда хорошее — своими недоработками. Ещё держу в поле зрения воспитанников из соседних регионов, сравниваю... Дагестанские ребята, борцы, очень работоспособные. Тренер заканчивает тренировку, уходит из зала — они одни, без понуканий, в два раза больше работают. Их министр спорта как-то признался: «Если сторож отдаст ключи от спортивного зала — тренер может не приходить. Сами выберут себе старшего, сделают разминку, с усиленной нагрузкой отработают тренировку». Такие они... Здесь нет. Здесь так не прокатит. Здесь построил, дал задание... А что значит «дал задание»: предельно заострил внимание, несколько раз популярно объяснил необходимость именно этой программы, вышел в раздевалку или отвернулся — всё... Идрис залез на канат, Ахмед хочет достать ногами Михаила...

— Романтики? — предположил я.

— Центральная нервная система... Да, да... Центральная нервная система.

В исламе существует такое понятие «сабр». Одним словом не объяснишь — это терпение, стойкость, решимость, настойчивость, постоянство. Так вот этого «сабра» ингушам при делёжке не додали... И это объяснимо: нас постоянно то в ссылку отправляют, то заживо жгут, то по голове стучат тяжёлым... Не дают сосредоточиться, выковать постоянство.

Кирпичики ингушского менталитета

— Не понимаю ингушей, которые восторгаются своим дворянским происхождением.

— ?

— Да, сейчас некоторые с гордостью заявляют: «Мы были дворянами!» Чем кичатся? В Ингушетии никогда не было сословий. «Свободный независимый ингуш» — какой статус может быть выше этого? У нас был институт уважаемых старцев «большие люди». Вот эти «большие люди» решали всё. После присоединения к России общественный институт исчез, потерял своё значение. Старцев заменили люди служивые, назначенные царём — не выбранные. Уже к ним стали обращаться. А что такое «дворянин»? — человек при дворе у князя, у царя. Плебей! Зависимый от властителя человек, козырная, но «шестёрка». У древних ингушей — Совет старцев — Мехк Кхел, который выбирался самим народом и распускался самим народом. Их решения не обсуждались — выполнялись. Хотя у них не было аппарата подавления, не было милиции-омона, чтобы навести порядок. Единственный рычаг — увещевание. Однако и тебе самому нужно было жить в обществе, поэтому ты вынужден был исполнять решение Совета страны, чтоб не стать изгоем.

Но ингуши пошли за большевиками, свергли царя.

Ингуши поддержали Советскую власть массово. Безоговорочно.

Я не знаю, кто подбросил нам коммунистическую идеологию, но сейчас понимаю: сделали это, чтобы лишить ингушей завтрашнего дня — сто процентов. Как только ты записался в партию — стал безбожником, не успели чернила просохнуть. Нормальные люди туда не шли — шли те, кто наплевал на молву. Такой человек наплюёт на что угодно. Они выучили своих сыновей, те — своих сыновей, и теперь эти жулики нами управляют.

А в той России, которую мы называем паршивой, царской, для мусульманских героев — офицеров, солдат — были особые, адаптированные воинские награды Российской империи, без креста. Ты не ищи логики в моих словах, Александр. Её нет там. Я — сын своего народа.

Я слышал, как ингуш однажды утверждал:

— Наш род произошёл от Ноя.

— Но у Ноя много сыновей, вы от которого?

Он зло сверкнул глазами:



— Непосредственно от Ноя.

Они не хотят быть потомками сыновей, соглашаются только от самого Ноя. Иногда это граничит с «манией величия». Несерьёзно. У меня есть козырная карта: мы все — человеки, мы все — от Адама.

— Надеюсь, ты говоришь не о Главе администрации Малгобекского района? — уточнил я.

— Нет, он слишком молодой.

После обеда посылаю детей: «Помойте свою посуду!» Племянник сполоснул чашку, взметнул над головой, как знамя, летит с вестью:

— Моя часка самая чистая! Моя часка самая чистая!

Букву «ш» не выговаривает, но мнимое первенство не уступает.

Вот от этого мы никак не можем отделаться. Не знаю, откуда эта особенность... но она сохраняется, переходит из поколения в поколение. Уверяют, мы тут — ни при чём. Штрих такой к национальному портрету!

Кого угодно ты на свете обвиняй,
Но только не меня, прошу, не меня. [2]

— Точно!.. У одного ингушского писателя есть рассказ: во время высылки молодой горец вступает в неравный бой с карателями, не сдаётся и прыгает в пропасть. Последнее, о чём он подумал: «Как нелепо я лечу...» Он не подумал о Боге, о родственниках, об истерзанной Родине. Представь себе!.. Так мог написать только ингуш. У нас даже есть анекдот по этому поводу.

Река Асса потоком сбила ингуша с ног, несёт его в бурных водах, колошматит головой о камни, о корни... Он тонет, впору орать: «Караул! спасите! помогите! тону!» — и вдруг замечает на берегу приезжих. Ингуш собирает всё своё мужество в кулак, будто не его несёт своенравная река, а он её, принимает осанку и с непроницаемым лицом интересуется:

— Парни, чем могу вам помочь?

Если ингуш свалится с небоскрёба, то не станет орать, пролетая мимо ошарашенных зевак в окнах, — сделает вид, что тренируется. Ингуши — рискованный народ, всегда непокорные. Хорошо зная породу своих соплеменников, я, на старости лет, предпочитаю стоять под окнами роддома, а не тюрьмы. Потому я больше радовался появлению дочек, чем сыновей.

Дух у них мятежный...

А как иначе?

В Казахстане невозможно было выжить, оставаясь приличным человеком: приходилось убивать, воровать, грабить. У Идриса Базоркина в романе «Из тьмы веков» дана точная характеристика моего народа: «Трудолюбие, вечная борьба за кусок хлеба, взаимная поддержка в течение веков выработали в ингушах презрение к попрошайкам, бездельникам и лентяям. Они всегда были очень бедны. Но многие из них готовы были нищенству предпочесть голодную смерть. А голодной смерти — разбой».

И ещё старики говорили: «Если на обрубок дерева надеть милицескую фуражку, то этот обрубок дерева попал бы в ад». Такой беспредел творили власти.

В те времена начальником НКВД у нас в республике служил такой Погибов.

Приезжает он к начальнику милиции в Орджоникидзеvскую, учиняет разгон:

— Осман, чё сидишь? У тебя на участке в горах абреки — сыновья Бай-Мурзы распоясались. Давай, поднимайся, поедem в горы, заберём их, ещё полазим, заодно посмотрим, почистим горы... Давай, чего сидеть? Я солдат взял.

Александр, веришь-нет, Осман мне сто раз об этом... уши прожужжал! но каждый раз при встрече по новой уточнял: рассказывал или нет.

— Доезжаем, — говорит, — мы до Галашек, там нас щедро угостили: зарезали барана, напоили до чёртиков... Вспомнил Погибов про службу и пошёл впереди всех в горы по узкой единственной тропе. Растянулись мы длинной вереницей, коней на поводу ведём. Добрались до первых башенных развалин: на камнях мальчонка сидит, укутавшись в плед, овечек пасёт. И тут начальника после сытного ужина потянуло в туалет. А сортиров тогда не было, иначе всех абреков уже в те времена замочили бы в сортирах. Отдал мне поводья лошади:



— Осман, поддержи, — сам пристроился под грушей.

Оправился, встал повеселевший, галифе подтягивает и мальчугану кричит:

— Пастушок! Пастушок! Иди сюда.

Мальчишка безропотно пошёл на зов, прыгает с камня на камень, приближается. Смотрю, что-то больно ловко он прыгает, хоть мальчик ли это? Закралось какое-то нехорошее у меня...

Погибов ему:

— Ты случайно тут не видел чужих людей?

Тот резко скидывает плед... А это один из сыновей абрека Бай-Мурзы.

— Чужим здесь нечего делать. И ты сейчас своё добро собери и проваливай!

Я только потянулся к нагану, он сразу:

— Осман, ещё раз шевельнёшься, прострелю голову и тебе, и этому ослу! — а стреляли дети абрека без промаха. Револьвер направил на Погибова: — Собирай живо!

Тот стал лопухи рвать...

— Руками, руками!

Делать нечего, всё сгрёб, набил карман комиссарской кожанки ослиным дерьмом — карманы у них вместительные — и мы задом, задом, оглядываясь, спустились по тропе к солдатам, развернулись и... «пошли они, солнцем палимы» в обратный путь, до Галашек. Оттуда я поехал к себе в Орджоникидзевскую, а он в «Насрань» — так с тех пор называю я этот славный город.

До самой смерти Осман, как выпьет, всякий раз допытывался: «Я тебе рассказывал, как мы с Погибовым поймали сына Бай-Мурзы?»

— Ингуши разные, — вставил свои три копейки я. — Каждый мечтает об уважительном отношении, мечтает о любви... А то, что любят прихвастнуть... Так мне самому — дай похвастать, хлебом не корми. Это защитная реакция человека: если нет очевидных плюсов, человек пытается ущелье заполнить дымом. На Кавказе на сей счёт есть две пословицы: «Пустая бочка сильнее гремит», «Налитый колос склоняет голову к земле, а пустой горделиво топорщится».

— Верно! — Султан хрипло рассмеялся. — И ещё отец говорил: «Хороших людей больше, но плохие лучше организованы». Не знаю... Может, веры нам не хватает?

Не только ингушам — всем нам?!

То, что сегодня на земле идут войны, — это язычество, не почитание Бога. Как бы зачинатели себя ни величали, ни позиционировали, в какие бы одежды ни рядились. Красивыми лозунгами прикрываются, но ничего божественного в них нету: «Опять эти проклятые апачи! Вали на серого!» Кто громче всех кричит — и есть язычники.

Для таких самое последнее дело признать свою вину.

Люди, верующие в Бога, в его могущество, не станут воевать. Это не природный страх — вера в Бога, вера в Его милосердие, любовь. Стыдиться веры — значит, стыдиться добра. Верующий человек почитает Бога, как своих родителей, выше даже... ты можешь довериться ему всецело.

Хотя ингушей трудно назвать миротворцами...

Раньше существовал такой порядок: если хозяин нанимал мастера для ремонта родовой башни, он обязан был сперва его сытно накормить, только потом отправлял на леса, на высоту — работать. Если ремонтник упадёт с лесов голодный — виноват хозяин (ему тогда с тейпом погибшего не рассчитаться), если сытый — виноват мастер. А ингуши по натуре заводные, и, умирая, каждый мечтает, что за него отомстят. (Даже если в смерти виноват сам.) И вот один шабашник наелся у хозяина до отвала, стоит на лесах, ковыряет спичкой в зубах, равновесие не удержал и свалился с башни... Летит и на всю округу вопит:

— Со меца ва! Со меца ва! Со меца ва! Я голодный!..

За компанию с хорошим человеком ему веселее отправляться на тот свет.

А возможно, вся проблема в том, что мало осталось настоящих мужчин.

Повымерли, повыбили их... Повыветрились.

У нас строго разделяется «мужчина» и «особь мужского пола».

Мужчина — это къунах. Расстояние от него до святого — один шаг.



Знание — сила!

Фото автора



— Александр, рассказывать об Ингушетии, стоя в обшарпанном спортзале, — безвкусица!

— Моветон.

— Он самый... Поедем в горы, к нашим родовым башням и там, на природе, с шашлычком из молодой баранины, продолжим.

— !

— Пусть не родиться, не жить в этих башнях — хотя бы думать в их присутствии, беседовать, и мысли в голову придут особые... глубокие, достойные.

Ученики Султана настойчиво предлагали любимому тренеру свои услуги, но он сам! сел за руль и повёз меня в горы... Вёз, ни на минуту не переставая открывать всё новые и новые грани Ингушетии. Нас никто не отвлекал, не досаждал, не мешал сосредоточиться на беседе...

— Мой отец всегда объяснял: «Когда свершилась революция, все, кто лужгал семечки на центральных площадях, все пошли во власть и получили свою долю». Старики рассказывали:

Председатель сельсовета и бухгалтер селения Инерки прибыли в столицу молодой Горской республики Владикавказ. Их спрашивают в канцелярии:

— Откуда вы?

— Из селения Инерки.

— Получите деньги для малоимущих.

Получили они деньги и один другому шепчет:

— Кроме этой русской женщины, ведь никто не знает: дали нам деньги или нет. Что она понимает?

— А если настучит?

— Откуда знает, кто мы такие? Давай деньги разделим!..

Проходит полгода — их пропечатали в передовице.

Один к другому приходит с газетой:

— Полюбуйся, что про нас пишут... Что делать?



— Кто ещё видел эту газету?
— Никто.
— И никому не говори, а я спрячу её так, что никто не узнает. Под подушку.
Только разошлись довольные, к бухгалтеру приходит сосед с газетой:
— Про вас такие нехорошие вещи написаны.
— Откуда знаешь?
— Читал.
— Как ты мог читать, если газета спрятана?
— Вот она.
Бухгалтер хватается газету, бежит к председателю:
— Беда! Смотри, кто-то украл твою газету и показывает людям.
Вот такие люди попали во власть.

А может, не надо переживать, не надо созидать?! Плыть по течению и плыть.
Но как тогда БЫТЬ?..
— «To be or not to be?» Мне нравятся размышления на эту тему Аксакова [3]:

Зачем душа твоя смирна?
Чем в этом мире ты утешен?
Твой праздный день пред Богом грешен,
Душа призванью не верна!
Вокруг тебя кипят задачи,
Вокруг тебя мольбы и плачи
И торжествующее зло,
А ты... Ужель хотя однажды
Ты боевой не сведал жажды,
Тебя в борьбу не увлекло?

Ты возлюбил свое безделье
И сна душевного недуг.
В пустых речах, в тупом веселье,
Чредою гибнет твой досуг.
На царство лжи глядя незлобно,
Ты примиряешься удобно
С неправдой быта своего,
С уродством всех его увечий,
Не разъяснив противоречий,
Не разрешая ничего!

Пред Богом ленью не греси!
Стряхни ярмо благоразумья!
Люби ревниво, до безумья,
Всем пылом дерзостным души!
Освободись в стремленье новом
От плена ложного стыда,
Позорь, греми укорным словом,
Подъемля нас всевластным зовом
На тяжесть общего труда!

Безумцем слыть тебе у всех!
Но для святыни убежденья
Полезней казни и гоненья,
Чем славы суетный успех.
О, в этой душной нашей ночи,
Кому из нас бесстрашной мочи
Достанет правду возлюбить?
Кто озарит нас правды светом?..
Одним безумцам в мире этом
Дано лучей её добыть!..

— Сильно! — Султан погладил бороду рассеяно глядя поверх гор.
И вновь глаза озорно вспыхнули:



— Другие не уважают — можно переехать, поменять место жительства. Сам себя не уважаешь — никто не поможет. Ты себя знаешь лучше, чем кто-нибудь. Сделай так, чтоб, оставшись в одиночестве, признался: «Я сделал всё, что мог!» Тогда Бог будет с тобой. Если иначе — вставай в общую очередь и не обессуди, коли очередь до тебя не дойдёт. Нельзя успокаиваться, надо трудиться, рвать зубами... Грызть гранит науки! Именно «грызть»! — не просто кушать... С элементами фанатизма! — не спуская рукава относиться к делу. Только так можно добиться значимого результата. Избрать цель и к ней идти, зная, что за все деяния придётся ответить. Не надо убаюкивать себя, что, может, не придётся отвечать. За всё придётся. Из твоего марева грехов никто и капли не возьмёт на себя, в твою могилу никто другой не ляжет. И ты не сможешь никого заменить. Каждый за себя, индивидуальная ответственность за содеянное.

И мне нравится, что так — пофамильно — не списком.

— «Человек краснеет в одиночку».

— Да, не отмажешься: «мы с товарищами посоветовались и решили...» Нет, брат. Ни подельнику, ни соратнику, ни маме, ни начальнику твоя краска стыда на лицо не перекинется, как зарево. Ни «мохнатая лапа», ни деньги, ни обком партии, ни всеильные родственники за границей — не помогут.

А знание — действительно сила.

Сила не только одолеть другую силу. Знание даёт силу быть человеком.

Я никогда не выигрывал в споре с невежественными людьми и никогда не проигрывал в споре с мудрецами — всегда для себя получал от них что-то полезное. Первая книга, прочитанная в детстве — «Подвиги Геракла». Как сейчас помню иллюстрации: в колыбели младенец Геракл душит двух больших змей, посланных Герой, чтобы умертвить его. Я, как пел Высоцкий, «нужные книжки в детстве читал». А сейчас смотрю на детей — даже сказки не читают. Аллах поставил печать на их сердца и взоры их закрыл завесой.

В первый класс я летел радостный, вместе со старшим братом, поскольку читал лучше его, но, когда узнали, что мне пять лет, выгнали из школы.

Выгнали в первый раз.

— ?

— Да, Заслуженному тренеру России непедагогично признаваться в этом, однако был и второй. У нас директор школы нарушителей дисциплины — если какие-то отклонения усматривал, — бил по голове кулаком. Дошла очередь до меня... Не больно, но как он посмел?

Негодяй!

И я предупредил:

— На первый раз прощаю, но в следующий... ты горько пожалеешь. Смотри! Я не позволю обращаться со мной, как с другими.

Директор не ожидал такой реакции, растерялся и, по-моему, был напуган.

Он ничего не сказал, а на следующий день вызвал в кабинет для беседы и предложил:

— Если ты сейчас уйдёшь из школы, выдам тебе табель, подтверждающий, что ты хорошо учился. С этим табелем поступишь в вечернюю школу, десятый класс закончишь там. Уходи по-хорошему. Не баламуть народ.

И я шагнул за порог школы в самостоятельную жизнь.

Шагнул уверенно...

Никогда не повторив педагогической ошибки директора.

Я всегда уважал человека и высоко ценил знания. Помню, ехали на сборы в Крым. Поезд, духота, мои ребята заняли половину плацкартного вагона, я сижу чуть в отдалении, дремлю. За стенкой два старика и женщина лет пятидесяти распаляются:

— Ну, может из вас хоть кто-нибудь назвать города-герои?

Тишина. Гробовая тишина в ответ...

И тут наш Жорик вызывается:

— Я могу.

— Назови.

— Москва, Ленинград, Сталинград, Тула, Мурманск.

— И всё? — старик ехидно рассмеялся. — А Брест, Минск, Киев, Новороссийск, Севастополь, Одесса?..

И тогда этот мальчик тринадцати лет ему отвечает:

— Не может быть город героем, если он сдался врагу.

Старик ни звука больше не проронил. Молчал до самой конечной станции. А я, довольный ответом воспитанника, снова задремал. Женщина только никак не могла уговориться:

— Вы что, не русские?

— Не русские.

— Я в русской школе на Украине преподаю язык, литературу и не слышала за всю свою практику, чтобы дети так чисто, с такими красивыми речевыми оборотами изъяснялись.

Невежество — извечный наш недуг.

Лет десять назад в горах бесхозным было всё: родовые башни и могильные склепы открыты, туристы шакалили по всем закуткам в поисках сувениров. Поднимаюсь один раз к башням в Хамхи, мимо — туристическая группа — пеший маршрут в Вовнушки. Основной состав прошёл, а какой-то ушлый мужичок у могильника крутится. Я ближе, поинтересоваться... А он уже вытащил череп из усыпальницы, отбивает лишние кости.

— Ты чего делаешь?

— Хочу пепельницу смастерить.

— Как пепельницу?.. Это ж... останки человека!

— Ну и что?

— Какой ну и что?..

Фото Евгения Шивцова



Дал ему в ухо, он скатился в могильник и как раз группа возвращается. Сдал этого бедолагу им на поруки и решил, заодно, прочитать короткую лекцию:

— Скифы, когда кочевали по этим землям — оставляли за собой могильники, где хоронили своих воинов в богатом убранстве, с оружием, — туристы стоят пересмеиваются меж собой, женщины в основном. — С тех пор местные дикари-туземцы эти могильники ни разу не тронули, не нарушили покой усопших, считая подобное святотатством. Так это было в третьем веке нашей эры. Вы же, бляди, живёте в XXI, небось ещё высшее образование получили...

Какие пепельницы вы хотите делать из человеческих черепов?!

Это вам что, Майданек? Как не стыдно? А?!

Перестали хихикать, притихли.



Фото автора



Невежество, жлобство и в спорте абсолютно недопустимы.

Я прививаю своим ребятам уважение к другим людям, благородство. Возможно, не прав... У меня каждый раз скребут на душе кошки, когда мой ученик не добивает соперника, получившего травму, а проявляет великодушие... иногда ценой победы. Рабочие моменты, в вольной борьбе случаются. И я каждый раз чувствую себя виноватым: это я его учил так поступать. Проходит время, вроде нужно сделать выводы, пересмотреть свои взгляды... возраст обязывает... но я опять за своё, опять возвращаюсь к тем же советам. Не получается! Для меня главное воспитать достойного человека, потом уже выдающегося спортсмена. Когда интересуются: «Почему не одёргиваете детей, не требуете, чтобы они к Вам обращались по имени-отчеству, Султан Магомедович?»

— Я не достоин того, чтобы моё имя произносилось вперёд имени моего отца.

Уважение не в этом заключается и не от этого зависит. Сам не будь хамом.

И негоже учителю бить школяра кулаком по голове...

В последнее время бить по голове друг друга стало модным. Завоёвывают популярность «бои без правил», «кикбоксинги» всевозможные... — ударные по голове виды спорта. Смешные единоборства! У меня приятель отбывал срок, делился впечатлениями:

— Когда из тюрьмы на зону перевели, первое, — говорит, — что увидел: двух дерущихся. Один другого хотел ударить чугунной пепельницей по голове, второй уворачивался как только мог. И вдруг выплывает из какого-то закутка тщедушный старикашка... сухой-сухой... худой-худой, в руках оловянная тарелка, чашка с кипятком... Пружинистой крысиной походкой пытается прошмыгнуть мимо драчунов — не получается. Он голову в плечи втянул да как заверещит:

— По голове его не бе-еей!

О, Аллах! — восхитился я поступком старца, — оказывается, и в тюрьме есть люди, готовые вступить за слабого. Но не успел я порадоваться за высокий моральный облик старика, как он закончил свою фразу такими словами:

— ...Только по голове не бей! А то... срать будет, где попало.

Голову человека надо беречь, — назидательно произнёс Султан, — Плохо будет всем... близким, окружающим в том числе. В благополучной Европе уж до чего развит футбол... Однако они категорически запрещают на тренировках детям, юношам играть головой — для этого есть



специальные лёгкие мячи. Они берегут головы граждан. Когда в нашем государстве головы станут беречь, ценить их, оплачивать... вот тогда и у нас наступит благоденствие.

Фото интернет



Размышляя о сказанном

Я долго боялся: не расценят ли этот эпизод в книге как скрытую рекламу грандиозного шоу «Битва в горах» — «Бои без правил М1»? Но так к определённому выводу и не пришёл.

Рассказ Илеза Даурбекова о наставнике

— Султан — образец Къунаха!

Султан не просто Заслуженный тренер России, в Малгобеке не отыщете человека, кто бы не тренировался у него. Тысячи учеников, несколько поколений! Самые талантливые становились чемпионами Европы, мира. Он воспитал не только меня, но и моего отца. Он сделал из отца мастера спорта. Равного ему человека я не видел в России. Тысячи учеников, и к каждому Султан находит индивидуальный подход. Да разве одним спортом он занимается с нами?.. На каждом построении минут десять посвящает истории Ингушетии: сегодня одному вопросу, завтра другому... Я после службы в армии первым делом поехал не к отцу с матерью — к нему — потом только домой.

Однажды наш парнишка готовился выступить на чемпионате России и внезапно на тренировке, за две недели до начала соревнований, сломал руку. Султана в тот миг не оказалось, мы повезли пацана в больницу, гипс наложили. Возвращаемся в зал, мы — продолжаем работать, он — садится на скамейку. Куда со сломанной рукой? Любому ясно. Заходит Султан, увидел гипс:

— Это что такое?

— Руку сломал.

Словно не слышал, спрашивает опять:

— Это что такое?

— Гипс.



Берёт ножницы, срезает, выбрасывает в урну. Клянусь! Зимой было... Честное слово. Заходит в парилку с ним. Что там делал, не знаю, до сих пор понятия не имею, как вылечил?! Закрепил две деревяшки: по очереди прикладывал то холод, то в сушилку заводил, то в парилку. На двенадцатый день пацан поехал на соревнование и выиграл чемпионат России. Первый Президент Ингушетии Руслан Аушев про Султана Батырова говорил: «Единственный человек, которого встречаю в своей жизни, кто не желает быть чиновником. Каких только должностей я ни предлагал! На всё у него один ответ: помогите воспитывать ребят, растить чемпионов, больше ничего не надо!»

У нас бывали курьёзные случаи... Один спортсмен никак не мог на соревнованиях по вольной борьбе в Малгобекском районе подняться до третьего места... На районных соревнованиях! Родственник в частном порядке его спонсировал, он переехал в другой регион и, выступая за их команду, стал чемпионом Советского Союза. Так легче! Вернулся домой — опять районные соревнования, снова участвовал, и снова — призовые места не по зубам. У нас такие сильные спортсмены, такие волчары... просто денег нет выезжать на сборы, турниры, чемпионаты. Денег у Султана не хватает... Вот главная беда. Если бы нашему тренеру бесперебойное финансирование, он бы этих чемпионов штамповал.

А ещё он художник и патриот: именно Султан — автор символики ингушского флага, участвовал в разработке герба.

— И всё?

Фото интернет



Примечания:

[1] Народные частушки;

[2] Дербенев Л.П. «Этот Мир»;

[3] Аксаков Иван Сергеевич, публицист, поэт.

*



Два клика

Ахи

Ингушская курица заклевала не одного орла!

Ингушская поговорка

Фото автора



Франсуа Вольтер советовал: «Прежде, чем сочинять своё, лучше прочитай, что об этом писали древние греки». Полезный совет... И перед тем, как садиться за книгу, я решил изучить всё, что до этого написали о Стране башен сами ингуши. Это снижает вероятность ошибок, откровенных ляпов. Однако где взять такой объёмисте литературы? Приобретать в магазине — уйдёт состояние олигарха. Ну, допустим, купил, куда дальше с этой колонной фур (в один КАКМАЗ книги просто не влезут). Сидеть штудировать в читальном зале — уйдёт жизнь.

Интересный опыт изучил в Абхазии: во время вооружённого конфликта с Грузией у них уничтожили весь архив, и ценные, раритетные издания безвозвратно погибли для потомков. Что сделало руководство Абхазии первым делом, после того, как выстрелы смолкли? Они решили оцифровать произведения всех писателей абхазских, неабхазских, литературу историческую, краеведческую, художественную, религиозную — всю, где хоть одним словом, намёком упоминается их родина. Оцифровать и... выставить для всего мира, бесплатно, без всякой регистрации-мороки. (Десять лет назад я поступил так со своими произведениями...) Для этого им



пришлось купить один компьютер, один сканер и отрядить одного сотрудника института Литературы. За год «чел», не торопясь, оцифровал ВСЕ издания и разместил их в открытом доступе на ресурсе «Абхазской интернет-библиотеки», став одновременно её администратором. Этого молодого человека зовут Алексей Дбар, мне посчастливилось лично познакомиться с ним! Физические объёмы колонны грузовиков с литературой он ужал до одного выносного диска в 2 терабайта (выносной диск — такая коробочка, размером с сигаретную пачку).

А в Москве, «в сгоревшей библиотеке Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) оцифровку прошли только 7 тысяч книг из 14 млн (0,05%)». Некоторые книги были в единственном экземпляре в мии-ире! (Считай, погибла вторая Александрийская библиотека) [1]. Зачем такое счастье ингушам?

Если верить Штирлицу: никто ничего не понимает с первого раза, запоминают лишь последнюю фразу. Поэтому повторяю: для того чтобы оцифровать всю литературу по Абхазии, правительству понадобились воля, один компьютер, один сканер и один сотрудник сроком на год!

Всё.

Теперь абхазской литературой может воспользоваться по интернету — удалённо то есть — абхаз, проживающий в США и Германии, и даже не только абхаз, и даже не только в Германии.

Понятно, аналогичный вариант искал в Ингушетии. К тому же я искренне верил и сейчас продолжаю: иметь такое хранилище знаний, культуры, искусства, литературы в интернет-доступности для ингушей важно. Мало ли у них гибло фолиантов в годы Чеченской войны, мало ли уничтожили целенаправленно войска НКВД в 44-м, а сколько манускриптов, Коранов сожгли красные ингуши в первые годы советской власти в мечетях...

Выручил как всегда, Махмуд:

— Поехали.

— Куда?

— Поехали, увидишь!

Заинтригованный, я плюхнулся на пассажирское сиденье и замер, предвкушая.

А Махмуд, собака, молчит, сохраняя мхатовскую паузу. В итоге привёз меня в столицу Ингушетии, город Магас, и картинно подвёл к цветастой цилиндрической тумбе (на таких в царской России расклеивали объявления о приезде цирка).

— Вот.

— Что...

— То, что ты хотел... — Махмуд светился гордостью за Ингушетию, за свой талантливый народ.

— И? — не понимал я.

— Так вот библиотека, о которой ты прожужжал все уши.

Клянусь мамой, я чуть не разрыдался от досады...

— Махмуд, дорогой, это как раз тот случай, когда нужно не «зажигать», а «тушить».

— Что не так?..

— Попробую объяснить: в электронной библиотеке ассортимент — тридцать, от силы пятьдесят наименований, причём, среди них нет краеведческой литературы. Это никак не равняется государственному интернет-ресурсу с десятками тысяч авторов, которым можно воспользоваться даже верхом на лошади прямо из Джейрахского района или из штата Техас. Причём воспользоваться двумя кликами... «Электронная библиотека» в XXI веке... как бы тебе объяснить доступнее... Это — счёты пятого поколения! Махмуд, помнишь счёты с деревянными костяшками?

— Да.

— Ну вот, а эти — цветные, большие... с лампочками... счёты.

— Поехали.

— Куда опять?

— В Национальную библиотеку Республики Ингушетия, прямо к директору. Там ты в два клика сможешь скопировать всю нужную литературу.

— Другое дело.

На душе у меня посветлело... Благо, мы явимся туда не в качестве беспризорников: на руках у меня «подорожная» от Правительства Республики Ингушетия. Уау!



Фото Али Оздоева



...

Мы достаточно быстро покинули кабинет директора. На улице я перерыл все свои карманы в поисках флешки или диска с электронным вариантом книг ингушских писателей... но ничего не обнаружил.

— Махмуд, тебе никакого диска не дали?

— Нет.

— Вот тебе и «два клика»... «Наверное, не туда нажал», — решил я.

— «Ты – женщина, и этим ты права» [2], — философски заметил Махмуд.

На приёме у Главы Республики Ингушетия, Героя России Юнус-Бека Евкурова, я озвучил свою идею о создании ингушской интернет-библиотеки.

— Идея хорошая, но запоздалая... У нас в Национальной библиотеке давно все книги оцифровали, и там Вы сможете подобрать любую литературу. Раз нужно для работы, какие проблемы...

Действительно: какие могут быть проблемы, если сам Глава республики пообещал помочь. О том, что первая попытка была неудачной, я деликатно смолчал. Одно дело возможности Махмуда, совсем другое, когда подключается Легендарный Юнус-Бек, которого враги в страхе прозвали Ужас-Бек.

Но и в этот раз я рано праздновал победу...

Руководитель пресс-службы, которая взялась исполнить поручение Главы Республики, в назначенное время не отзвонилась, а потом и вовсе перестала брать трубку. И тут, на радость! я вспомнил русские сказки: ни в одной из них былинные герои не решал проблему, не побеждал коварных врагов, не доставал жар-птицу с ходу. Только с третьей попытки...

Ну с третьей, так с третьей...

Вы можете не поверить, но на другой день на приёме у Председателя правительства я вновь озвучил лишь одну просьбу: получить для работы над книгой об Ингушетии — не для коммерческих целей — цифровые копии национальных изданий.

— Нет ничего проще, — писательская просьба была столь мала, что Абубакар Мальсагов снисходительно усмехнулся и нажал кнопку внутренней связи.

Председатель правительства выделил мне служебную машину, порученца, и мы, с Богом, отправились... Проезжая мимо повизгивающего Махмуда, я на пальцах показал: «скоро вернусь».



...

Махмуда не обманул.

Мы действительно вернулись быстро.

Неожиданно быстро.

Считанные секунды мы провели с порученцем Председателя правительства в кабинете директора национальной библиотеки Республики Ингушетия и... оказались на улице. И опять, не веря своим глазам, я вывернул карманы, перетряхнул в поисках электронного носителя рюкзак и... опять ничего не нашёл.

— Вы не брали?

— Нет.

— Вот тебе и «два клика»... «Наверно, опять не туда нажал».

Ох, и поиздевался же надо мной Махмуд, ох, и посмеялся:

— «Нет женщин – / есть антимужчины!» [3].

— «Над кем смеётесь?..» Нет, что-то тут не так... Нужно сделать доступ к литературе свободным, убрать швейцаров, церберов на входе. Фёдор Достоевский понимал это очень хорошо: «Поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтет себя вправе смотреть на вас Юпитером ... “Дай-ка, дескать, я покажу над тобою мою власть...” И это в них до административного восторга доходит» [4].

— Александр, клянусь, не мог поверить, что такое возможно. У тебя получилось точь-в-точь, как в советском анекдоте. Помнишь?

В СССР объявили месяц вежливого обслуживания... Продавцам запретили говорить покупателям «нет»: «Как угодно выкручивайтесь, но чтобы покупатели отказа не слышали».

И заходит мужик в магазин, где всегда прилавки пустые, интересуется:

— Нет ли у вас перчаток?

— Есть. А какого цвета Вас интересуют?

Мужик охренел — сроду не было вообще никаких, тут на выбор, ещё и цвет по вкусу!

— Ну, допустим, коричневые.

— А какой из оттенков? С чем именно носить будете?

— С пальто.

— Принесите Ваше пальто, мы подберём под колер точнее.

Мужик не верит своим ушам: «Вот это сервис, невероятно!»



И тут выныривает из очереди мужичок:

— Да не слушайте Вы их!!! Я уже унита́з приносил и задницу показывал, а туалетную бумагу так и не продали!!!

Махмуд зашёлся смехом:

— Если б мы в сорок первом защищали границу с таким ожесточением, как в ингушской библиотеке отбиваются от читателей, враг бы не ступил на нашу землю...

Признаться, сперва мне было не смешно.

В душе я даже возмущался, стыдно сказать, гневался на оригинальную ингушку.

А потом вспомнил реплику Султана Баширова о женщине — депутате Народного собрания Ингушетии: «Ты представляешь, Александр, она заявила: “Если бы я была мужчиной, то не носила б штаны, потому что вы носите их!”. Вот это огонь! Это амазонка!!!»

Мне просто сказочно повезло!.. Я мог годами жить в Стране башен, так и не постигнув характер горянки, если б не моё знакомство с легендарной библиотекаршей.

Вы сами только на секундочку представьте картинку...

Весы: на одной чаше — я со своим страстным желанием писать об Ингушетии, плюс Председатель правительства, назначенный Москвой, с порученцем, властью, аппаратом подавления народных волнений, плюс Глава республики, избранный народом, боевой генерал ГРУ — Герой России, перед которым трепещут враги, а на другой... Ингушка плюнула на пустую чашу весов и... не просто перевесила её — катапультой закинула всех мужиков куда-то далеко-далёко...

Более того, слюна разъела и чашу, и сами весы.

Слава амазонкам!

Примечания:

[1] «Интерфакс». /epochtimes.ru/ 03.02.2015.

[2] Брюсов Валерий Яковлевич, поэт и ученый, основоположник русского символизма;

[3] «Антимиры» Андрей Вознесенский;

[4] Фёдор Достоевский «Бесы».

*



Войны Империй

Хабар

*Кто поспекает за изменениями жизни, тот выигрывает.
Зама хувцаяларга хъежжа цунца тайнар котваьннав.*

Ингушская поговорка

Рисунок Олега Шовкуненко: «Взгляд из космоса» 50 - 01





«Дети сейчас другие! Мы были лучше! Отходят от наших традиций, забывают язык предков, не соблюдают обряды! Не оттащить от компьютера!» — сетовали в разговорах со мной ингуши. И такие разговоры идут по всему миру, не только в Ингушетии.

Вот несколько цитат:

«Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами; они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие»;

«Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмёт в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна»;

«Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далек»;

«Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времён. Младое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру».

Как вы думаете, какому времени принадлежат эти цитаты?

Не буду томить...

Первая заимствована у Сократа (470-399 гг. до н. э.); вторая у Гесиода (ок. 720 г. до н. э.); третье изречение принадлежит египетскому жрецу, жившему за 2000 лет до н. э.; четвёртая обнаружена совсем недавно на глиняном горшке, найденном среди развалин Вавилона. Возраст горшка — свыше 3000 лет.

Вот-вот...

А что, если ошибаемся мы — не дети. Вдруг это у нас заржавели мозги, может мы упёрлись в тупик, заикнулись.

— Проблема эта вечная, — уверен Махмуд. — И всегда отцы, если их послушать, лучше своих детей, отцы отцов — так те вообще богатыри. Все хаот отпрысков: «в наше время было лучше». Хотя на том основании, что пацаны сейчас не бегут купаться на озёра, как мы, не лезут по чужим садам, не воруют вишню, как в годы моей молодости делали абсолютно все, нельзя же утверждать, будто дети стали хуже.

Молодёжь слышит время!

В горной Ингушетии я познакомился с двумя яркими представителями этой самой молодёжи, и был приятно поражён. Зияутдин Гураев и Саит Илиев до сих пор много времени посвящают компьютерным играм... Я уже собирался им объяснить, что компьютерные игры меня не интересуют, мне нужен этнографический материал, примеры, характеризующие дух ингушей, их менталитет, характер... но решил послушать, не перебивая, минут пять.

— Зияутдин, расскажи про вашу игру, чтобы поняли даже такие «чайники», как я.

— Слушайте!.. Наши отцы с тревогой наблюдают за детьми, которые увлекаются компьютерами, социальными сетями, чатами, форумами, гаджетами... Все эти термины у них ассоциируются со злом. Они осуждают, не вникая: «Запрет! Харам!»

Но наберитесь терпения, выслушайте и судите потом.

Игра «Войны Империй» — онлайн-стратегия.

«Войны Империй» — фактически действующая модель жизни.

Кому-то по вкусу заниматься торговлей, кому-то нравится завоевывать чужие земли, кто-то занимается религией и берёт в герои жреца. Также доступна на выбор любая политика. Одним словом, всё как в настоящем мире — полнейшая свобода действий, которую ограничивает разве что ваша фантазия. Но главное в мире — всё же война! У тебя в подчинении есть лучники, конники, вручную управляешь атакой, обороной, определяешь политику, тактику, стратегию. Есть сенат, есть чиновники, есть лидер армии — Верховный главнокомандующий.

— Главнокомандующий, как у Довлатова.

— Бывает и так... Что такое война, как её объявить и кому она вообще нужна?

Помните диалог генерала вермахта и Штирлица: «Государства — как люди. Им претит статистика. Их душат границы! Им нужно движение — это аксиома. А движение — это война». Итак, если вам надоело строить дома, дороги, захотелось крови, эшелоны трупов, острых



ощущений, адреналина, если вас душат границы — вам пора на войну. Для объявления войны достаточно кликнуть на цитадель (на карте мира), граничащую с территориями вашей расы, и нажать кнопку «война».

— Да, развязать войну просто...

— Война — это новые территории, новые возможности: строительство лагеря, грабеж других рас. Как следствие, более быстрое развитие. И ещё, война — это не только полезно, но интересно. Ведь именно здесь бушуют страсти, интриги среди дипломатов, шпионов и предателей; именно здесь полководцы раскрывают свои таланты во время военных действий. На войне могут сражаться все, и даже самый слабый герой без армии может серьезно повлиять на результат сражения, оказавшись в нужное время в нужном месте. Однако, чтобы захватить чью-то столицу, личной армии не хватит. Вам понадобится заключить союз с другими игроками, затем выбрать вождя, который объявит о начале войны. «Войны Империй» — в этой онлайн-игре участвуют жители всех стран нашей планеты: Бразилия, Штаты, Европа, Россия — ну все-все.

Я расскажу про характер ингушей...

Есть семь альянсов. Основная битва происходит между американцами и русскими. Мы сотрудничаем с русскими и турками. Турки в этой игре тоже являются для русских хорошими союзниками и не раз выручали. Мы с Саитом играли больше года, но игра у нас занимала огромное время, пришлось уйти. К этому моменту у нас накопились огромные ресурсы: сильная армия и два больших города, называли их — Магас и Карабулак. Напоследок мы решили «зажечь» по-ингушки!.. Чтобы не нанести вред русскому альянсу, вышли из него, создали свою группировку «Дикая дивизия» и начали воевать с американцами.

Участники игры имеют разные статусы, которые человек зарабатывает в процессе игры. Самое высокое звание у «Принца». Высший статус игрока. «Принц» — лидер американской группировки. Когда мы стали атаковать самые крупные его города и членов его альянса, они удивились... Наша «Дикая дивизия» составляла лишь десятую часть от армий «Принца», но мы застали его врасплох и атаковали отчаянно. Он никогда не участвовал в общих дискуссиях, никогда не отправлял сообщений, тут не утерпел и пишет нам:

— Для чего вы это делаете?

Мы с Саитом популярно объяснили:

— Когда только образовались, мы вам предлагали мир, но вы отвергли его. Мы посчитали это за оскорбление и теперь будем биться до последнего.

На форуме нам часто задавали вопрос: «Вы магометане, почему вы с русскими, а не с нами?» Неизменно отвечали: мы едины.

«Дикая дивизия» проявляла чудеса военного коварства...

Дожидались, когда их нет в игре, и крушили живую силу, технику, города... наносили им мощные удары. Грабили, уничтожали, убивали всех подряд. Участники были в шоке. В чате мелькало только одно слово: ингуши! ингуши! ингуши! Мы выбрали никнеймы [1] Ингуш-Граф, Ингуш-Али. Ники эти не сходили с бегущих строк.

Мы пишем «Принцу»:

— Пусть все погибнем, но будем биться с вами до последнего. Примите наш прощальный подарок.

И он ответил... Впервые ответил:

— Не встречал людей с такими взглядами. В игре тем более. Может, останетесь?

— Действительно, это всего лишь игра, но жизненные принципы должны быть везде.

Мы попрощались с русским альянсом, со всеми участниками игры, отдали один свой город русским, другой союзникам туркам — и все остатки своей «Дикой дивизии» направили на американцев... Когда мы уходили, весь альянс американцев нам аплодировал смайликами, хотя и враги. И «Принц», который никогда не светился в чате мира, где все видят твоё сообщение, написал:

— Удачи ингушам, которые достойны быть лучшими из лучших. Вы молодцы! Желаю вам в жизни удачи и настоящих побед!

Да, наше отношение к жизни удивило американцев... Оно не вписывалось в их понимание: как это погибнуть, помогая своим? А ведь этому принципу ингуши следуют с глубины веков. Для



нас вопросы чести — важнее жизни. И здесь мы, храня традиции доблести наших дедов, вступали в сражение с неравными силами, заведомо шли на смерть.

И заставили уважать себя даже врагов.

Сегодня отказаться от интернета, от компьютера — всё равно как идти с деревянной рогатиной на танки. Не зря трубят: давно идёт информационная война. От неё не скрыться, даже если поглубже надвинешь на глаза папаху, даже если спрячешься за мамаху... От этого интернет не исчезнет, просто кто-то другой научится им пользоваться лучше. И он, этот другой, будет иметь больше шансов на победу. Может случиться так, когда папаху снимешь, — мир вокруг не узнаешь — и уже ты в этом мире чужой, лишний.

Высокая папаху ума не добавляет.
Лакха кий тилларах хъаькъал тлакхетац.

Участвуя в таких глобальных играх, мы защищали культуру, честь ингушей, код нации в масштабах цивилизованного мира, в масштабе всей планеты... В эпоху глобализации Ингушетия не заканчивается Джейрахским районом... Начинается только. И об ингушском народе должны знать повсюду, знать с позитивной стороны, как о грамотных, образованных потомках Адама; понимать — мы не дикари, не туземцы. Понимать и уважать. Лишь по формальным признакам — это игра — по сути реальная жизнь, с серьёзными вызовами, это и есть самая настоящая битва Добра и Зла. И даже если кто-то «играл»... Мы защищали свою Ингушетию и Россию — по настоящему. Не щадя жизни. Насмерть.

А что касается войны...

В Космосе война уже давно идёт.

Примечания:

[1] Никнейм (от англ. nickname — прозвище, кличка)

*



О, спорт, ты — мир!

Хабарик

*Будешь людям говорить «бук!» (возглас чванливости),
они заставят тебя произнести «вак» (кваканье лягушки).*

Ингушская пословица

Спорт — один из символов Ингушетии.

Не описать дух ингушей, который витает над этим орлиным краем, не передать, сколько горяча, животворна кровь, пульсирующая в жилах вайнахов, если не остановиться на спорте подробно. Мастер спорта СССР по боксу, директор ФОКа имени Бай-Али Дзаурова, Казбек Дзауров приоткрыл мне этот удивительный мир:

— Физкультурно-оздоровительный комплекс города Сунжа построен в республике в числе первых. На сегодняшний день на его базе функционируют четыре секции. Местные спортивные наставники заняты популяризацией вольной и классической борьбы, дзюдо и бокса. Ежедневно через спорткомплекс проходит около пятисот человек. Организацией спортивно-воспитательной работы занимаются десять тренеров. Это настоящие энтузиасты своего дела, — считает Казбек Дзауров. — Здесь же в ФОКе базируется детско-юношеская спортивная школа Сунженского района.

— Как поднимаете дух спортсменов? — поинтересовался я. — Как на победу нацеливаете? Какими ингушскими словами подстёгиваете? Чем стимулируете, кроме шила в задницу, — эта методика старая. Есть ли ещё варианты?

— Методика стара, но эффективна. Ещё полотенцем по морде.

— Так. Интересно, — записал я.

— А главный секрет успеха — большой наплыв желающих. У тренера есть большой выбор. Спортсмены мотивированы сами, дальше некуда. Ребята по природе очень духовитые... Нашим дополнительные медицинские препараты, стимуляторы не требуются. Сама ингушская генетика, ингушская кровь — уже допинг. Физкультурно-оздоровительный комплекс существует меньше двадцати лет. Возраст небольшой, но коллективу спорткомплекса есть чем гордиться. Десятки юношей стали чемпионами России, Европы и даже мира. В 2002 году чемпионом мира среди юниоров по боксу стал наш воспитанник. Вы извините, у нас сейчас будет общее собрание спортсменов: обсудим происшествие в Калмыкии.

— Какое происшествие? Я два месяца в дороге, оторвался от жизни.

— И ничего не слышали?!

— Нет.

— Опять кавказец прославился...

В столице Калмыкии Элисте на всероссийском турнире по греко-римской борьбе спортсмен из Дагестана осквернил буддийский храм, справив нужду, и выложил в сеть видео, на котором он бьёт в нос статую Будды. И орлы по-свински поступают! Захотелось ему широкой известности, славы... Добился. Его вытащили за шкуру, поставили перед камерами на колени, заставили публично извиняться... Какое право имел вести себя так неуважительно по отношению к иной вере? Тем более спортсмен?! Голубь мира! Да он и не спортсмен... Убеждён: наши ребята не способны на такую низость. Мы ЧП не ждём, проводим профилактические беседы. Воспитанием занимаемся неустанно, кропотливо... На самотёк такие вопросы пускать нельзя. Тренер для юных спортсменов — имам, и мама, и папа.

Когда мы вышли, я упрекнул Махмуда:

— Чё не рассказал о Калмыкии...

— Закрутился.

— Сам-то что думаешь?



— Что тут скажешь?..

— О! Стоп! Тормозни... Дай сфоткаю козу.

Однако рогатая, увидев, что собираются снимать её в непристойном виде, ускакала.

— Что тут скажешь, Александр? Даже коза застеснялась, сконфузилась. А тут вроде бы человек!.. Из-за таких дураков складывается впечатление обо всём Кавказе.

Фото автора



*



Россия

Малумат

*Уж и есть за что, Русь могучая,
полюбить тебя, назвать матерью.*

Никитин Иван

Фото автора



На рубеже XX и XXI веков в Ингушетии было неспокойно...

И военный термин «рубеж» к той ситуации подходит, как нельзя более кстати.

Махмуд рассмеялся:

— Несколько лет назад в Турции познакомился с одним местным: он ни по-русски, ни по-ингушски ни бельмеса, я — по-турецки. Бьёт себя кулаком по сердцу:

— Муслим?

Киваю головой, да, мусульманин. Вижу, хочет узнать, откуда я — слышал, видно, Россия большая. Говорю «Ин-гу-ше-ти-я» — не понимает... Утомил он меня. И вдруг изображает стрельбу из автомата, тычет пальцем мне в грудь. Киваю: да! приехал оттуда, где стреляют из автоматов. Обрадовался, хлопает по плечу.

Да, в Ингушетии тогда стреляли...

Харон Цечоев вспоминал:

— К началу 90-х обстановка сложилась крайне тяжёлая... Когда пришёл Дудаев, вся эта эйфория... «Независимость Кавказа»... Да ещё Президент России посоветовал: «Берите суверенитета, сколько сможете!» И на этой волне началось... Вайнахи — братья чеченцы выдвинули лозунг:



— Ингушей — в Назрань, русских — в Рязань!

Именно так, ребром, поставили в Грозном вопрос. Считали: чем ярче горят мосты дружбы, тем дольше они освещают путь. Чечня отделилась, а Ингушетии ещё не было. Избраны депутаты всех уровней: районные, городские, но нет ни Главы республики, ни Председателя правительства, ни парламента. Безвластие. Хаос. Все делают, что хотят. Табор без барона.

Было время, ездил на работу с пистолетом — патрон в патроннике, рядом автомат со сдвоенным рожком. Каждое утро, уходя из дома, не знал, вернусь или нет. Убивали сотрудников милиции, когда больше, когда меньше, но каждый день. Каждый день, каждый божий день. Пришли двухтысячные... легче не стало. Оружие продавалось свободно... Хуже уже быть не могло, это нижняя мёртвая точка хода поршня. Полный беспредел. Боевики по сути, хозяйничали. У меня хранится письмо в адрес министра МВД Ингушетии с просьбой организовать охрану общественного порядка на встрече доверенного лица с избирателями по выборам Президента Российской Федерации. И на письме виза министра: «В связи с невозможностью обеспечить безопасность участников встречи прошу проведение данного мероприятия отменить».

Ингушетия на референдуме высказалась против отделения от России, но в частном порядке поговаривали: «Может, рвануть в Турцию?»

В Турцию... Кто нас там ждёт?

Мой дед Орцхо завещал: «Нам без России никуда! После поражения Шамиля наши отцы махнули в Турцию по глупости. И мы знаем, как с ними там обращались...» Сейчас ингуши имеют свою автономию, все атрибуты власти, говорят на родном языке, учатся, где хотят, — хоть в Москве, хоть за границей — в лучших ВУЗах. Никаких искусственных препятствий нет ни в религии, ни в бизнесе. Чем не жизнь? Что ещё нужно?! Взять курдов — их двадцать миллионов, всю жизнь живут в Турции: не имеют ни своей автономии, ни права на язык. Там политика какая? В Турции живут только турки. Точка. Там ингуши бы просто растворились, увеличив население страны. Сейчас нас меньше пятисот тысяч, но в своей маленькой Республике мы чувствуем себя хозяевами.

Я тридцать лет жил в России: служил, учился... если ты ведёшь себя адекватно, к тебе и относятся там, как к человеку. У меня масса друзей в Краснодаре, Новосибирске, Ростове, Москве. Наша фамилия Цечоевых, по крайней мере в четырёх последних поколениях, твёрдо стоит на одном: только вместе с Россией. Мой отец, когда появился Дудаев, сразу заявил: «Ребята, нам с ними не по пути!» У меня пятеро сыновей: четверо из них получили образование в лучших университетах России, работают на престижных должностях, я им повторяю слова деда Орцхо: «Ребята, только вместе с Россией, никаких лишних движений! Никаких «игилов», никаких «халифатов!» Всё, хватит нам... Покричали, попрыгали. Видим, к чему это привело в Чечне и Северной Осетии [1]».

У Махмуда сестра три года назад переехала в Польшу.

— Перед отъездом её предупредил:

— Смотри, по-русски не очень-то разговаривай, там русских не любят.

По скайпу сообщает:

— Сломался кипятильник, пошла на базар, новый купить. Как ты мне советовал, говорю только на ингушском. Те, разумеется, ничего не понимают. Они со мной на польском, на английском, на немецком. А этих я не знаю. Махнула рукой:

— Жалко...

Продавец меня за руку хватя:

— Жалко?

— Жалко...

Убежал куда-то за занавеску, приносит кипятильник. Оказывается, по-польски спираль называется «жалко».

Однако, как ни скрывала она своё пролетарское происхождение, по месту жительства, всё равно узнали, что из России: гражданство не скроешь... А для них хоть ты ингуш, хоть чукча — всё одно — русский. Жить стало невозможно. Ночью молодёжь с битами караулила... Сейчас переехали жить в Германию. Хвастается: социальные выплаты большие получают.

Я сразу ей в пику:

— Меня никакими льготами, никакими пособиями туда не заманишь. Жить так легко, комфортно, как сейчас в России — нет нигде. Всё есть. Работай, не ленись только. И главное, я



живу на своей земле, на своей родине, у своего очага, у своих родовых могил, у своих корней. Отец, мать — все рядом. Тебя вчера выгнали из Польши, завтра выгонят из Германии. И правильно сделают, чтоб другим ингушам неповадно было. Пусть дома живут.

В Ингушетии точь-в-точь, как в Дагестане, ни один человек даже случайно не оговорился, сказав «Россия», подразумевая в том числе, и свою малую родину. (Только вышколенные чиновники, и то под запись!) На бытовом уровне — «Россию» и «Ингушетию» — разграничивают строго. Кто бывал на Кавказе, едва ли этому удивится... Здесь если не всё, то почти всё зеркально иначе, чем в средней полосе... Мы — разные! Мы — равные! И хорошо.

Исса Мержоев встречал меня, как соплеменника с другой планеты:

— Двадцать лет прожито в Москве — целое поколение — я сам ингуш уже многого не понимаю, не приемлю. Сейчас, если говорить откровенно, земляков не узнаю: стали какие-то импульсивные... Косой взгляд, неосторожное слово — с избытком для начала конфликта. Заводятся с пол-оборота.

— Знаю несколько примеров по Дагестану: коренные жители, прожив в центральной России половину жизни, на старости лет вернулись на родину предков и... не смогли адаптироваться, — подтвердил я.

— Я сам такой.

— Свой — среди чужих, чужой — среди своих?

— Там всё же я свой. Там — все мои друзья... и никого не смущает, что ингуш. Там для моей души комфортней, там — дышать легче. Это — разные миры. Всё русское у меня устойчиво ассоциируется с положительными эмоциями. В Казахстане в детстве у меня был друг — русский парень, Василий, Вася. Я и теперь, когда в хорошем настроении, всех детей называю Вася, независимо от пола. Для них сигнал: если обращаюсь «Вася», значит всё хорошо.

Девушка в хиджабе занесла полный противень ароматной баранины.

— Сегодня сноха для вас — «Вася»?

— Нет, сегодня она провинилась... Позволила себе бурчать.

Раньше в республике жили разные национальности: русские, азербайджанцы, евреи, осетины... Сейчас остались одни ингуши — вроде бы живи не горюй. Но живут менее дружно. Каждый конфликт сразу расходится вширь — по тейпам. Я ни с кем не могу поговорить так откровенно, как с тобой. Меня никто не понимает — выросли другие люди. Любое моё слово пойдёт дальше... и неизвестно где, как аукнется и чем откликнется. Есть ингушская пословица: «Того, кто ходит с краю, иней накрыл» (Йисте лийначоа йис кхийттай). Опасно отдаляться от родины, отрываться от духовной пуповины.

Примечания:

[1] На деле и сейчас всё не так гладко, не так просто... Недавно газета «Комсомольская правда» сообщила: «Неизвестные взорвали автомобиль заместителя председателя депутатского совета Сунженского района Харона Печоева» «В Ингушетии взорвали автомобиль заместителя председателя райсовета Сунженского района» kp.ru/online/news/2418585/ Екатерина Болгова;

*



Вера

Малумат

Не берите двух богов!

Сура Пчѣлы 53(51) [1].

Фото автора



Ахмед Измайлов достал из фамильного запасника старинные карманные часы, бережно раскрыл крышечку:

— Часы достались от деда, серебряные. Обратите внимание на фирму «Павел Буре, Поставщик Двора Его Императорского Величества». У этих часов необычная судьба. Отец рассказывал... В 1937 году они с дедом возвращались на поезде из Москвы. В купе к ним подсел армейский генерал, достал бутылочку коньяка, закуску, налил себе рюмашку... И тут наступило время делать намаз. Дед совершил омовение, вернулся в купе, расстелил коврик прямо на полке и стал молиться. Генерал уставился на деда... дышать перестал. Затем коньяк из рюмки вылил обратно в бутылку, надел китель, застегнул все пуговицы и вытянулся по стойке смирно. Пока дед молился, он стоял, не шелохнувшись. А потом спрашивает:

— Вы кто по национальности?

— Ингуш.

— Смелый человек... У меня отец был священником, год назад его расстреляли, я сам верующий, но церковь посещать не решаюсь.

А к тому моменту в стране уже почти все церкви, мечети взорвали, приспособили под клубы, склады... Духовенство большей частью уничтожили. Какой там молиться?!. Думать о Боге никто решался. И тут такое... Генерал подарил деду за преданность вере свои серебряные часы, а дед, чтоб не остаться в долгу, — кинжал. Часы эти побывали с ним в ссылке, вернулись на родину и по наследству перешли ко мне. Предать свою веру — это как отказаться от родителей. Не зря в



Коране сказано: «Поистине, злейшие из животных у Аллаха — те, с которыми ты заключил союз, а потом они нарушают свой союз каждый раз» [2].

Коран мудрая, глубокая книга, излучает позитив, светлую радость...

Фото автора



Коран заставляет задуматься.





— Коран — книга священная, — вторит Махмуд.

— Для меня она в последние годы настольная, — признался я. — Интересно наблюдать у вас процесс внутреннего борения: происходит отказ от язычества, отказ от древних святынь в пользу единобожия, в пользу Всевышнего.

— Непросто идёт этот процесс, Александр... Ингушский народ принял ислам последним, с того памятного дня прошло более ста лет, но сомнения остаются. Взять хотя бы творчество — тебе как писателю, выпускнику художественной школы, этот вопрос ближе всего. Шариат — свод исламских законов — не запрещает изображать цветы, деревья и даже горы. Это подпадает под «мубах» — действие, которое можно совершать или не совершать. За исполнение-неисполнение нет награды, нет и греха. Всё то, что шариат не обязывает и не осуждает, входит в мубах. Например, «36. Рисовать неодушевлённые предметы». А вот «петь, рисовать людей, животных», по законам шариата, — харам гайри зулми — «запрещено, поскольку совершение приносит вред производящему его» [3]. Сегодня на практике эти запреты игнорируются, а что будет завтра, не ведаёт никто.

Я смолчал, не зная, что сказать...

Ингушетия хоть и считается де-юре субъектом Российской Федерации, светской территорией, больше напоминает республику исламскую. В Ингушетии в ряде сфер уже сегодня царит верховенство не ингушских адатов, не Конституции РФ — Законов шариата.

— Махмуд, но ведь то, что мы разные, — здорово! Ведь запреты эти не внешнего свойства, потребность в них внутренняя у самих ингушей.

— Вроде так... Но Эрмитаж, Третьяковка, Русский музей, музей Пушкинский, Петергоф, статуи и барельефы, Аполлоны и Венеры с амурами, концертные залы, театры и кинотеатры, бары и рестораны, пляжи и фитнес-центры... пожалуй, всё, кроме вокзалов и мечетей, будет закрыто, ликвидировано, если ингушский опыт распространится на всю страну. Этим пагубным светским явлениям нет места в правовом поле шариата, ислама.

— В крайнем случае сейчас любые экспозиции есть на дисках. В Эрмитаже я уже был, не знаю... может, в Третьяковку напоследок заглянуть...

— Загляни!..

Чужеверцы, непрощенные гости — большой вопрос для всех без исключения народов. Среди русской интеллигенции были и те, кто приветствовал их приход:

На нас ордой опьянелой
Рухните с тёмных становий —
Оживить одряхлевшее тело
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцов, как бывало,
Всколите веселое поле
На месте тронного зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите в их радостном свете,
Творите мерзость во храме, —
Вы во всём неповинны, как дети!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесём зажжённые светлы,
В катакомбы, в пустыни, в пещеры.

И что, под бурей летучей.
Под этой грозой разрушений,
Сохранит играющий Случай
Из наших заветных творений?

Бесследно всё сгинет, быть может,
Что ведомо было одним нам,

Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном [4].

— Я читал твою книгу «Дагестан (Дневник поездки)», — горячился Махмуд, заломив тубетейку на затылок, — ты правильно обратил внимание на одну существенную деталь: в Коране нет ни одного слова, производного от «люб» — любимый, любящий, люблю... В ингушском языке прямого слова «люблю» тоже нет. Говорят: «Ты нужен мне...», «Ты много (очень) нужна мне...», «Желанна мне...» [5]. Однажды в Рязани в наш плацкартный вагон поезда «Назрань-Москва» подседа молодая пара и... (этого не пиши — страшно сказать!) прилюдно поцеловались... А!!! Что тут началось... «Бесстыжие» — самое лёгкое проклятие из тех, что обрушились на голову парочки. Они и паспорта достали, и штамп показывали, мол, расписаны, и прописку: «У себя дома, в сердце России находимся, русские мы...» Наивные дети! Если в вагоне мусульман большинство — там будут царить и порядки мусульманские. А плацкартный вагон — модель устройства общества.

— Махмуд, насчёт поцелуев не скажу... Просто забыл, что это такое... Кажется, имеет отношение к детям?

— Косвенное... Я однажды наткнулся на строки:

О мир рассудочный и квёлый,
Кому нужны твои указы,
Твоя бескрылая опека?
Я лишь любовь считаю школой,
Где учатся на человека! [6]

И как всё это связать у себя в голове, Александр, я ума не приложу!

Рисунки Гайтукиевой Евы



Дальше по плану у нас значилось посещение выставки художников в Карабулаке. (Несмотря на мрачные прогнозы Махмуда, часть светских мероприятий и сегодня проводится в Ингушетии, по инерции...) Больше других мне понравились сюрреалистические полотна Гайтукиевой Евы.

Ева призналась:



— Писать одни башни, копировать — скучно, неинтересно, несерьёзно. Допускается только в период ученичества. Когда у художника нет своего мнения, когда ему нечего сказать людям — это ноль, не художник. Стенограмма не интересна ни в литературе, ни в живописи. Творец должен через своё понимание, через душу пропустить образ. А коллеги-художники моё творчество не принимают. Считают: «Демонизм!»

Петь в Ингушетии тоже продолжают.



Фото Беслана Холухоева



— Махмуд, а как ваша вера относится к поэтам? В романе «Из тьмы веков» строки:

Вершины снежные
громады скал,
от сотворенья мира
и в хаосе поднявшиеся к небу,
дремучие леса,
кипящие потоки шумных рек,
луга, охваченные радугой цветенья
и ароматом трав,
и гордый человек,
готовый умереть за дружбу,
честь, свободу, —
все это с незапамятных времен
наречено в поэзии народа
страной былин и именем — Кавказ!



Я читаю и — мурашки по телу... Фриссон. По-моему, гениально!..
А помнишь у Булата Окуджавы:

Поэту настоящему спасибо,
Руке его, безумию его
И голосу, когда, взлетев до хрипа,
Он достигает неба своего.

— Помню, как не помнить?! Я да не помню...

Поэты — по Корану — грешники великие. В Суре Поэты так и сказано: «Не сообщить ли Мне вам, на кого нисходят сатаны? 222. Нисходят они на всякого лжеца, грешника. 223. Они извергают подслушанное, но большинство их лжецы. 224. И поэты — за ними следуют заблудшие» [7].

— Любопытно... Хотя, кто знает, может, исламские певцы, скульпторы, художники, поэты и заслужили подобное отношение. Не мне судить... Не стоит лезть со своим уставом в чужой монастырь! Ислам — великая мировая религия. Я, как человек верующий, уважаю вашу веру... Уважаю, но люблю Бога своего и держусь веры своей.

— Чё ж ты тогда в тюбетейке, с чётками?..

— Чётки носят и православные, а тюбетейка... когда в тюбетейке, ингуши меня лучше слышат. Коран — мудрая книга. Что касается веры, в Коране прямо сказано: «О люди! Поклоняйтесь вашему Господу!» [8] Заметь не «нашему», а «вашему!»

Их-то Господь — вон какой!
Он-то и впрямь настоящий герой!
Без страха и трепета в смертный бой
Ведёт за собой правоверных строй!



И меч полумесяцем над головой,
И конь его мчит стрелой!
А наш-то, наш-то — гляди, сынок —
А наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.

А у тех-то Господь — он вон какой!
Он-то и впрямь дарует покой,
Дарует-вкушает вечный покой
Среди свистопляски мирской!
На страсти-мордасти махнув рукой,
В позе лотоса он осенён тишиной,
Осиян пустотой святой.
А наш-то, наш-то — увы, сынок, —
А наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.

А у этих Господь — ого-го какой!
Он-то и впрямь владыка земной!
Сей мир, сей век, сей мозг головной
Давно под его пятой.
Вкруг трона его весёлой гурьбой
— Эван эвоэ! — пляшет род людской.
Быть может, и мы с тобой.

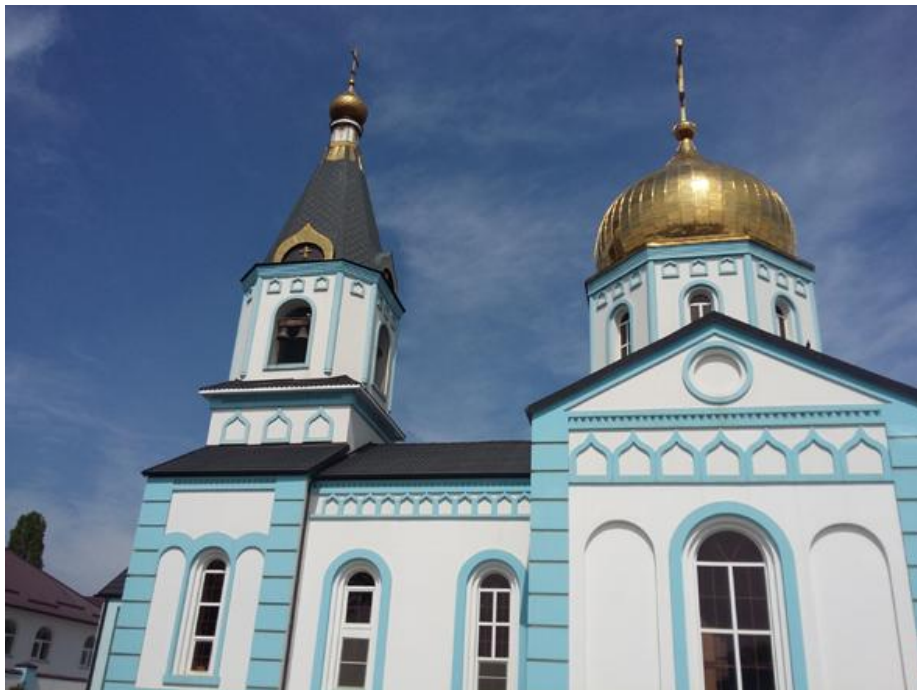
Но наш-то, наш-то — не плачь, сынок, —
Но наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.
На встречу со страшною смертью своей,
На встречу со смертью твоей и моей!
Не плачь, она от Него не уйдёт,
Никуда не спрятаться ей! [9]

Фото автора





Родник не подходит к каждому двору и не журчит следом по пятам... Люди сами знают, где он, и вереницей идут к нему за чистой водой.



Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в городе Сунжа.

У православного прихода биография трагичная: в середине 90-х отца Петра Чистоусова похитили боевики. Я посетил храм и попросил благословения у отца Спиридона в начале пути. Перед отъездом на прощание вновь зашёл. Помогает, знаете... Православная вера — источник моего творчества. И об этом не забываю. И ещё понимаю главное: вера — сама по себе таинство; вера — дело сугубо интимное, она не приемлет групповухи. Это — не грипп! И потому, как мудро учил поэт:

Не лезьте
в небо скопом.
И даже по двое не лезьте вы туда.
При том, что Бог один, у каждого свой Бог [10].

Примечания:

- [1] Сура Пчёлы 53(51). Коран, перевод: И.Ю.Крачковский
- [2] Сура Добыча 58(56). Коран, перевод: И.Ю.Крачковский
- [3] Законы шариата.
- [4] «Грядущие гунны» Брюсов Валерий Яковлевич, поэт и ученый, основоположник русского символизма.
- Гунны (греч. Οὐννοί, лат. Hunni) — кочевой народ, вторгшийся в 70-х годах IV века из Азии в Восточную Европу.
- [5] Идрис Базоркин, роман «Из тьмы веков».
- [6] Бек Татьяна Александровна, русская поэтесса, литературный критик и литературовед.
- [7] Сура Поэты 221. 222. 223. 224. Коран, перевод: И.Ю.Крачковский
- [8] Сура Корова 19(21). Коран, перевод: И.Ю.Крачковский.
- [9] Тимур Кибиров.
- [10] Леонид Завальнюк.

*



Ингушетия — фотовзгляд

Фото автора



Фото автора





Фото Али Оздоева



Фото Али Оздоева





Сплав «МЫ»

Хабарик

*Ветер играет прутиком, растущим одиноко.
Эрий-ара цхьалха багIа сьэрг миho ловзабу.*

Ингушская пословица

Петух за забором кричал как угорелый.

— Пойдём, с соседями познакомлю, — предложил Махмуд: — Хозяин дома Исса — прекрасный парень, мать Душа, хотя правильной ударение делать на второй слог — душевная, гостеприимная, добрая женщина.

Нас приняли по-ингушски хлебосольно, радушно. Во дворе, в тенёчке...

Душа, показывая в сторону холмов, вспоминала:

— Вода — вон оттуда должно было носить. Газ не было. После трёх год дома же работать некого....

Скрипнули ворота, бочком-бочком протиснулся затасканный мужичок, по виду не местный, нерешительно остановился, на местном наречии о чём-то перемолвился с Иссой. Тот протянул купюру.

— Это кто? — поинтересовался я.

— Таджик, спросил милостыню...

У Иссы произношение с лёгким французским проносом, какое обычно бывает у чеченцев.

— Что сказал?

— «Даьла ший духьа сагIа да!» — «Милостью Аллаха, помогите!» Он безработный, кушать ему нету, бездомный — я отдал последние сто рублей.

— Последние?

— Да.

— Приглашал чай пить?

— Да, он отказался, у соседа чай уже пил, кушал. Я не знаю, что бы делал, если так случилось?

— Если бы стал безработным...

— Да. Ты же видишь, у меня есть дом...

— Который по размерам напоминает восьмилетнюю школу.

— Ингуши хлеб не будут кушать, но дом из кирпича построят... И вот сейчас подумал, что если б я оказался на его месте? Что бы делал, если б стал бездомным, кушать нечего... без копейки в кармане. Смог бы так же ходить по дворам просить милостыню? Не смог. Я бы лучше с голоду подох, чем ходить вот так. Знаю, у него мамка, дети больные сидят на съёмной квартире... Мне очень жаль его. Но я бы не смог ходить, побираться. Не смог бы переступить через себя. У меня есть семья, есть мать, братья — мы вместе и благодаря этому сильнее. Сейчас пойду помогать соседу...

— Белхи? [1]

— Да.

— А у соседа есть дети, чтоб тоже помогли?

— Один мальщик и дэвушк.

— Сын и дочь, — поправил Махмуд. — Они маленькие.

— Всё село ходит, помогает друг другу. Никто не зовёт, сами. Он сейчас делает это... —

Иса показал на дом.

— Водосток? — участливо подсказал я.

— Нет.

— Окно?

— Нет.



— Крыльцо?

Он недовольно поморщился. Рука его с вытянутым указательным пальцем продолжала недвижно висеть в воздухе.

— Дверь?

Голова категорично дёрнулась.

— Перила?

— Кто «педрила»?.. — насторожился Исса.

Отчаявшись подобрать нужное слово, пошёл с ним к соседу. Только там узнал: речь шла о ступеньках. И ещё, Исса помог мне понять, что ингуши — это не разнородное множество «Я», отделённых запятыми, а совокупность... сплав «МЫ».

Песня из фильма «Последний дюйм» — не про них:

Тяжёлым басом гремит фугас,
ударил фонтан огня,
а Боб Кеннеди пустился в пляс:
«Какое мне дело до всех до вас,
а вам до меня?!»

Трещит земля, как пустой орех,
как щепка трещит броня,
а Боба вновь раздирает смех:
«Какое мне дело до вас до всех,
а вам до меня?!»

Примечания:

[1] Белхи — ингушский субботник соседей.

*



Символы Ингушетии

Малумат

*Наблюдай — увидишь, ищи — найдёшь.
Зийча — гу, лийхача — коро.*

Ингушская пословица

Присмотритесь повнимательней!..

Символы — это набор штрихов, чёрточек к портрету Ингушетии.

Символы — это перечень ярких особенностей республики и ингушского менталитета.

Символы — это явления, которые ну везде по Российской Федерации есть, а тут нет.

Особенки со знаком «плюс» и «минус».

То, что для нас кажется ненормальным, противоестественным, — здесь процветает, и наоборот. Всё или почти всё — зеркально.

Каждому собеседнику я задавал один и тот же вопрос:

— Назовите символы Ингушетии.

Итак...

Пригородный район; Черменский пост ДПС; Солярис — солнечный знак на гербе — символ вечного движения; 23 февраля; исход; «Битва в горах»; «Дикая дивизия»; родовая башня; Вовнушки; къянах; ингушский язык; лезгинка; орёл; конь; в Ингушетии принято обращаться на «ты» — в ингушском языке вежливой формы обращения на «вы» к одному лицу не существует; нельзя по улице ходить в тапочках, в шортах, спортивных, без головного убора; Эздел — кодекс чести ингушей; сын не сидит при отце; при упоминании в разговоре имени свёкра, свекрови, если их нет в живых, женщина в знак уважения встаёт; имя свёкра и свекрови произносить нельзя; истинг; бурка; тубетейка; папаха, черкеска; кинжал; единичка в алфавите; «сухой закон»; кровная месть; умыкание невест; белхи; азан; мулла; Коран; законы шариата.

Официально Ингушетия — моноэтнический субъект светского типа в составе Российской Федерации, однако она больше смахивает на исламскую республику. Законы шариата зачастую оказываются главнее, весомее адатов и Конституции РФ.

Восторженно-уважительное отношение к грузинам

Ингушский народ безмерно благодарен грузинам — они единственные, после возвращения ингушей на родину из Казахстана, добровольно освободили занятые дома, снялись и выехали на родину, «чего не скажешь об осетинах...»

Я осторожно, максимально тактично пробовал намекнуть, что такой национальности, как грузины, в мире вовсе не существует... как нет и дагестанцев! Миф! Есть грузинское государство, есть грузинский язык и есть территория, на которой проживает множество этнографических групп: аджарцы, гурийцы, картлийцы, кахетинцы, имерхевцы, ингилойцы, лечхумцы, месхетинцы, мохевцы, мтиулы, пшавы, рачинцы, тушинцы, ферейданцы, хевсуры, чвенебури. И три субэтнические группы: мингрелы, сваны, лазы. Грузин (самоназвание — картвелоби), значит, житель Грузии. (До 1992 года абхазов и осетин в СССР и в мире тоже считали грузинами.) [1]

Но это слишком горькая правда, чтоб ингуши восприняли её сегодня...

Блюда ингушской кухни



Кодер — горячий домашний творог, сваренный с маслом и желтком, — вкуснятина!; Дулх-халт!ам — мясо с галушками; чапильги — лепёшки с творогом и картошкой; черемша; бир — не холодное пиво, не надейтесь! — соус на мясном бульоне с толчёной картошкой; чай подают горячим, налитым по самый край в стаканах без подстаканников.

Пальцы жжёт — невозможно! а бросить стакан хозяину на колени — воспитание не позволяет. Я попросил, если этим не нарушу священные адаты, дать мне чай в чашке. Хозяйка назвала «неженкой».

Гостеприимство

Да присохнет язык к гортани
у отрицающих восточное
гостеприимство!

Ксения Некрасова

Хьящ чиицр.

В Игушетии в каждом доме отведена специальная комната для гостя — хащица — как бы долго не появлялись гости, её не занимают.

У Махмуда на тему «гостеприимство» свои картинки:

— Мать у нас шутница. Сегодня, встречая гостей, всплеснула руками:

— Радость-то какая у вас дома!

— Какая радость?.. — гость в загадочной растерянности.

— Радость, что отдохнут от вас.

Тому хоть поворачивай назад!

А бывает, наоборот, из гостей не вырвешься. Тут как-то зашёл с друзьями к свояченице, накрыли нам щедрый стол... Приятели тычут в бок:

— Слыхали, она чудно играет на гармонии. Попроси!

— Я-то могу, но кто её потом остановит?

— Ну, хочется послушать.

А я чё — я попросил. Она давай наяривать... Рада стараться! Мелодию за мелодией, час за часом... Дело к полуночи. Вижу, друзья ёрзают, на дверь поглядывают, но прерывать музыкантшу не решаются. Наконец один робко, дождавшись секундного интервала, привстал:

— Мы, наверно, пойдём... Наверное, утомили уже близких...

А свояченица, не сбавляя темпа, успокаивает:

— Сидите! Им нравится.

— Соседи могут плохо подумать.

— Не волнуйтесь! Соседи меня уже знают...

Коллекторские агентства

Зимой 2016 года все СМИ России облетела информация: «Коллектор кинул бутылку с зажигательной смесью в комнату с ребёнком. В результате ребёнок получил сильные ожоги лица, предплечий и впоследствии был госпитализирован, — сообщил LifeNews источник в правоохранительных органах. — Кроме того, пострадал 56-летний мужчина, который пытался потушить пожар. По словам родственников пострадавшего ребёнка, бутылку с зажигательной смесью кинул один из коллекторов, требовавших возврат долга.

Дедушка мальчика признался, что взял четыре тысячи на лекарства».

В откровениях СМИ мне большой нужды нет...

Живу тут же — не на Луне: в родной деревне безработный мужик, молодой совсем, повесился. Кто? Что? Тёмное дело. Назанимал в банке денег под музыкальный центр, а отдать...



Реклама, кредит потреблятский,
Новомодное слово «коллектор»...
А подоплёка стара, как мир —
Чистка арийской расы [2].

А вот в Ингушетии нет коллекторских агентств.

На всякий случай, повторю ещё раз, может, не до всех дошло с первого раза: в Ингушетии коллекторских агентств нет. И это — характерная черта Ингушетии.

Данная форма частно-государственного партнёрства, напоминающая рэкет, — неприемлема для ингушского менталитета. Кстати, мировое сообщество считает создание этой структуры уверенным шагом назад в средневековье.

Махмуд, изумляясь моему неведению, терпеливо объяснил:

— У нас их нет и быть не может. Даже если б кто-нибудь и прикажет организовать, туда не пойдут устраиваться. Кто им позволит ходить по поручению банка выбивать деньги у соседей. Это дело не выгорит. К самому коллектору придут и вытряхнут его из собственного дома, из собственной шкуры... Голову отрежут, чернила на заявлении о приёме на работу не успеют просохнуть. С этим у нас строго.

Люди — символы

Фото Магомета Арсамакова: первый Президент Ингушетии Руслан Аушев



Кунта-Хаджи шейх, философ-суфий и Устаз для большинства населения Ингушетии. Три раза Имам Шамиль пытался силой привить ислам ингушам, не смог, а Кунта-Хаджи одолел их



словом; Шейх Дени Арсанов (1851-1917 гг.) — глава крупнейшего религиозного братства — тариката накшбандийа; первый Президент Ингушетии Руслан Аушев; действующий Глава республики Юнус-Бек Евкуров; бизнесмен Михаил Гучериев, Суламбек Осканов, лётчик, первый герой России; писатель Идрис Базоркин с романом «Из тьмы веков».

Работа по найму на «грязных участках»

— В Ингушетии никогда не было батраков из местных. Ты пойдёшь сегодня, предложи под туалет яму выкопать — за оскорбление посчитают, — объясняет Батыр Веджижев. — В 92-м я работал в колхозе председателем. Отец, когда узнал, куда устраиваюсь, наказывал: «Ты идёшь к земле. Остерегайся земли, если ты обидишь землю, ты обесчистишь семь поколений предков и семь поколений твоих потомков будут опозорены. Нельзя предавать землю, продавать её нельзя — она живая. Она не простит». И я боялся нарушить заветы отца, старался их соблюдать. Потому что, если встану на несправедливый путь, если буду есть нечистый хлеб, кара падёт на голову моих детей. И детям своим стараюсь объяснить: не гонитесь за богатством, ешьте хлеб, заработанный праведным путём, потом своим. Если бы тогда русские массово не уехали, Ингушетия бы сегодня процветала. Когда начались волнения на национальной почве, я обещал русским:

— Костями лягу, не дам никого из вас в обиду!

И своим объяснял:

— Нельзя отпускать ребят. Русских нужно убеждать, чтоб остались!

— А чего это ты за них вступаешься?

— Ты в ассенизаторы пойдёшь?

— Что это такое?

Наши не знали даже, что такое золотари... У нас не было своих работников ЖКХ, своих технарей, инженеров, водопроводчиков, сварщиков... В правительстве не текло, а мы тут, внизу, без русских чуть не захлебнулись дерьмом. Наладить работу ЖКХ своими силами было убийственно тяжело. Для ингуша подметать улицы — позор! Мусор грузить, вывозить... Кто пойдёт? Никто. А если один день мусор не уберёшь да нечистоты не выкачаешь — всё. Крышка. Уже не до Эздеда. У нас, если девушка работает уборщицей, то из последних сил скрывает этот позорный факт от родителей, от родственников, от тейпа. «Юристом, менеджером» — говорят. Ингушка разве может работать со шваброй в руках. Ингуш никогда не согласится работать прислугой. Официантов на работу приглашаем из других регионов. У нас все чистюли, все князья.

Если все станут хаджи (святошами), кто будет землю пахать?
Берригаш хъажой а хинна д!абахача, лаьтта оахаргдар малав?

Тейп

Харон Цечоев объяснил:

— По сегодняшний день общественное устройство республики является родоплеменным.

Род имеет своё исконное название по фамилии первого предка. Это сакрально. Древняя родовая земля не продаётся, древняя родовая башня не продаётся, не наследуется кем-то одним — принадлежит всем членам рода. У генеалогического дерева в процессе жизни может появиться много ветвей, много фамилий, но тейп — род — будет носить всегда фамилию первооснователя. У нас нет «просто ингушей». Ингуш не может быть сам по себе — он представитель конкретного тейпа. Каждый родом из определённой башни. При встрече спрашивают не «кто ты?», а «чей ты?» «ты из какого тейпа? чьих будешь?»

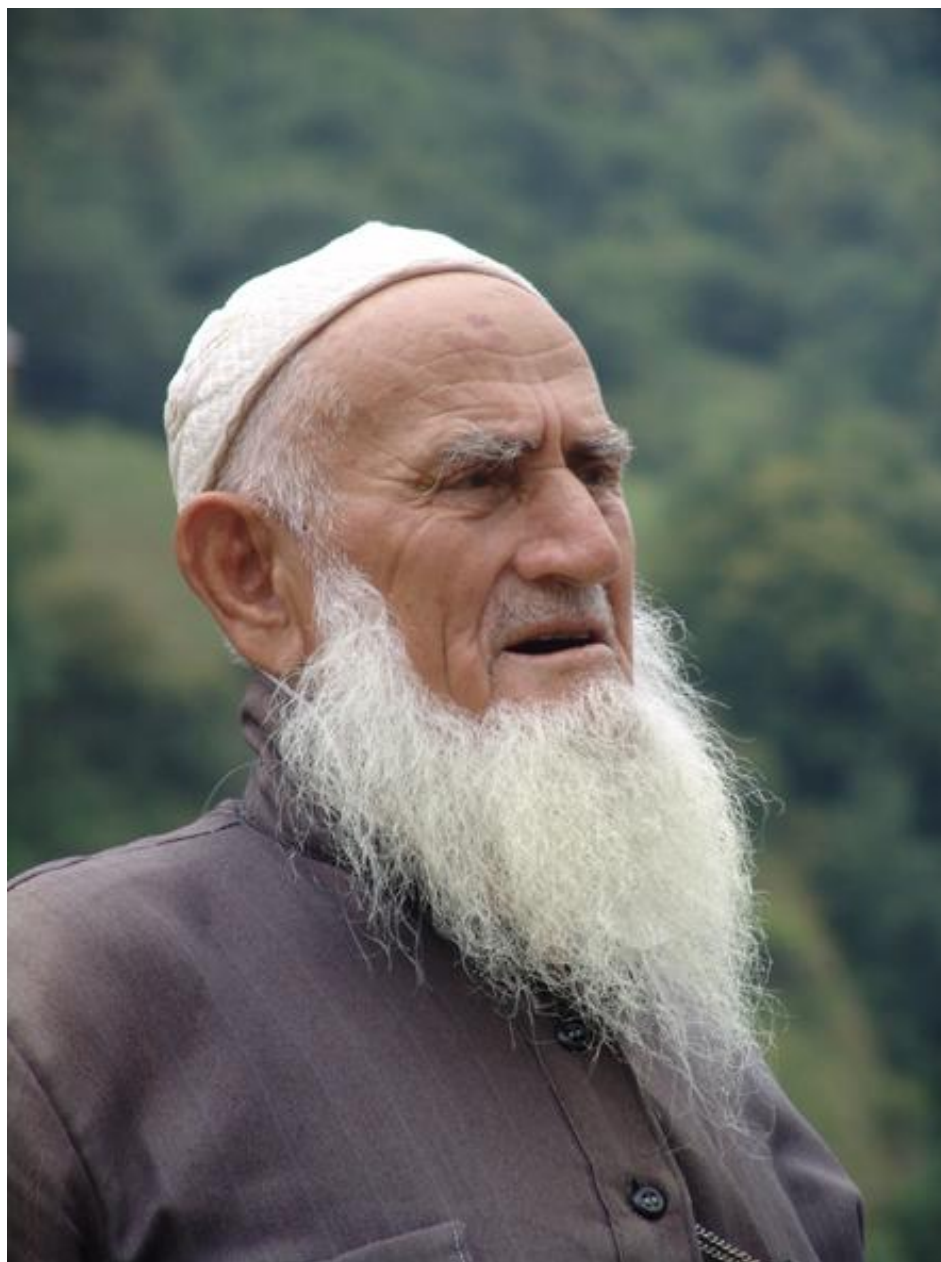
— Чей мандила?

— ...Примерно.

— А у кого нет родовой башни — «обезбашенные»?



Фото Амира Хакиева



— Выходит так.

Кто переступил черту закона, кто сам не уймётся, того вызывают на Совет тейпа. В роду знают всё про каждого: кто? где? когда? Салман Опиев — официально избранный лидер тейпа Цечоевых, духовный тамада. У нас тоже были «лесные». Мы этих друзей вызвали — их было пятеро — вызвали и жёстко предупредили: если собираетесь здесь жить, вы должны бандитскую деятельность прекратить. Иначе тейп разорвёт с вами всяческие отношения: не разрешит вас хоронить, откажет в любой помощи, запретит жениться, посещать общинные мероприятия. У нас ведь тут...

— Не Рязань.

— Да. Если в Ингушетии отлучают от рода, ты превращаешься в изгоя, в отщепенца. Тебя могут оскорбить, унижить. Ты — выродок. Ты — никто. На твой отстрел выдают лицензию. Такому остаётся только смыться в Краснодар или Москву — разбойничать там.



«И в Дагестане похожие традиции, — мелькнула мысль. — Оказывается, в российской глубинке люди зачастую имеют дело не с полномочными представителями Кавказа... Они не делегированы — изгнаны из родных мест на радость своему роду, ваьру, тейпу, тухуму. Для испытания пределов российской толерантности».

— Тут не скажешь: «Да мы вас... да мы шахиды!..» Тейп — это слишком серьезно. Это не мама пожурит, не милиционер пальчиком погрозит — тут не огрызнёшься. Прессинг рода жёсткий. Им арабские эмиссары рассказывают, что если погибнешь в бою с неверными — сразу попадёшь в рай. А тут какой рай?.. Когда ты пошёл против отца, против братьев, против тейпа. Кто тебя в рай пустит без нашей рекомендации? Никто. Вариантов нет. Есть единственный выход: подчиниться, покаяться, изменить своё поведение. Я, как ингуш, другого варианта представить не могу. И на наших заблудших родственников «партийное собрание» подействовало. Сейчас они прекрасно работают. Каждый стал добропорядочным семьянином и никаких порочащих связей не имеет.

Моральный облик женщин

Племянник Махмуда Юнус тоже охотно рассказал о знаковой традиции:

— У нас за чистотой нравов незамужних девушек и разведённых женщин отвечают близкие родственники по отцовской линии: или отец, или брат, или дядя, или сын. Честь женщины для нас — святое! Наша мать постоянно талдычила сёстрам: «Вы свой внешний вид должны контролировать всегда: на вас должна быть такая одежда, чтобы даже после внезапной трагической смерти, в результате аварии или по другой причине тело не оголилось... Сделайте так, чтоб на вас смотреть было не противно». По нашим адатам, если женщина «загуляла» — ей полагается смерть. Разведённая женщина — под присмотром особым: она не должна носить яркие, вульгарные украшения, соблазнительную одежду, обязана соблюдать нормы ислама.

— А любовь, биология, физиология?

— У нас всё, что перечислили, заменяют законы шариата. Мужчинам категорически запрещается звонить ей, если нет серьёзных намерений, если не собирается на ней жениться. А я недавно позвонил... Меня быстро по номеру вычислили... останавливают машину:

— Зачем звонил?

Я хотел «отмазаться», мол, случайно на кнопку сел... Не успел рта раскрыть, объяснить... — удар битой пришёлся по скуле, рукоятка переломилась... Кровища... Со мной в машине был приятель, но нас застали врасплох, а их четверо, и не с пустыми руками — готовились. Они, можно сказать, поступили гуманно. Если бы позвонили сестре моей, я бы этого человека убил, а сестру наказал. У нас не пишут заявления в милицию, разбираются сами. Кстати, а Вы в курсе, что Ингушетия — единственный регион России, где запретили травматическое оружие?

— Ты об этом говоришь так, будто у ваших джигитов изымают столовые ножи, вилки...

— Это следующий шаг! В Ингушетии все рождаются уже в состоянии аффекта... Наш министр МВД так и сказал: «Если им ещё оружие дать, они перебьют друг друга».

Юнус закончил медфак, работает травматологом и потому со знанием дела, заявил:

— На дискотеку, в балет у нас не ходят, самое посещаемое место — травмпункт. Если хотят выпить — везут из Северной Осетии (официально спиртное в Ингушетии не купишь ни в одном ресторане). Хотя ищущий да обрящет: есть несколько полуподпольных точек, там с завидной регулярностью устраивают погромы.

— В какой-то момент мне даже самому показалось: брошу пить! Вовремя одумался... Я бы и рад, но «Путинка» строго показана мне как писателю.

— Тяжёлый случай. А что касается «сладкого»... Гульнуть ханжи-ингуши уезжают за пределы региона. Злачных мест здесь почти не осталось, так, пару частных отелей... Туда нормальные люди не ездят — шелупонь привозит шалав. Зимой брат поймал там свою сестру: один раз предупредил — не поняла. Через неделю мать хватилась искать, он остановил: «Не ищи её больше, закопал. Ты ведь знаешь наши законы». Ингуши стараются эмоций не проявлять: плакать, смеяться, ласкаться, целоваться — не принято... Зарезать — можно.

А вот что услышал про воспитание девочек из женских уст.



Лейла Харсиева поделилась воспоминаниями:

— Когда мы жили во Владикавказе, отец наставлял меня и сестёр: «Вы — лицо нации, потом вы — моё лицо!» Что это означало на практике? Хорошие девочки не могут на улице, в транспорте громко хихикать... Это осуждается. Быть раскрепощённой — пятно на весь род. (А мне по молодости так хотелось посмеяться, я по натуре хохотушка...) С представителями другой национальности мы должны были общаться крайне сдержанно — никакого панибратства! В одиночку появляться на улице — не допускается... С парнем встречаться, уединяться — Боже упаси! Однако, как мы ни старались себя блюсти, — однажды оступились...

Как угораздило?.. Не понимаю...

Держались, держались и здорово живёшь!.. пошли по наклонной.

Старшая сестра, первокурсница, пригласила нас... ЗАЙТИ В КАФЕ.

Потом наступило запоздалое раскаянье, и она решила:

— Признаюсь во всём...

— Да ты что? Не смей!

— Я одна виновата...

— А-ах...

И она с повинной — к отцу.

— Папа, должна тебе признаться: сегодня сестёр водила в кафе.

— И правильно сделала. Вы что на улице мороженое будете лизать? И в кино ходить можно — вы молодые.

Я такая думаю: «Ничего себе... О tempora! О mores! О, времена! О, нравы...»

— Главное — нельзя забывать, что ты ингушка и чья ты дочь.

Он доверял, но проверял — следил за нами. И если ни разу не прокололась — полное доверие отца! Сыновья, конечно, более шепутные, непослушные. У козлят с детства рожки не ороговевшие, пока они их не выбьют, не успокоятся. Всё время бодаются...

Мальчишки такие же.

Фото интернет



Семейные и свадебные адаты

Амина Саутиева — начальник отдела опеки администрации Малгобекского района — дала необходимую информацию:

— При разводе по ингушским традициям дети остаются с отцом. У нас нет такого понятия «алименты». Расходы по воспитанию детей при разводе однозначно несёт отец. «Злостный

неплательщик алиментов» — образ не ингушский. В случае смерти обоих родителей у нас не приходится долго решать, кто будет опекуном ребёнка. Конфликты бывают, кто больше имеет прав взять детей...

— У нас сдают наперегонки, тут наперегонки берут, — подивился я.

— В Ингушетии нет ни одного приюта ребёнка. Если муж погиб, ингушка остаётся с родителями мужа. Если она решит выйти замуж, своих детей должна оставить в семье родителей мужа, потому волей-неволей, остаётся и сама. В Ингушетии нет ни одного дома престарелых. Недавно у нас по местному телевидению показали сюжет: одинокий старик живёт в бараке. Глава республики! лично! заинтересовался судьбой старика, встретился с ним, потом разыскал дочь и пристыдил: «Как тебе не стыдно! Бросить отца!» Оказал бездомному помощь.

Что касается семейных адатов, Махмуд дополнил:

— Зять всю жизнь не видится ни с тещей, ни с тестем, но родственники по линии матери — невесткой — пользуются большим уважением. Тамада «духовный» и «застольный» — разные вещи. Духовный тамада — не балагур, не выпивоха, блистающий остроумными тостами, — религиозный деятель.

Я хотел включить в число символов Ингушетии ещё гору Казбек, но Махмуд возразил:

— Это волюнтаризм! Гора Казбек находится на территории Грузии и не имеет к нам никакого отношения.

Спорить не стал... Да в Грузии. Но вид её величественной вершины украшает и пейзаж Ингушетии. Так что теперь, баннерами зашивать или затирать в фотошопе? Нет. Любоваться. Любоваться и, сличая фото с коробкой советских папирос, помнить, что курение вредно для здоровья, а капля никотина убивает лошадь.

Фото интернет



P.S.



Для характеристики горского и нашего менталитета показательна также реакция общественного мнения на схожие ситуации. Зачастую оценки эти диаметрально противоположны.

Например, в 2005 году органами внутренних дел города Петрозаводска был задержан молодой человек. Его арестовали за то, что он склонял к любви свою несговорчивую обожаемую избранницу, угрожая взорвать ручную осколочную гранату оборонительного действия Ф-1 (зона поражения 200 м). Возмущённые горожане были единодушны: «Довела парня... Вот, дура-то!»

Примечания:

[1] Материал из Википедии — свободной энциклопедии;

[1] Александр Костюнин «Точка души» (Подстрочник).

*



Матрица

Ахи

*Большая родня — глубоко уходящие корни.
Доккха йиша-воша — лаьтта баха к1ооарга овла.*

Ингушская пословица

Оздоев Муса одарил меня пониманием источника духа ингушского народа...

— В древности исключительно святые люди определяли место строительства башни... то заветное, чистое место, на которое нисходила милость Бога. Затем землю обильно орошали молоком и только потом, с молитвами, возводили башню.

Вовнушки — тейповая башня нашего рода Оздоевых. Обратите внимание, башни словно не построены — выросли из скалы, как гигантские деревья, подпитываясь животворными соками родной земли, силой её, могуществом, культурой, Духом ингушского народа. Нет привычного заурядного ощущения рукотворности...

Отец передал изустный завет предков:

— Никогда не расставайтесь с родовыми башнями: в них заключается наше благополучие, в них секрет бессмертия ингушского народа. Башни своего рода энергетический реактор.

Архитектура башни символизирует семь уровней развития материи: на самом нижнем — заготовленные корма, выше скот, ещё выше хозяйственные помещения, кухонные, спальные... И венчает башню макушка — символ исхода человека с бренной земли, возвращение к Создателю. Это философская модель, в соответствии с которой формируется сознание, дух самого человека. Когда ты пребываешь рядом с башней, в ней самой... ты явственно, почти физически ощущаешь ту силу, которой обладали предки. Необъяснимое чувство нереальности, неба... суетные мысли отступают... Ты испытываешь неземную благодать... состояние покоя, абсолютного покоя. Ничто не тревожит. Перед тобой открывается иной, недоступный смертному человеку мир.

И никого вокруг — Ты и Творец.

Вот такая родина у моих предков. Живая, нетленная...

И даже сегодня к древней истории можно прикоснуться наяву.

Здесь обитает дух моего рода.

Ещё одним ярким зрительным образом нашего тейпа является карта поколений, — Муса достал рукописный свиток длиной метров пять — и на всю длину убористым почерком — родословная, генеалогическое древо. — В ссылке, во время голода, разрухи, пожаров её спасли, уберегли, вновь и вновь перенося информацию с ветхого листа на свежий, переписывая от руки раз за разом.

— Как всё серьёзно... Чудо какое-то... — я был поражён. — Да, вот этими мощными извилистыми корнями, уходящими к первородству, и силён Кавказ...

— Эту генеалогическую карту мы составляли несколько веков... она переходила от отца — к сыну, от отца — к сыну. Материал всегда хранился у моего двоюродного брата. Я взял свиток на время, для работы, через день дом брата сгорел дотла. Сейчас многие пытаются «косить» под европейцев. Есть угроза, что всё самое важное останется лишь на бумаге и там тихо скончается. А ведь мы не имеем права допустить, чтобы эта бесконечная нить оборвалась, закончилась нами... Мы обязаны сберечь свою культуру, адаты, «наьна мотт» [1], кодекс чести Эздел в целости, сохранности и передать своим детям. Это поможет им самим выжить и укрепить веру в себя.

— Чудо!.. Можно долго нудно говорить, рассказывать про Ингушетию, а можно просто показать, явить миру этот фолиант — и почтительно замолкнут даже враги... К своему стыду должен признаться: ничего подобного у нас нет. После революции семнадцатого года память людям регулярно перезагружали, всю информацию удаляли, обнуляли. А ведь минимальное, что



даёт история — это право на место под солнцем. Чем древнее история, тем глубже корни государства и народа, тем труднее их выкорчевать. Не знающий прошлого не принадлежит себе, он может стать собственностью кого угодно. Знающий своё прошлое принадлежит только самому себе, даже если его тело заковано в цепи. Моя малая родина — Республика Карелия — собирается отмечать аж 100 лет! Мы словно дерево, растущее на крыше... В романе Чингиза Айтматова «Плаха» описана самая страшная казнь — превращение человека в манкурта. Когда он переставал быть частью народа, забывал, кому принадлежит, кто он, откуда пришёл.

Могу себе представить, какие силы даёт ингушам это священное знание и ясное понимание того, что за спиной, прямо сейчас... в тот момент, когда мы с вами беседуем, — стоят не просто какие-то обезличенные тени пращуров, а дух конкретных основателей, продолжателей рода с фамилиями, датами, реальными судьбами. И какой одновременно груз на плечах, какая моральная ответственность пред тенью предков... Стыдно, невозможно — потомкам, наследникам этого свитка — стать никем, стать ничем... Пустоцветом... Принять эстафету поколений можно, лишь осознавая свою миссию по достойному продолжению рода. Приходится волей-неволей, хочешь-нехочешь соответствовать уровню.

Это был, пожалуй, первый случай, за время всей моей поездки по Ингушетии, когда говорил в основном я (хорош интервьюер!) Точнее, не то чтобы даже говорил — бормотал... слова бессвязные... междометия какие-то... восхищённый, ошарашенный, несказанно радуясь за гордый ингушский народ. Разглядывал карту, фотографировал Мусу...

Передо мной, будто в ускоренном кино, пролетела история ингушей за последние два века: несколько раз судьба подводила ингушский народ к гибели, к самому краю бездны, за которым — ничто. Профессиональные убийцы-властители едва не вывели под корень этот гордый народ, а ведь как старались, как корпели... Дедушка Сталин радел лично... (Уничтожать людей массово он умел и, чего греха таить, любил это дело... понимал в нём толк.) Однако не помогли ему ни НКВД, ни Берия, ни казахские морозы, ни голодовки, ни расстрелы духовных лидеров, ни взрывы мечетей, ни концентрационные лагеря, ни тюрьмы, ни сжигание заживо детей, беременных женщин и стариков... Ничего не вышло из этой дьявольской затеи! В адской машине произошёл где-то сбой. Ингуши взялись за руки и сплотились вокруг своего родового Древа.

И сейчас передо мной лежала не просто генеалогическая схема — матрица! [2] ключ к пониманию ингушского народа. Его секретный код!

Становой хребет и вещий символ Ингушетии.

Стало даже как-то торжественно... волнительно... и необъяснимо страшно.
Не возьмусь пересказать, описать своё состояние... не возьмусь. Это — таинство.
Ощущение... убеждение!
Я понимал, что присутствую в момент священнодействия...

Примечания:

[1] Наьна мотт (инг.) — родной язык, язык матери;

[2] Матрица (лат. matrix) — «первопричина».

*



Заключение

Молчание — начало всех начал.

Андрей Макаревич

Фото интернет



Дорогие ингуши!

Эта книга писана — вашими молитвами.

Наш огромный совместный труд окончен.

В романе Идриса Базоркин «Из тьмы веков» изложено в поэтической форме его восприятие Ингушетии, точно передающее мои собственные чувства:

Знак времени иной. Иная жизнь течёт.
Кто пристально глядит, тот видит очень много.
Кто слушает, с тем время говорит.
Мне удлинители годы старики.
Они меня водили в день вчерашний.

В Ингушетии со мной говорило само Время.

А седые старцы, соль ингушской земли, воплощение разума ингушского народа, были моими провожатыми, моими поводьями в стан ингушской мудрости, истины.

«Подвизайся за истину до смерти» — призывает Ветхий Завет.

И я стараюсь...

Достоинства народа — достоинство его духа, его разума.



Достоинство разума в его философии. Это взаимосвязано. Народ является великим не потому, что может надавать соседу по мордам, народ велик своей мыслью, своей культурой, своей глубиной. Велик тем, что питает человеческую душу, человеческий разум.

Поговаривают о возможности создания искусственного разума.
Он уже есть...

Уже есть сила, которая влияет на всю планету, на каждого землянина. Она могущественнее, чем ЦРУ, чем Мировое Правительство, чем «рука Москвы». Она сильнее всех сил, вместе взятых... В том смысле, что процесс запущен одним из этих центров влияния, но с какого-то момента стал неуправляемым. Эта сила — Интернет. Интернет работает абсолютно автономно и ни от кого не зависит. Он форматирует, формирует мозги людей, он уже привёл к тому, что люди начали одинаково питаться, одеваться, любить, петь, смотреть фильмы, вести себя, говорить, мыслить, жить — всё одинаково. Интернет запустил процессы урбанизации, глобализации. Цунами информационных технологий накрыло всех с головой, не зря же называется «сеть». Авоська, из которой не вырваться никому. Ты уже сегодня не можешь жить, как первобытный человек, не можешь пойти, взяв курс на звезду: нужны паспорт, нужны деньги — много чего. Тебя уже сосчитали, ты — в системе. Уже попал! Искусственный интеллект существует и давно орудует. Бояться этого — нерационально. Надо принять данную вводную как неизбежное. А дальше... Если процесс не остановить, его надо возглавить. Силой, которая день ото дня растёт и становится влиятельнее, нужно научиться управлять, как ядерной реакцией. Однако, находясь в самом реакторе, внутри процесса, координировать его невозможно! Пребывая в одной точке, никогда точно не сориентируешься в пространстве и в итоге останешься на нуле. Для управления нужна устойчивая, математически-точная система координат, дополнительный, наряду с верой, с Богом дедов и прадедов, — вектор направления, измерения. Нужен лазерный луч, святой животворный источник из самой глубины веков. Незатухающий ветхозаветный импульс силы самой Земли связывающий с космосом... И этот дополнительный вектор в системе координат — дух ингушского народа.

Дух ингушского народа — та незамеченная, по достоинству не оценённая пока, сакральная сила, которая сделает Россию... всех нас сильнее.

Вместо фразы «вначале было слово» ингушские жрецы, вероятно, сказали бы: «Сначала было безмолвие». Жрец на священной горе Мят-Лоам во время празднества вначале долго молчал, глядя на восходящее солнце, только потом начинал речь. Не на все вопросы можно найти ответ. И не всегда нужно спешить сказать. Бывает, лучше помолчать.

Молчать и свято верить: «Бог не покинет...»

И строки эти — просто первые капли будущего дождя.

*



Антонина Романова-Осипович

Свече заказано гореть,
Не тлеть,
Не дёргаться,
Не прыгать,
Лишь темноту лучами двигать,
А догоревши — умереть
Нам жизнь подарено прожить,
Не ныть,
Не злиться,
Не пугаться,
Подарком так распоряжаться,
Чтоб научиться всех любить
Спектакль положено сыграть
Достойно,
Смело,
Ждать оваций,
Среди прекрасных декораций
Нельзя комедию ломать

Свече заказано гореть?

*



Словарь

Адат (от араб. — обычаи, привычки) — у тюркских и ряда других народов — обычное право (то есть право, основанное на обычаях), возникший и существовавший у этих народов в доисламский период;

Азан (араб.) — в исламе призыв к молитве;

Алим — (араб.) высокообразованный, обладающий большими знаниями, ученый;

Аллах-акбар! — Аллах велик;

Ангушт — село на юге Пригородного района, осетины называли его Тарским;

Ассаламу алейкум! (араб. — мир Вам; дословно: мир на Вас) — исламское приветствие;

Ахи (собств.) — жанр литературного творчества, противоположный «причитаниям», «воплям», «плачу», в котором автора перехлестывают эмоции исключительно восторженные;

Баракат (араб.) — «благодать, небесный дар». С шариатской точки зрения ученые-богословы говорят, что баракат — это Божественная тайна. Баракат — это прибавление и дополнение;

Буро — древне-ингушское название Владикавказа;

Ваър (инг.), тейп (чеч.), тухум (даг.) — род;

Гяур (араб. аль-кяфирун) — неверные, кафиры — понятие в исламе для обозначения неверующих в Единого Бога и посланническую миссию хотя бы одного из пророков ислама;

Даъла ший духъа саг!а да! (инг.) — «Милостью Аллаха, помогите!»;

Джума-мечеть — соборная мечеть для коллективной молитвы, совершаемой всей мусульманской общиной в полдень пятницы;

Дихон (инг.) Дий хьона — понимаешь — прическа Махмуда;

Дулх-хьалт!ам — мясо с галушками;

Зикр — боевой общинный хоровод, составляющая часть исламского молитвенного обряда. Сакральный смысл: протуберанцы на кромке Солнца;

Зина (арабск.) — изнасилование, прелюбодеяние;

Зиндан (персидск. — «тюрьма») — традиционная подземная тюрьма-темница в средней Азии;

Зиярат — у мусульман святое места;

Кипиш — волнение, паника по поводу какого-то события;

Къунах (инг.) — мужчина;

Къяр дун — ложная клятва;

Ма зокх болаш саг ва (инг.) — какой интересный человек.

Малумат (араб.) — сообщение; сведение, заметка;

Маслиат — обряд примирения;

Мехк Кхел — Совет страны, Совет Судей;

Муэдзин — читающий азан;

Мюрид — последователь, ученик;

Нах (инг.) — люди;

Нашид — мусульманское песнопение, традиционно исполняемое мужским вокалом соло или в хоре без сопровождения музыкальных инструментов;

Наъна воша (инг.) — дядя, брат матери;

Наъна мотт (инг.) — родной язык, язык матери;

Рахмат (араб.) — милость;

Салам маршал! (инг.) — пожелание здоровья;

Сий (инг.) — честь; йо!ал (инг.) — целомудрие;

Сунна (араб.) — путь, дорога. В исламе под Сунной понимают действия пророка Мухаммада;

Ураза (тюрк.), рузе (перс.), саум (араб.), 30-дневный пост у мусульман в месяце рамазане. Восходит к древнеараб. культам. Условия поста регулируются Кораном (сура 2): мусульманин должен воздерживаться от пищи, питья, игр, зрелищ в течение дня до наступления темноты. Обязателен для всех верующих, кроме детей до 7 лет, больных, беременных женщин, безумных, путешествующих. Пост, прерванный из-за болезни или путешествия, надлежало возместить в другое время. В связи с тем, что мусульманский год лунный, рамазан, а следовательно, и У. каждый год приходится на разное время года;

Устаз (араб.) — наследник Пророка, учитель;

Хабар (араб.) — рассказ, молва, слух;

Хабарик (собств.) — маленький хабар (мне так кажется);

Хадис (араб.) — высказывания пророка Мухаммада;

Харам (араб.) — в шариате запретные действия;

Хашица (инг.) — специальная комната для гостя в ингушском доме;

Худуди (араб.) — наказание;

Хукумат (араб.) — государство, власть;

Хъящ чиицр (инг.) — гостеприимство;

Ц!а ваг!ав (инг.) — «вернулся домой», так ингуши говорили про смерть;

Чапенгишь (инг.) — блины с творогом;

Шура (инг.) — молоко

Эздел — кодекс чести, нравственности;

Экажево — село;



Моя задача на ближайшее время: рассказать о сказочной, прекрасной, самобытной Стране Башен, о гордых, мужественных ингушах, для которых на первом месте стоит честь. Рассказать своим друзьям и друзьям моих друзей. Вот увидите: весь мир узнает!.. Клянусь! А в переводе на ингушский — «Ашитбля»!

В конце письма обычно делают приписку: «Жду ответа, как соловей лета!» А я, поскольку ингушский теперь знаю, не буду изъясняться экивоками и скажу напрямик: «Дорогие читатели, мне не терпится увидеть ваш жоп!» Свои отзывы, дополнения, уточнения присылайте по адресу: A-Kostjunin@yandex.ru; Большая просьба, если заметите опечатку — сообщите! Не хочется, чтобы получилось, как у нас в советские времена, когда при наборе заголовка газеты «Советское Беломорье» в слове «Беломорье» впопыхах поменяли местами первые две буквы. Ну, а коли ошибка обнаружится слишком поздно, сильно не гневайтесь. По примеру нижегородского монаха Лаврентия, в конце своей летописи я тоже обращаюсь к вам с нижайшей просьбой: «Оже ся где буду описал или переписал или недописал, чтите исправливая Бога дея, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел».

